

НЕВЮЛЯ

31 • 2012

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Фима Жиганец На волю! На волю!	25
Андрей Ловыгин В плену у Колдуна	37
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (октябрь – декабрь 2012 года)	55
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	80

ИСТОРИЯ

По материалам зарубежных СМИ

Легендарные тюрьмы	90
Пытки и казни во Франции	111
Борис Скляренко На переломе	118
Алексей Смирнов Выбор	127
Александр Сидоров Планета чудес	144

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталия Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование

**Норвежский Хельсинкский
комитет**

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталия Малыхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталия Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах

По состоянию на **1 января 2013 г.** в учреждениях УИС содержалось 701,9 тыс. человек (– 53,7 тыс. человек к началу года), в том числе:

в 739 исправительных колониях отбывало наказание 585,0 тыс. человек (– 54,5 тыс. человек), а именно:

– **в 130 колониях-поселениях** отбывало наказание 39,5 тыс. человек (– 4510 человек);

– **в 5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1819 человек (+ 45 человек);

в 230 следственных изоляторах и 165 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях содержалось – 113,6 тыс. человек (+ 1495 человек);

в 7 тюрьмах отбывало наказание 0,9 тыс. человек (– 177 человек);

в 46 воспитательных колониях для несовершеннолетних 2,2 тыс. человек (– 519 человек).

В учреждениях содержится 57,7 тыс. женщин (– 4020 человек), в том числе 47,6 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, ЛИУ, ЛПУ и 10,0 тыс. чел., в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу; при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 714 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

2459 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 465,7 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

53 государственных унитарных предприятия исправительных учреждений, 587 центров трудовой адаптации осужденных, 52 лечебно- и 41 учебно-производственная мастерская.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 319 вечерних общеобразовательных школ и 549 учебно-консультационных пунктов, 333 профессионально-технических училища и 302 обособленных структурных подразделения, действуют 555 храмов, 702 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 338,5 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 246,5 тыс. человек (кроме того переменный состав – 7,2 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **8 учреждений высшего профессионального образования** с 7 филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центра и пункта, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Регламентирован порядок предоставления ФСИН России государственной услуги по организации приема граждан, обеспечению своевременного и полного рассмотрения их обращений (*Приказ Минюста России от 31.07.2012 № 147 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы исполнения наказаний по предоставлению государственной услуги по организации приема граждан, обеспечению своевременного и в полном объеме рассмотрения их устных и письменных обращений по вопросам, касающимся деятельности уголовно-исполнительной системы, принятию по ним соответствующих решений и направлению ответов в установленный законодательством Российской Федерации срок»*).

Определены состав, сроки и последовательность административных действий должностных лиц ФСИН России при предоставлении данной государственной услуги, а также требования к порядку их выполнения, в том числе в электронной форме.

В приложении к документу приведена контактная информация территориальных органов ФСИН России.

В связи с изменениями в Уголовном кодексе РФ утверждены новые размеры наркотических средств и психотропных веществ, имеющие значение при назначении наказания за незаконный оборот указанных средств и веществ (*Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические сред-*

ства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229, 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Федеральным законом от 01.03.2012 № 18-ФЗ в УК РФ было введено новое понятие «значительного размера» наркотических средств и психотропных веществ, незаконный оборот которых влечет уголовную ответственность (в отношении контрабанды наркотиков понятие значительного размера действовало и ранее), при этом уголовная ответственность за оборот наркотических средств и психотропных веществ в крупном и особо крупном размерах, понятия которых в качестве квалифицирующего признака в УК РФ уже существовали, была значительно усилена.

В связи с этим Правительство РФ утвердило новые размеры наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного наказания, определив в качестве «значительного» и «крупного» размеров те значения, которые ранее относились к «крупным» и «особо крупным» соответственно, и установив для «особо крупного» размера новые значения. Так, в частности, в отношении героина особо крупным размером будет считаться размер свыше 1 килограмма, гашиша – свыше 10 килограммов, дезоморфина – свыше 10 граммов, опия, коки и маковой соломки – свыше 5, 20 и 100 килограммов сухого вещества соответственно.

Постановление, утвердившее новые размеры наркотических средств и психотропных веществ, так же как и упомянутый федеральный закон, вступит в силу с 1 января 2013 года.

Расширен перечень оснований, при наличии которых условное осуждение судом не назначается (Федеральный закон от 16.10.2012 № 172-ФЗ «О внесении изменения в статью 73 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Согласно изменениям, внесенным в ст. 73 УК РФ, условное осуждение не будет назначаться также:

– при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления, либо в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении;

– при опасном или особо опасном рецидиве.

В настоящее время условное осуждение не назначается лишь осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Уточнены процедуры и организация государственной регистрации актов гражданского состояния (*Федеральный закон от 12.11.2012 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования государственной регистрации актов гражданского состояния»*).

В соответствии с изменениями, внесенными в Семейный кодекс РФ, Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» и Федеральный закон «Консульский устав Российской Федерации», установлена, в частности, возможность удостоверения подписи лица, совершенной на заявлении о заключении брака, расторжении брака или установлении отцовства начальником места содержания под стражей или начальником исправительного учреждения (в отношении подписи подозреваемого, обвиняемого или осужденного).

Принят Закон, направленный на совершенствование уголовного законодательства в сфере защиты государственной тайны от преступных посягательств и повышение эффективности обеспечения безопасности страны (*Федеральный закон от 12.11.2012 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*).

Так, принятым Законом уточняются понятия «государственная измена», «шпионаж», содержащиеся в соответствующих статьях УК РФ.

В частности, предусмотрено, что государственной изменой являются совершенные гражданином РФ шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством, либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности РФ.

Введена уголовная ответственность за незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну, то есть получение сведений, составляющих государственную тайну, путем похищения, обмана, шантажа, принуждения, угрозы применения насилия либо иным незаконным способом (при отсутствии признаков государственной измены и шпионажа).

Предварительное следствие по делам о незаконном получении сведений, составляющих государственную тайну, отнесено к подследственности органов федеральной службы безопасности.

Суды разъясняют...

Пленумом ВС РФ даны разъяснения, касающиеся оснований разграничения квалификации получения взятки за действия (бездействие), которые входят в служебные полномочия должностного лица, от получения взятки за незаконные действия (бездействие).

Сообщается, что по смыслу части 1 статьи 290 УК РФ под действиями (бездействием) должностного лица, входящими в его служебные полномочия, следует понимать действия (бездействие), которые он правомочен совершать в соответствии со своими служебными полномочиями и которые формально соответствуют требованиям закона, иным нормативным и другим правовым актам. В данном случае дача взятки обусловлена, например, желанием взяткодателя ускорить принятие должностным лицом соответствующего решения либо повлиять на выбор (в пределах компетенции или усмотрения должностного лица) наиболее благоприятного решения для себя или представляемых лиц или иными аналогичными мотивами.

Под незаконными действиями (бездействием) должностного лица, применительно к диспозиции части 3 статьи 290 УК РФ, следует понимать совершенные с использованием служебных полномочий неправомерные действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, а также действия (бездействие), содержащие признаки преступления либо иного правонарушения (фальсификация доказательств по уголовному делу, несоставление протокола об административном правонарушении, когда это обязательно по закону, принятие решения на основании заведомо подложных документов, внесение в документы сведений, не соответствующих действительности, и т.п.).

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.05.2012 № 7 «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 “О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе”»)

Является ли дискриминацией и пыткой нахождение осужденного в столовой исправительного учреждения во время, отведенное распорядком дня для приема пищи, поскольку там не готовится пища с учетом его религиозных и иных убеждений?

С таким утверждением в ВС РФ обратился осужденный Р.И., потребовав признать частично недействующим пункт 25 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (прием осужденными пищи производится в часы, установленные распорядком дня, поотрядно, по отделениям, побригадно в столовой либо в раздаточном помещении на объектах работы. Если столовая расположена на стыке жилой и производственной зон, прием пищи работающей сменой может организовываться в столовой, при условии обеспечения изоляции лиц, находящихся в жилой зоне, от осужденных, работающих на производстве).

Согласно пункту 25 Правил прием осужденными пищи производится в столовой либо в раздаточном помещении на объектах работы.

Питание является важнейшим фактором, определяющим здоровье человека. Оспариваемые положения нормативного правового акта определяют место для приема пищи осужденными и, следовательно, не могут рассматриваться как дискриминационные.

Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных установлено статьей 14 УИК РФ, в соответствии с которой осужденным гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания. Они вправе исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Оспариваемые положения Правил, определяя место для приема пищи, не устанавливают, какую пищу должны принимать осужденные, и, следовательно, не могут рассматриваться как нарушающие свободу вероисповедания или как пытка, поскольку не устанавливают каких-либо принудительных мер приема пищи.

(Решение ВС РФ от 21 мая 2012 г. № АКПИ12-606)

Как решается вопрос о продлении срока содержания под стражей в отношении подсудимого?

Положения ст. 255 УПК РФ прямо устанавливают, что если заключение под стражу избрано подсудимому в качестве меры пресечения, то срок содержания его под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не может превышать 6 месяцев (ч. 2). Суд, в производстве которого находится уголовное дело, по истечении 6 месяцев со дня его поступления вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей, однако такое продление допускается только по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на 3 месяца (ч. 3); при этом решение суда о

продлении срока содержания подсудимого под стражей может быть обжаловано в кассационном порядке (ч. 4).

Только по результатам рассмотрения – в условиях состязательности сторон и при обеспечении прав участников судопроизводства – вопроса о мере пресечения суд может принять решение об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или о продлении срока его действия. Это решение должно отражать исследованные в судебном заседании фактические обстоятельства вне зависимости от того, на какой стадии судопроизводства и в какой форме – в виде отдельного постановления (определения) или в качестве одной из составных частей постановления (определения), выносимого по иным вопросам, оно принимается. Положения УПК РФ (статьи 227 и 228, части 2 и 3 статьи 231) предполагают необходимость обеспечения обвиняемому права участвовать в рассмотрении судом вопроса (отдельно или наряду с другими вопросами) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей или об оставлении данной меры пресечения без изменения, изложить свою позицию и представить в ее подтверждение необходимые доказательства.

(Определение КС РФ от 11 мая 2012 г. № 683-0)

В связи с изменениями, внесенными в УК РФ в части гуманизации наказания, Пленумом ВС РФ разъяснено применение судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел.

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ в статью 62 УК РФ («Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств») введена часть 5, согласно которой срок или размер наказания, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ («Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением»), не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Судам дано пояснение, что указанные в части 5 статьи 62 УК РФ и в части 7 статьи 316 главы 40 УПК РФ требования о назначении подсудимому при рассмотрении дела в особом порядке наказания не более двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, не распространяются на дополнительные наказания.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.06.2012 № 10 «О внесении изменения в пункт 13 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 года № 60 “О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел”»)

Пленум Верховного суда РФ дал разъяснения по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачи лиц для отбывания наказания.

В Постановлении отмечается, что лицо может быть выдано иностранному государству, если деяние, в связи с совершением которого направлен запрос о выдаче, является наказуемым по УК РФ и законодательству запрашивающего государства.

Обращается внимание на то, что выдача, передача лица, признание приговора суда иностранного государства осуществляются на основании международного договора Российской Федерации либо принципа взаимности.

В связи с этим судам необходимо выяснить, является ли соответствующее иностранное государство участником международного договора Российской Федерации.

Приведены основания для отказа в выдаче. Например, не допускается выдача в государство, являющееся участником Европейской конвенции о выдаче, если истекли сроки давности уголовного преследования или отбывания наказания.

При этом обращается внимание судов на то, что условия и основания отказа в выдаче предусматриваются не только в УПК РФ, иных законах, а также в международных договорах Российской Федерации.

Уделено внимание порядку и срокам содержания лица под стражей до получения запроса о выдаче. При этом указано, что судам необходимо рассматривать и иные меры пресечения, которые могут быть достаточными для обеспечения возможной выдачи лица.

Невозможность избрания (продления) в отношении лица иной меры пресечения следует обосновать в судебном акте.

Указано также, что международным договором Российской Федерации может предусматриваться возможность передачи лица для отбывания наказания не только в государстве, гражданином которого оно является, но и в том, на территории которого такое лицо постоянно проживает.

Приводится перечень официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, связанных с выдачей лиц иностранному государству.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 14.06.2012 № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»)

Должны ли сотрудники правоохранительных органов (в том числе и бывшие) содержаться отдельно в изоляторах временного содержания?

Да, должны. В связи с противоречием этому однозначному требованию, установленному Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», признан недействующим пункт 19 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел (Приказ МВД России от 22.11.2005 № 950), в той части, в какой он предписывает соблюдение требования отдельного содержания указанных лиц «исходя из имеющихся возможностей».

(Решение ВС РФ от 13 июля 2012 г. № АКПИ12-699)

Является ли ношение нагрудных знаков, на которых указываются фамилия и инициалы осужденного, а также номер отряда, разглашением персональных данных и вмешательством в частную жизнь осужденного?

Нет, не являются. Как разъяснил ВС РФ, положения абзаца 11 пункта 14, приложения № 3 к ПВР ИУ, пункта 34 ПВР ИУ, устанавливающие необходимость ношения одежды установленного образца с нагрудными и нарукавными знаками, на которых указывается фамилия, инициалы осужденного и номер отряда (отделения) и проведения проверки наличия осужденных на общих построениях путем количественного подсчета и пофамильной переклички, не противоречат нормам федерального законодательства и не могут рассматриваться как разглашение администрацией исправительного учреждения персональных данных осужденного и вмешательство в частную жизнь осужденного к лишению свободы.

Ношение одежды установленного образца с нагрудными и нарукавными знаками и проведение проверки наличия осужденных в установленном месте на общем построении путем количественного подсчета и пофамильной переклички обусловлено необходимостью поддержания установленного законом порядка отбывания наказания в виде лишения свободы, постоянного надзора за осужденными, предупреждения побегов, соблюдения прав на личную безопасность, це-

лями оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях (ст. 82, 83, 84 УИК РФ).

(Определение ВС РФ от 14 августа 2012 г. № АПЛ12-455)

Если отбывающий наказание осужденный или содержащийся под стражей заключенный подал жалобу в суд, всегда ли его присутствие обязательно во время судебного рассмотрения поданной жалобы?

Нет, не всегда. По смыслу статьи 125 УПК РФ, суд должен обеспечить содержащемуся под стражей заявителю возможность путем непосредственного участия в заседании суда или использования систем видеоконференцсвязи ознакомиться со всеми материалами рассматриваемого судом дела и довести до сведения суда свои доводы, если принимаемое судом решение связано с применением к заявителю мер, сопряженных с его уголовным преследованием, ограничением его свободы и личной неприкосновенности (рассмотрение жалобы подозреваемого или обвиняемого на применение к нему мер уголовно-процессуального принуждения, личного обыска, освидетельствования и др.).

В случае же обжалования в предусмотренном статьей 125 УПК РФ порядке осужденным, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы, действий (бездействия) или решений органов предварительного расследования, затрудняющих доступ осужденных к правосудию (отказ в приеме сообщения о преступлении, бездействие при проверке этого сообщения, отказ в возбуждении уголовного дела и др.), осужденный претендует на роль потерпевшего в будущем уголовном деле, на возбуждении которого он настаивает. Жалобы осужденных в таких случаях не связаны с применением к их заявителям мер, сопряженных с уголовным преследованием, ограничением свободы и личной неприкосновенности, поэтому суд вправе обеспечить конституционное право заявителя довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела не только путем его личного участия в судебном заседании, но и иными способами – путем допуска к участию в судебном заседании его представителя, принятия письменных обращений, предоставления права обжалования принятого судебного решения. При этом статья 125 УПК РФ не ограничивает право суда признать – исходя из обстоятельств дела – личное участие осужденного обязательным.

Статья 376 УПК РФ регламентирует участие в судебном заседании осужденного при кассационном рассмотрении приговора – судебного решения, принятого по существу уголовного дела, и не регулирует по-

рядок участия осужденных в судебном рассмотрении кассационных жалоб на постановления судьи, вынесенные в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ.

Эта статья не запрещает суду, проверяющему в кассационном порядке законность и обоснованность постановления районного суда, вынесенного по жалобе заявителя, признать его личное участие в деле – исходя из конкретных обстоятельств дела – обязательным, а также не содержит положений, допускающих произвольный, необоснованный или немотивированный отказ в удовлетворении ходатайства о личном участии в деле заявителя, отбывающего уголовное наказание в виде лишения свободы и подавшего кассационную жалобу.

(Определение КС РФ от 17 июля 2012 г. № 1449-О)

Как реализуется право заключенных на подачу жалоб, предложений и заявлений, в том числе коллективных?

В целях совершенствования форм и методов работы с предложениями, заявлениями и жалобами осужденных и лиц, содержащихся под стражей, повышения качества защиты их конституционных прав и законных интересов, во исполнение предписаний пункта 4, абзаца 2 пункта 7 Постановления Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2005 г. № 679 «О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов представления государственных услуг» утвержден Административный регламент, которым установлен порядок рассмотрения в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы индивидуальных и коллективных предложений, заявлений и жалоб подозреваемых, обвиняемых или осужденных.

Частью 2 статьи 10 УИК РФ установлено, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации.

В соответствии с частью 4 статьи 12 УИК РФ осужденные имеют право обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации учреждения или органа, исполняющего наказания, в вышестоящие органы управления учреждениями и органами, исполняющими наказания, суд, органы прокуратуры, органы государственной власти и органы местного самоуправления, общественные наблюдательные комиссии, общественные объединения, а также в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

Согласно частям 2 и 3 статьи 15 УИК РФ предложения, заявления и жалобы осужденных могут быть изложены в устной и письменной формах. Предложения, заявления и жалобы осужденных к аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, лишению свободы, смертной казни, адресованные в органы, указанные в части 4 статьи 12 УИК РФ, направляются через администрацию учреждений и органов, исполняющих наказания. Осужденные к иным видам наказаний направляют предложения, заявления и жалобы самостоятельно.

В силу статьи 91 УИК РФ получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция подвергается цензуре со стороны администрации исправительного учреждения. Переписка осужденного с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исполнительной системы, а также с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, уполномоченным по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссией, созданной в соответствии с законодательством Российской Федерации, Европейским Судом по правам человека цензуре не подлежит.

Исходя из изложенного, осужденные обладают правом на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами в государственный орган, орган местного самоуправления, как и другие граждане Российской Федерации. Однако порядок реализации данного права различается в зависимости от вида отбываемого ими наказания. Осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, направляют обращения в обычном порядке в любой доступной форме, включая форму электронного сообщения. Осужденные же, содержащиеся в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, направляют корреспонденцию через администрацию учреждений и органов, исполняющих наказания, в письменной форме либо имеют возможность реализовать свое право на обращение в форме устного обращения. Такие ограничения обусловлены целями исполнения и отбывания лишения свободы, предусмотренными уголовно-исполнительным законодательством, и режимом содержания в исправительных учреждениях.

(Определение ВС РФ от 6 сентября 2012 г. № АПЛ12-479)

Необходимая оборона: как защититься, не став самому преступником?

При защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица,

либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу.

С учетом значимости положений статей 37 («Необходимая оборона») и 38 («Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление») УК РФ, а также в целях формирования единообразной судебной практики Пленум Верховного суда РФ постановляет, в частности, следующее:

В случае совершения предусмотренных Особенной частью УК РФ деяний, в которых юридические и фактические моменты окончания посягательства не совпадают, право на необходимую оборону сохраняется до момента фактического окончания посягательства. Необходимая оборона может быть признана правомерной независимо от того, привлечено ли посягавшее лицо к уголовной ответственности, в том числе в случае защиты от посягательства лица в состоянии невменяемости или лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Состояние необходимой обороны может иметь место, в том числе в случаях, когда: защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается; общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам.

Переход оружия или других предметов, использованных в качестве оружия при посягательстве, от посягавшего лица к оборонявшемуся лицу сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства, если с учетом интенсивности нападения, числа посягавших лиц, их возраста, пола, физического развития и других обстоятельств сохранялась реальная угроза продолжения такого посягательства.

Уголовная ответственность за причинение вреда наступает для оборонявшегося лишь в случае превышения пределов необходимой обороны, то есть когда по делу будет установлено, что оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства, указанного в части 2 статьи 37 УК РФ, такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть. При этом ответственность за превышение пределов необхо-

димой обороны наступает только в случае, когда по делу будет установлено, что оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, повлекшее по неосторожности смерть посягавшего лица, надлежит квалифицировать только по части 1 статьи 114 УК РФ.

Не влечет уголовную ответственность умышленное причинение посягавшему лицу средней тяжести или легкого вреда здоровью либо нанесение побоев, а также причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства.

При посягательстве нескольких лиц обороняющееся лицо вправе применить к любому из посягающих такие меры защиты, которые определяются характером и опасностью действий всей группы.

Сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы.

Не может признаваться преступлением причинение вреда таким лицом, применившим оружие, специальные средства, боевую и специальную технику или физическую силу с нарушением установленного действующим законодательством порядка их применения, если исходя из конкретной обстановки промедление в применении указанных предметов создавало непосредственную опасность для жизни людей или могло повлечь за собой иные тяжкие последствия (экологическую катастрофу, совершение диверсии и т.п.).

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 года № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» признано утратившим силу.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»)

Возможен ли двойной учет одних и тех же обстоятельств при квалификации деяния по совокупности предусмотренных ими преступлений?

Принцип *non bis in idem*, как он установлен Конституцией России и регулируется уголовным законодательством РФ, исключает повторное осуждение и наказание лица за одно и то же преступление, квалификацию одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойной учет одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации преступления и при определении вида и меры ответственности. (Определение КС РФ от 17 июля 2012 г. № 1484-0)

Как должны обеспечиваться бесплатным питанием подозреваемые и обвиняемые в период участия их в следственных действиях и судебных заседаниях?

Порядок и условия содержания под стражей, гарантии прав и законных интересов лиц, которые в соответствии с УПК РФ задержаны по подозрению в совершении преступления, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых в соответствии с УПК РФ избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, регулируются Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

В соответствии с пунктом 9 части 1 статьи 17, статьей 22 Закона подозреваемые и обвиняемые обеспечиваются бесплатным питанием, достаточным для поддержания здоровья и сил, по нормам, определяемым Правительством РФ, в том числе в период участия их в следственных действиях и судебных заседаниях.

Постановлением Правительства РФ от 11 апреля 2005 г. № 205 утверждена норма питания для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах ФСИН России, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов ФСБ, на мирное время (пункт 2).

Во исполнение данного постановления приказом Минюста России от 2 августа 2005 г. № 125 утверждена норма индивидуального рациона питания для осужденных к лишению свободы, а также для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений при их этапировании, нахождении в судах. По данной норме обеспечивают указанные

контингенты в случае, когда приготовление пищи из продуктов основных норм питания не представляется возможным. Для гидратации концентратов первых и вторых обеденных блюд, входящих в состав данной нормы, приготовления чая довольствующиеся при приеме пищи обеспечиваются горячей водой (приложение 6).

Предусмотренный пунктом 161 ПВР СИЗО порядок обеспечения питанием подозреваемых и обвиняемых в следственных действиях и судебных заседаниях, предусматривающий обеспечение горячим питанием по установленным нормам, а в случае невозможности обеспечить горячим питанием – сухим пайком, находится в соответствии со статьей 22 ФЗ-103, так как в этот период они обеспечиваются питанием, достаточным для поддержания здоровья и сил, по нормам, определенным Правительством Российской Федерации, в том числе при выдаче сухого пайка.

(Решение ВС РФ от 30 августа 2012 г. № ГКПИ12-874)

О территориальной подсудности уголовных дел частного обвинения о преступлениях, совершенных вне пределов Российской Федерации.

Гражданин К. оспорил конституционность отдельных положений УПК РФ о действии уголовно-процессуального закона в пространстве, а также о территориальной подсудности уголовного дела.

Так, уголовное дело по общему правилу рассматривается в суде по месту совершения преступления. По мнению заявителя, оспариваемые положения препятствуют рассмотрению в судах Российской Федерации заявления в порядке частного обвинения о совершении гражданином России преступления вне пределов Российской Федерации.

КС РФ указал следующее.

В соответствии с УПК РФ уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления, каковым признается то место совершения деяния, содержащего признаки преступления, где оно пресечено или окончено.

Однако данное правило не позволяет однозначно определить территориальную подсудность уголовных дел о преступлениях, совершенных вне пределов Российской Федерации.

В таком виде указанное положение не согласуется с законодательными предписаниями, регламентирующими гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов потерпевших от преступлений.

Таким образом, оспариваемое положение, как не позволяющее однозначно определить территориальную подсудность уголовного дела частного обвинения о преступлении, совершенном гражданином России в отношении другого гражданина России вне пределов государства их гражданства, не соответствует Конституции РФ.

В связи с этим законодателю надлежит внести изменения, направленные на совершенствование правил определения подсудности уголовных дел о преступлениях, совершенных вне пределов Российской Федерации.

До внесения соответствующих изменений указанные уголовные дела подлежат рассмотрению тем мировым судьей, чья юрисдикция распространяется на территорию, на которой проживают и потерпевший, и обвиняемый. Во всех иных случаях территориальную подсудность соответствующего уголовного дела определяет председатель (его заместитель) вышестоящего суда.

(Постановление КС РФ от 16 октября 2012 г. № 22-П)

Каков правильный порядок назначения судебной экспертизы?

В соответствии с частью 3 статьи 195 УПК РФ следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 того же Кодекса, о чем составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением. Это процессуальное действие, по смыслу указанных норм, рассматриваемых в системной связи, должно быть осуществлено до начала производства экспертизы; в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности и равноправия сторон права, закрепленные статьей 198 УПК РФ. Данное требование части 3 статьи 195 УПК РФ распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях.

При этом УПК РФ (статьи 47, 53, 119–122, часть 1 статьи 206, статьи 207 и 283) обязывает следователя предъявить обвиняемому заключение эксперта и разъяснить ему право ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы и не ограничивает право подозреваемого, обвиняемого при недостаточной ясности или полноте заключения эксперта или при возникновении новых

вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела ходатайствовать о назначении дополнительной судебной экспертизы, а в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов – о назначении повторной экспертизы. Не содержит уголовно-процессуальный закон и положений, предполагающих произвольный отказ в удовлетворении заявленного ходатайства, если обстоятельства, об установлении которых просит сторона, имеют значение для разрешения уголовного дела, а также положений, освобождающих суд, прокурора, следователя и дознавателя от обязанности исследовать доводы подозреваемого, обвиняемого о признании тех или иных доказательств не имеющими юридической силы и при возникновении сомнений в допустимости или достоверности этих доказательств – отвергнуть их в соответствии с требованиями статей 49 (ч. 3) и 50 (ч. 2) Конституции РФ.

(Определение КС РФ от 24 сентября 2012 г. № 1620-0)

Как должно назначаться наказание при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений?

Согласно статье 68 УК РФ при назначении наказания при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений учитываются характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений (ч. 1); срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ (ч. 2); при любом виде рецидива преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 УК РФ, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, а при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьей 64, может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление (ч. 3).

Тем самым положения статьи 68 УК РФ в их взаимосвязи не препятствуют суду при определении вида и меры наказания лицу, ранее су-

димому и вновь совершившему преступление, учитывать также смягчающие обстоятельства, характеризующие как само преступление, так и лицо, его совершившее, а при наличии исключительных обстоятельств назначать наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

(Определение КС РФ от 24 сентября 2012 г. № 1665-0)

Противоречит ли Конституции РФ Закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»?

Административный надзор, как осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных этим ФЗ (пункт 1 статьи 1), относится к мерам предупреждения преступлений и других правонарушений, оказания на лицо индивидуального профилактического воздействия (статья 2), а не к мерам ответственности за совершенное правонарушение. При этом применение административного надзора, в отличие от уголовной ответственности, связывается не со временем совершения преступления, а с освобождением лица из мест лишения свободы и с наличием непогашенной или неснятой судимости, которая влечет за собой правовые последствия в случаях и в порядке, предусмотренных федеральными законами (статья 86 УК РФ). Установление судом административных ограничений не может рассматриваться как возложение ответственности за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, или ее отягчение. Соответственно, и положениям ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» при их применении в отношении лиц, имеющих судимость, не придается обратная сила.

Установление административного надзора для предупреждения совершения правонарушений и оказания профилактического воздействия на лиц, освобождаемых или освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, при наличии предусмотренных Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» оснований и в целях защиты государственных и общественных интересов (статьи 2 и 3) согласуется с нормой статьи 55

(часть 3) Конституции РФ, допускающей ограничение прав и свобод человека и гражданина для защиты конституционно значимых ценностей, и является соразмерным тем конституционно защищаемым целям, ради которых оно вводится.

Поскольку административный надзор относится к правовым последствиям судимости, ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» по общему правилу предусматривает установление срока административного надзора в пределах срока, определенного законодательством Российской Федерации для погашения судимости; по истечении не менее половины установленного судом срока административного надзора при условии, что поднадзорное лицо добросовестно соблюдает административные ограничения, выполняет обязанности, предусмотренные данным Федеральным законом, и положительно характеризуется по месту работы и (или) месту жительства или пребывания, административный надзор может быть досрочно прекращен судом на основании заявления органа внутренних дел или поднадзорного лица либо его представителя (часть 1 статьи 5, часть 2 статьи 9 и пункт 1 статьи 10).

Кроме того, ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы"», дополнивший ГПК РФ главой 26.2 «Производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», не предусмотрел каких-либо ограничений процессуальных прав лица, в отношении которого рассматривается вопрос об установлении административного надзора.

(Определение КС РФ от 24 сентября 2012 г. № 1740-0)

На волю! На волю!

Грузите арестантов в бочки!

1. Консенсус

Изобретательности эзковского народа нет границ. Даже если эти границы по периметру опутаны колючей проволокой и охраняются бдительными «вертухаями» на вышках. Случай, о котором я нынче поведаю, относится к началу 90-х годов, когда охрану колоний несли конвойные войска, не подчинявшиеся начальству «зоны». У них было свое командование и помещение для роты конвоя – за пределами колонии. «Конвойники» и «тюремщики» друг друга недолюбливали. Но общаться-то все равно приходилось и решать совместные задачи. Причем не только по охране осужденных.

Ну вот представьте: много в колониях мастеров-эзков, которые изготавливают различные сувениры – от резных, роскошных нарды до казачьих шашек, кинжалов, выкидных ножей. Называют таких мастеров «чернушниками», а их поделки – «чернухой». Потому что все это делается «в черную», то есть подпольно, подпольно и сбывается. Разумеется, «чернушники» работают и на начальство зоны – от «хозяина» (начальника колонии) и «кума» (начальник режима и оперработы) до «отрядника» (начальник отдельного отряда арестантов). Изготовить-то изготовят – а вынести как? Если не захочет «конвойник» – ни за что не пропустит! Еще и задержат, акт составят: мол, выносил изготовленные осужденным предметы, значит, находится в нелегальной связи с эзками... Ну и прочее.

Только ведь и конвойники – живые люди. Если с ними по-человечески – и они к тебе по-людски. Им ведь тоже лакированные нарды хочется иметь или, к примеру, нож-«выкидуху». Стало быть, надо искать консенсус...

2. Мечта капитана Беркутова

В колонии усиленного режима № 398/10 на Гниловской (в простонародье – «десятка») такой консенсус нашли. В те годы там, кажется, Юрий Хачатурович Хлиян начальствовал. И производство было крепенькое: ээки работали на «Ростсельмаш», «Красный Аксай», сами выпускали опрыскиватели для садов, термосы... Металла – завались. Ясное дело, шел он не только на нужды народного хозяйства, но и на нужды сотрудников колонии. А они что – не народ?

«Десятка» считалась одной из самых передовых колоний. И не зря: план здесь выполняли, качество тоже давали, да и «тюремщики» с «конвойниками» жили если не душа в душу, то, как говорится, в режиме взаимопонимания. И вот однажды кому-то из начальства конвойной роты (назовем его капитан Беркутов) потребовался срочный заказ. Пришел он к кому-то из начальства колонии (обойдемся без фамилий) и говорит: «Вот, понимаешь, какое дело. Есть у меня за городом небольшой садик-огородик. Как положено, шесть соток. И все бы хорошо, да сам знаешь: без емкости для воды в этом хозяйстве никак не обойтись! А я вот что удумал: нужна мне огромнейшая металлическая оцинкованная бочка! Такая, чтобы и для полива годилась, и типа бассейна была. Ну, врую ее в землю: в жару, ежели чего, семьей поплескаемся. У нас же на зоне для "Сельмаша" почти такие делают. Только мне бы чуток побольше...» – «А что ж, – отвечивал высокий колонистский начальник, – для хорошего человека почему ж такую дрянь не смастырить?»

Нашли двоих арестантов-пахарей, те покумекали, нарисовали чертежи. «Слепим бочку, нема базару!» – четко отрапортовали ээки. И со рвением взялись за работу. А трудились оба в цехе, выполнявшем сельмашевские заказы. Один арестант (назовем его Федя Молотков) до того, как робу ээковскую надел, вкалывал на том же «Ростсельмаше». Но любил выпить, по пьянке и залетел в места не столь отдаленные: утащил что-то с завода, да взял «не по чину». Другие таскали помаленьку – и нормально. А этот увлекся. И «семерик» отгрел. В те годы на усиленном собирались люди с хорошими сроками, ниже пяти лет, как правило, не опускались. Но – садились за «колючку» в основном впервые.

Второй умелец (пусть будет Аркаша Журавель) схлопотал срок за то, что кому-то что-то не то проломил, не то поломал, не то вообще оторвал напрочь. Тоже, понятно, не по трезвянке. Ему определили весь «червонец» (десять лет). Оба ударника ээковского производства едва «отмотали» не то по полтора, не то по два года. И скучно, и грустно, и

некому руку подать... А тут еще весна наступила, птички, заразы, расчирикались, Дон плещется, на воле ребята с бабами гуливанят, пиво с водкой потребляют.

«А что, Федя, – задумчиво протянул Аркаша, – случай такой представляется раз в жизни...» – «Оно конечно», – закивал Аркаша головенкой, стриженной «под расческу». Вот такая получилась беседа. А потому что ударники трудового фронта понимают друг друга с полуслова.

3. Освобожденная бочкотара

Долго ли, коротко ли, но знаменитая бочка была изготовлена. Залюбуйтесь! Сколько в ней оказалось кубов, никому не ведомо, но, для примера, можно было бы поместить всю конвойную роту и сверху крышкой прикрыть. А потом – поставить на медленный огонь до полного кипения. Шутка.

«Орлы! – бодро рыкнул капитан Беркутов и хлопнул обоим эзков по плечу. – Высший класс! Только как ее теперь отсюда вывозить? Пойду грузовик выбивать у начальства, чтобы эту бочкотару загрузить» – «А мы пока проверим внутри, чтобы никакого изъяна не было, – предложили эзки. – На всякий пожарный». – «Не орлы – соколы!» – расстрогался капитан Беркутов.

Машина нашлась быстро, но – только до помещения роты. «Ты, главное, эту пакость за ворота вывези и в роте оставь, – сказало конвойнику начальство колонии. – А там – сам разбирайся. У нас каждый день грузовики шныряют контрагентские, договоришься – и до сада доедут». Ничего не поделаешь: вздохнул Беркутов, позвал своих бойцов, те, пытая и надрываясь, загрузили емкость, а потом с громовым грохотом, сопровождаемым благородным матом, сгрузили на территории роты. И разошлись по делам.

А вечером на перекличке в зоне не досчитались осужденных Молоткова и Журавля. Бросились, понятно, к Беркутову: где эзки?!

«Вы чего, ребята, с пальмы упали? – возмутился капитан. – Я тут при каких делах? Бочку они мне сделали, а больше знать не знаю, ведавать не ведаю!» Зоновские оперативники – на уши. К конвойникам на «шлюз» (огромные ворота, через которые пропускают все машины на территорию колонии). Может, вы чего недосмотрели? Номер грузовика такой-то, водитель такой-то... Оскорбились солдатики: «Вы нас чего, за лехов держите? Мы свое дело знаем! Муха не пролетит!»

Хотели было к водиле мотнуться, но тут один из оперов предложил прежде осмотреть саму бочку (она все еще стояла в роте). Походили

вокруг, постучали: вроде ничего. Пусто. Но вредный опер влез внутрь, стал оттуда по стенке тарабанить. И нашел-таки! Оказывается, народные эзковские умельцы в одном месте сделали аккуратную, незаметную вторую фальшь-стенку. И, пользуясь моментом, втиснулись вдвоем в щель. Да так ловко получилось, что никто и не заметил при обследовании! Ничего не видно со стороны...

«Как сельди в бочке», – не к месту ляпнул лопоухий солдатик известную русскую поговорку. «Дебил! – оторвался на него капитан Беркутов. – Так говорят, когда народу набито под завязку! А здесь...»

«А здесь, – угрюмо уточнил зоновский опер, высываясь из упомянутой емкости, – вспоминается незабвенный Ося Бендер. Грузите арестантов в боки. Братья Карамазовы...»

4. Главное – вовремя сдать

Выбрались за «колючку», подождали, улучили момент – и спокойно ушли из роты, как белые люди. А дальше, как в блатной песне, – «расканались по своим хавирам». То есть по домам разошлись. Ясное дело, тревога, караул в ружье, опера – на выезд, засады и погони! Ну, Федя – ростовский, мотнулись к нему домой. «Был?» – спрашивают. «Был, – отвечают родные. – Сказал, что его перевели на бесконвойное передвижение, теперь живет за зоной. Переоделся, денжат прихватил, обещал еще вернуться».

Хотя опера обещаниям эзков привыкли не доверять, но пару хлопчиков для порядку оставили. Правда, решилось все куда проще: на следующий день Молотков как ни в чем не бывало заявился на «Ростсельмаш», где его знала последняя собака, и направился напрямик в рабочую столовку!

«Привет, Федя! – радостно окликали его знакомые слесари, сборщики и даже инженеры. – Тебя чего, отпустили?» – «Амнистия вышла! – не менее радостно объяснял Федя. – Вы чего, в тундре живете?» И все кивали: дык в тундре, Федя, в тундре. За этой работой уже не помнишь, как себя самого зовут...

В столовой Федю и накрыла милиция.

«Борщ дайте доесть, волки!» – жалостливо попросил Федя.

«В тюрьме доешь, там твой кандей стынет».

А Журавля искали дольше. Поймали чуть ли не через полгода, далеко за пределами области. И вlepили еще несколько лет за побег. Больше всего ээк возмущался тому обстоятельству, что проходивший по делу Федька Молоток добавочного срока не получил: с радости начальство колонии оформило его поимку как добровольную сдачу.

«Тьфу ты пропасть! – расстроился Журавель. – Знал бы – разве ж я бегал бы? Бабы подвели: стосковался на зоне, ну и захороводался... А то бы непременно сдался, граждане начальники!»

Овечка Долли отдыхает...

1. Мент – конвойнику не кент

До начала 90-х годов прошлого века охрану мест лишения свободы несли военнослужащие внутренних войск – «конвойники». А в самих зонах и тюрьмах работали офицеры и прапорщики управления внутренних дел – «менты».

Между собой «менты» и «конвойники» не ладили. Солдаты-срочники тащили из производственных цехов что под руку попадет: инструменты, краску, стройматериалы. Если воришку ловили, конвойные командиры имели в запасе набор пакостей для «ментов». Например, не выпускали за пределы «зоны» бесконвойных эзков, занятых в подсобном хозяйстве по ту сторону забора, на воле. А бесконвойник – это и гараж, и свиноферма, и ремонт машин. В свою очередь, начальник колонии отключал от казармы «вояк» электричество. В общем, дружба-фройндшафт.

Солдаты срочной службы были настроены к арестантам лучше, чем к их начальству. Эзки называли солдат «чекистами», те арестантов – «жуликами». И солдатня, и эзчары фактически находились на одинаково подневольном положении и друг друга хорошо понимали.

2. Высоко сижу, далеко гляжу

Вышку охраны на жаргоне называют «скворечником». Внутри, поднявшись по скрипучей лестнице, дежурит «пупкарь». Вышки тюремные и зоновские между собой отличаются. В колониях они открыты всем ветрам, чтобы солдаты не расслаблялись, а бдительно несли службу. В СИЗО и тюрьме «скворечники» более капитальные: из кирпича, смотровые окна застеклены, тепло, светло, печка, телефонная связь с дежурным... Все потому, что здесь часто приходилось дежурить офицерам-«ментам», вот они и обеспечили себе легкий комфорт.

1992 год был отмечен в России волной побегов – 2739! В 34-х случаях эзков отпускали солдаты охраны – через вышки. Вышка была и накатанной дорогой для поступления в колонию спиртного, наркотиков, денег. Естественно, через охранников. Чтобы добраться до вышки и вступить в контакт с «вертухом», надо попасть в «запретку», то есть на контрольно-следовую полосу, огороженную колючей проволокой. Пускают туда только арестантов из числа помощников админи-

страции, чтобы те время от времени наводили чистоту. Ни один уважающий себя ээк этим заниматься не станет – позор несмываемый! Стало быть, и способ побега через вышку был «козлячий». Не только унизительный, но и гнусный.

Одно дело когда «прикормленный» «козлик» «подогревает» блатную «братву» – это «по понятиям». Но когда он «кидает» охранника и бежит на волю – он всей зоне канал связи обрывает! За это и голову оторвать не грех. Правда, в середине 90-х охрану зон передали самим «ментам», и арестантское счастье закончилось. Но вспомнить о нем – не грех.

3. Солдат «сидельца» не обидит

Есть в городе Шахты колония № 20 для ээков-туберкулезников. Она находится внутри другой зоны – колонии строгого режима № 9. Но один угол стены «двадцатки» отделяет ее непосредственно от воли. Именно здесь располагается охранная вышка с охранниками. В совковые времена их часто подбирали из кавказцев и азиатов. Вот у таких «пупкарей» и завязалась дружба с русским парнем Васей Мартышкиным, мотавшим срок за злостное хулиганство.

Вася был из горняцкой семьи и даже пробовал вкалывать на шахте. Но как-то повздорил с бригадиром. Под руку попался кусок породы – и загрел пролетарий на два года, по году за удар. Вышел – сел, вышел – сел... Между сроками откопал сожительницу. Но «дюже гавкучая попалась», объяснял Вася. Сел... Авторитетом у арестантов Мартышкин не пользовался. Открытую форму туберкулеза приобретают завзятые обитатели тюрем да зон. Желающих рыхлить граблями «запретку» среди таких нет. А Вася – без базаров! То есть его сами ээки и делегировали, чтобы «коны» на волю навел. Но ведь не каждому такое предложишь...

Короче, нашел Мартышкин ключик к двоим бойцам – даргинцу и узбеку. «Я, – говорит даргинцу, – сам по маме с Кавказа. Прадедушку с Адыгеи выгнали за конокрадство. Мы ж с тобою, блин, братья кровные!» Узбек, правда, по-русски ничего, кроме мата, не понимал. Зато Вася часами слушал рассказы чучмека. На узбекском языке. Фархад Васю очень уважал.

И вот исподволь завел Василий душевный разговор. Дескать, такая история, басурмане. Я – коренной шахтинец, папа с мамой и шмара живут неподалеку, а на передачи у нас в стране пока наложены ограничения. Но по случаю нашей интернациональной дружбы мы на эти ограничения тоже можем наложить! Утречком в свою смену вы меня тихо выпускаете на волю, и я бегу до своей хаты. А вечером, как штык,

вертаюсь в родимую зону, но уже нагруженный полезными десертами, водкой и прочей колбасой. И поскольку отбывают срок на зоне больные доходяги, ваш долг гражданинов – помочь им захватить лишнюю бациллу (витамины и калории).

– А если камандыр тыривога бить будет? – засомневался даргинец.

– Ара, какой камандыр, какой тыривога?! У нас офицеры и прапора лишний раз бояться в зону сунуться, от палочек Коха дубинками отмахиваются! Им это наказание – хуже нашего! А к вечерней проверке я буду амором! В случае чего кто-нибудь вместо меня мою фамилию гавкнет.

Решили попробовать. Бедные солдатики от страха и напряжения пару раз даже штаны сменили. Но Мартышкин оказался прав. Никому из начальства бдеть особо не хотелось. И людей можно понять: то и дело кто-то из сотрудников «тубонара» подхватывал туберкулез, а у некоторых и дети-школьники состояли на учете. Хрен тут играть в энтузиастов?

4. А был ли мальчик?

В общем, пристроился Мартышкин что ни день в отпуск бегать (поднялся к «братанам» на вышку, спустился через нее на конвойную тропу, а дальше – ворота в стене). На воле погуляет, пацанам выпивон припрет, общак отоварит, малевочку блатную кому надо передаст. Благодать!

...Участкового Лысенко вызвал к себе начальник райотдела.

– Лейтенант, пока ты отпуск выгуливал, у нас скопились жалобы на одного твоего клиента. Соседей беспокоит, бабу гоняет, ветерану очки выстеклил... Разберись! Мартышкин его фамилия. Нужно – посади.

– Как – посади? Он уж год как в «двадцатке» сидит!

– Значит, выпустили.

– Не могли! Трешник вlepили, под амнистии не попадает, на «химию» его примут только запаанным в пробирку... Не может это Мартышкин быть!

– Да хоть Гамадрилкин – все одно разъясни ситуацию!

Махнул Лысенко рукой, потопал на участок. И надо же: проходя мимо винного магазина – кого он видит? Ваську Мартышку собственной персоной!

– А ну, ко мне! – вопит участковый.

Мартышкин – деру! Лейтенант – за ним. Но то ли наши зоны укрепляют здоровье уркаганов, то ли наши органы вконец умыкали несчастных ментов... Сдернул Мартышка, как и не было.

Лысенко – на квартиру к его родителям: колитесь, за какой ударный труд вашего отпрыска досрочно освободили?! Те – ни боже ж мой, сидит, видим только на свиданках. Лысенко – к сожительнице. Открывает баба с подбитым глазом типа фингал.

– Где Мартышка?!

– Ты чего, начальник? Вы ж его, гады, посадили!

– А что с глазом?

– В подъезде шибанулась.

Участковый – по соседям: «Вы жалобы писали?» – «Да как не писать, совсем обнаглел бандит! Вечно пьяный, ко всем пристаёт, болонку мою об стену шмякнул – получилась камбала в кудряшках! Вы сдурели – такого урода до срока на волю отпустить?!»

Побежал Лысенко вечером в «двадцатку»:

– У вас Мартышкин на месте?

– А позвать сюда осужденного Мартышкина из третьего отряда!

Вот он, искомый осужденный. Только ножки его чуток подкашиваются.

– Ты где нажрался?! – рычит начальник.

– Век воли не видать, то с ваших поганых пилюль да уколов, – нагло отвечает Мартышка и смотрит на мента чистыми, но косыми глазами, источая запах «Вермута» и перлового супа с пережженным луком.

Но колесо завертелось. Припертые к стенке, пошли в сознанку и родители, и сожительница с «бланшем»... Фарид и Ара тоже после очередной смены нижнего белья раскололись до самой жопы. Но что делать с Мартышкой? За побег судить? Но ведь ээк каждый день возвращался. Тянет разве что на «самовольную отлучку». А вот солдатикам срок светит. И командир конвойной роты может за такие дела лишиться большой звезды на погонах и отправиться в уютный северный поселок Лабитнанги, чтобы наблюдать красивое сияние небес при температуре -50 по Цельсию.

По счастью, оказалось, что Вася Мартышкин во время вольных прогулок по городу успел «ковырнуть» несколько коммерческих ларьков, о чем чистосердечно признался местным пинкертонам. Точно он эти ларьки «кинул» или просто повесили на него глухие дела – а только уплыл Вася с добавленной «трехой» по этапу в столыпинском вагоне. С тех пор его личность канула в неизвестность. А в истории Ростовской области случай на «двадцатке» остался единственным «челночным» побегом.

Потомок графа Монте-Кристо

В 1981 году начальником ростовского следственного изолятора стал Станислав Овчинников, служивший до этого в оперативно-режимной части «десятки» – колонии усиленного режима № 10 на Гниловской. Через несколько лет Богатыновский централ приобрел в среде уголовников и арестантов недобрую славу одной из самых беспредельных «крыток» Советского Союза. Оспаривать этот мрачный титул могла разве что Елецкая следственная тюрьма № 2 («Елец – всем ворам пиздец», как гласит блатная поговорка) да созданный в 1980 году соликамский «Белый Лебедь», где в бараний рог гнули воровскую масть, а заодно всех арестантов, которые попадали в это «единое помещение камерного типа» (о котором поет Ваня Кучин «Я пишу тебе, мама, из глубин Соликама»).

Побег из Богатыновского централа считался невозможным. До 1981 года...

Один арестант вспоминал эти годы:

«Ростов-папа огорчил меня сильно. В Ростове я сидел в 60-м году, когда сбили самолет Пауэрса, и там я не видел ничего сильно плохого... Где тот 60-й год и где 84–85 годы? Я думал, там давно все улучшилось, как все в жизни должно быть. Но не тут-то было. Еще я там не был, но слышал, что в Ростове творится такое, что там жизнь, как в Бухенвальде, если не хуже.

И вот летом 84-го я в Ростове, где вижу все сам. Тюрьма стала намного чище, но порядки там грязные. Сразу с машины нас встретили грубые крики, ругань, администрация с дубинками во главе с дежурным офицером. Он сам бил тех, кто замешкался в коридоре, кричал: "Быстрее, бегом!" – и бил по спине дубинкой... Некоторым попало дубинкой по голове, когда они не успели быстро снять шапки.

За малейшее нарушение бьют палкой или молотком. Делают это так: в дежурке ставят к стенке лицом, руки на стену, и зад им подставляют или спину, так и бьют. Если в коридоре заговорили между собой, когда идешь куда-то, сразу кидаются и бьют по лицу. Это делают даже молодые девушки, а их там дежурит много...»

Не буду комментировать. За что купил, за то и продал. Хочу лишь отметить замечание насчет того, что «тюрьма стала чище». Вот тут – без базаров. Новый начальник СИЗО с первых же дней восшествия на тюремный престол взялся за модернизацию изолятора. Здесь принялись все перестраивать, менять, ремонтировать канализацию, приводить в порядок хозяйственный двор... Именно с этой бурной деятельностью и связана история побега, которую я хочу поведать миру.

Вернемся для этого в 1981 год. Надобно заметить, что в масштабных планах перестройки СИЗО особая роль отводилась реконструкции общежития под режимное здание. До той поры под общежитие было отдано здание изолятора, которое выходило на улицу Горького, к трамвайной линии. Здесь временно ютились офицеры и прапорщики, которым негде было приткнуться в донской столице. А поскольку находилось здание на территории СИЗО, участь сотрудников изолятора напоминала судьбу героя известной песни Высоцкого «Банька по-белому». Только того «два красивых охранника повезли из Сибири в Сибирь», а здесь сами «красивые охранники» каждое утро отправлялись на службу «из тюрьмы в тюрьму».

И вот новый «хозяин» решил превратить общежитие в режимный блок, несколько разгрузив камеры и улучшив санитарное состояние учреждения. Работа закипела с размахом. Весь личный состав из здания выселили. Охрану внутреннего режимного двора усилили. Строительством и ремонтом занимались осужденные из так называемой хозяйственной obsługi СИЗО. Эту категорию арестанты часто по старой гугаговской традиции называют «придурками» – теми, кто умеет хорошо пристроиться на непыльную работу. Отбывать (или еще говорят – «отбивать») свой срок в хозобслуге для многих считается великим счастьем. Отряд небольшой, занимается работами по обслуживанию изолятора: ремонтом, приготовлением пищи, обслуживанием автотранспорта в гараже и прочим. Отбирают сюда людей с небольшими и несерьезными сроками, для которых главное – спокойно отсидеть и спокойно выйти. Живут «хозяйственники» в отдельной чистой камере, быт устроен, все тихо-мирно. Помимо маленького срока, начальство учитывает и рабочие специальности «сидельцев». Особенно ценятся авторемонтники, строители, электрики и так далее.

Вот эти самые «придурки» и пахали на реконструкции здания. А поскольку работы велись не только изнутри, но и с фасада, на территории, прилегающей к СИЗО с «воли», то часть улицы Горького перекрыли до самых трамвайных путей, поставили сторожевую будку, окружили участок по периметру вооруженными контролерами. Муха не проскользнет.

Но арестант – не муха. У него под черепушкой мысли постоянно кишат, как червяки. И направлены эти мысли чаще всего «туда, где нет закона и труда», как любят писать уголовнички у себя на груди. Честно говоря, вертухаи, охранявшие ударную стройку, особой бдительностью не отличались. Сами прикиньте: ну какой голимый дятел (то есть идиот конченый) побежит на волю из хозяйственной obsługi? Это надо

быть вроде Василия Алибабаевича из «Джентльменов удачи», который рванул в бега со сроком «одын гоод»...

Так что ж вы думаете? Нашелся такой Алибабаевич и в ростовской «крытке»! Я так его дальше и буду называть, поскольку история его настоящего имени не сохранила (в моей памяти). Мотал Вася свою «трешку», кажись, за какую-то «бытовуху»: жену неудачно поколотил не то в пьяном виде тестя гонял и слегка поранил оглоблей промеж глаз... Короче, «домашний боксер», как таких называют на жаргоне. Числился Вася у начальничков на хорошем счету. Во-первых, статья смешная, во-вторых, на его счастье, был он и каменщик, и плотник, и на все руки золотарь. В-третьих, родом с глубокой Кацапетовки – из Центральной России, и бежать ему до дому дуже далеко. Да и куды бечь от сытной жизни в теплой «хате»?

Но просчитались менты! Не учли национальных особенностей широкой русской натуры! К тому же на дворе стояла весна. А весной эзка завсегда на волю тянет. Это психология такая. Летят бегунцы из клетчатых гнезд стаями, косяками и эскадрильями. Сами часто объяснить не могут, куда и зачем. А вы спросите у кота, чего ему в марте башню клинит, – он вам ответит? Вот так и наш Василий Алибабаевич.

Хватились как-то контролеры на вечерней проверке – нет одного «придурка»! Кого? Да Васьки Пузырева! Поначалу никто и не подумал, что арестантик «сделал ноги». Решили: может, плохо ему стало, где-нибудь пускает пузыри на холодной опалубке? Бросились на стройку, стали в темноте фонариками шарить по темным углам... И нашарили. То есть обнаружили четкие белые следы, ведущие к одному из оконных проемов и далее – в бесконечность.

А случилось вот что. Зверехитрый Алибабаевич, поработав на объекте с недельку, обратил внимание на преступную беспечность охраны. Потому как суровые церберы видели свою задачу в том, чтобы не выпустить арестантов за пределы охраняемого периметра. Но никого особо не волновало, если строитель в робе удалялся на территорию СИЗО, в режимную зону. Ну, гвоздей взять, справиться насчет цемента или еще по каким делам. То есть точного учета не велось: кто на сколько убежал в тюрьму и когда вернулся. Этим и воспользовался беглец. Видать, вспомнил он великое творение режиссера Гайдая про джентльменов удачи – и, уловив момент, нырнул в ящик с цементом! Затаился и стал ждать съема.

Расчет оказался верен. Когда строителей стали снимать с объекта, отсутствие арестанта, конечно, сразу обнаружилось. Но – не его одного. Бардак с беготней «придурков» в тюрьму и обратно сыграл с охранниками злую шутку. Они посчитали, что люди попросту ушли в камеры пораньше. Такое и прежде случалось. А Алибабаевич, выждав, когда все уйдут и на улице стемнеет, спокойно вылез из ящика, отряхнулся – и неторопливо выскользнул в оконный проем.

Впрочем, бегал арестант недолго. Повязали его через несколько дней в окрестностях Богатынского централа. Может, и побуцкали немного – для порядка. Но, увидев его открытый и радостный взгляд блудного сына, вернувшегося в объятия нежного отца, даже срок добавлять не стали. Но из СИЗО этапом все-таки сбагрили – от греха подальше, чтобы приличную публику не совращал своими байками из цементного sklepa...

В плену у Колдуна

1

Стук колес отбивал ритм только им известной песни. За окном вагона-ресторана мелькали стройные молоденькие березки и телеграфные столбы, временами покосившиеся от ветхости. Изредка попадались красивые пушистые ели, осыпанные снегом, словно жемчугом. Стояла зима во всей своей красе и величии, из-за окна вагона пейзажи русской природы и провинции не нагоняли тоску, а, наоборот, будили воображение, пробуждая запрятанные в глубине души воспоминания из далекого детства.

Я сидел один за столиком в вагоне-ресторане, дымя американской сигаретой и смакуя поданный мне официанткой коньяк. Было утро, и в ресторане кроме меня сидела только женщина с мальчишкой лет семи, который уплетал уже третий кусок торта под присмотром мамы. Они располагались через два столика от меня и мне ничуть не мешали. Официантка со скучающим видом пересчитывала ночные доходы, полученные от щедрот захмелевших пассажиров, и искоса поглядывала на меня, будто опасаясь, что я заберу ее выручку.

Таким был первый день моей свободы. Еще вчера я пребывал в совсем ином мире, о существовании которого многие и не подозревают, в мире, полном страхов, подлости, тревог и томительного ожидания перевоплощения в цельного человека. Хотя поезд увозил меня от ненавистного прошлого, оно все равно меня не отпускало, вцепилось когтями в мою память, оставляя на ней неизгладимые следы.

Коньяк погружал меня в теплую ванну наслаждения и разжигал костер в моей душе. Чем дальше я удалялся от ненавистного мне места, тем сильнее погружался в прошлое, наверное, потому, что там оставалась часть меня и того, что мы только и имеем на самом деле – дружбу.

2

Очень хотелось пить. Капли воды, падающие с крана в жестяной умывальник, глухо отзывались эхом и еще больше распяляли жажду. Губы ссохлись и распухли от побоев. Но сил встать не было, любая попытка сделать хоть одно движение вызвала дикую, невыносимую боль. Мне было шестнадцать лет, и вчера нас двоих, пришедших по этапу на зону для малолеток, встретили весьма недоброжелательно. В результате такой встречи я оказался в одиночной камере в ДИЗО и ничего не знал о своем товарище по несчастью.

Всего нас приехало на зону человек двадцать из разных мест необъятной матушки России. Разными были и статьи, и сроки наказания.

Нас отвели в баню, не забыв, конечно, сначала прошмонать. Сама процедура шмона больше напоминала обработку скота. Шмонали в дежурной части, где было ужасно холодно, поскольку стояла зима, а двери оставили настежь. Сами менты были одеты в теплые бушлаты цвета хаки и серые, мышиного цвета, шапки. Они были навеселе, о чем свидетельствовал запах перегара. Нас раздели догола и стали потрошить наши сумки. Зубная паста, мыло, крем – все выдавливалось и крошилось, сваливалось в один пакет, так что эта масса теперь была пригодна только для чистки умывальников и туалетов. Сигареты крошились, превращались в табак, а самые хорошие перекочевывали в карманы шмональщиков. Все их действия и движения были обыденными – дело было для них привычное и любимое. После разбойного шмона и помывки под стать ему (мне показалось, что в бане холодней, чем на улице) нас повели в карантин.

Зона находилась в поселке Карамыш Саратовской области, стояла посреди степи, обдуваемая всеми ветрами. Еще давно, сидя в Казанском центре, я был наслышан об этом месте с дурной славой и был готов к «дружелюбному» приему.

Это была моя первая «командировка» по приговору суда, если не считать время, проведенное в училище для трудных подростков, куда направляли не по решению суда, а по приговору партийных работников.

В общем, я уже был научен горьким опытом и имел некоторое представление о том, куда попал.

Шел 1995 год, в стране творился такой же бардак и хаос, как и в этой колонии. Не успели мы расположиться в карантине, как нас собрали в большой комнате, в которой стоял телевизор, стол и несколько рядов кресел, какие бывают в кинотеатре. За столом сидел усатый майор небольшого роста. Его лицо казалось располагающим, добродушным, и ничто не предвещало беды, кроме резиновой ментовской

дубинки, лежавшей на столе. Когда мы расселись, майор – как выяснилось, начальник режимного отдела, – по прозвищу Саныч (так его звали все – и менты, и зеки) взял слово.

– Сейчас вам раздадут ручки и бумагу, и каждый напишет заявление о вступлении в актив колонии.

Пришел эзк по фамилии Зозуля, вечный дневальный по карантину и ДИЗО, а по совместительству личная обезьяна Саныча. Он стал раздавать письменные принадлежности.

– Вопросы есть? – сказал Саныч и вцепился в нас своим взглядом, как стервятник. Я сразу понял, что это сам черт из преисподней, который и будет нас терзать.

Один парень, рыжий и длинный как оглобля, встал и заявил:

– Я не хочу вступать ни в какой актив!

Саныч усмехнулся – видать, не впервой ему было слышать такие заявления – и сказал:

– Иди сюда, рыжий.

Парень, ничего не подозревая, пошел навстречу своей беде. До Саныча оставался один шаг, когда произошло то, чего в тот момент никто не ожидал. Саныч схватил дубинку и со всего размаха хлестнул ею рыжего по лицу. Раздался треск, и рыжего скосило наповал. Он валялся на полу около майора, и тот стал избивать его с каким-то остервенением и даже наслаждением. Он наносил удары дубинкой и ногами. Рыжий сначала кричал, а потом уже только скулил, словно забитая собачонка.

– Ну что, гондон, теперь ты хочешь вступить в актив? – спросил Саныч.

– Да, да, – пролепетал рыжий, давясь словами от сотрясавших его рыданий.

– А мы теперь тебя не берем, – твердо произнес Саныч. – Зозуля, поди сюда, живо!

Когда тот подбежал, Саныч дал ему распоряжение:

– Отведи этого рыжего в туалет, пусть он весь туалет помоеет, а потом и себя приведет в порядок.

Саныч обвел нас взглядом и спросил:

– Ну что, недоноски, кто еще не желает в актив?

Половина ребят уже вовсю строчила заявления.

Я уже понимал, что участь моя неизбежна, и решил получить хоть какое-то удовольствие.

– А не пошли бы вы на х... вместе со своим активом, – намеренно четко и громко сказал я.

Мои слова прозвучали в глухой тишине так, словно были сказаны в микрофон. Ребята, кажется, опешили от моих слов больше, чем от предыдущей сцены. А меня почему-то разбирал смех, я едва сдерживался.

– У вас ус отклеился, гражданин начальник! – раздался голос рядом со мной.

Я посмотрел на парня, который поддержал мою игру и так же, как я, понял неизбежность избиения.

Его звали Толик Скворец, родом он был из Калуги. Мы познакомились еще по дороге, когда ехали сюда.

Саньч нисколько не растерялся. В его глазах сначала промелькнуло удивление, а потом лихое веселье в предвкушении предстоящего спектакля.

– Орлы! Давно не залетали к нам такие! – сказал Саньч, словно обрадовался.

Он позвал дежурного контролера, показал на нас и велел отвести в ДИЗО. ДИЗО располагался в этом же здании на первом этаже. Розовощекий сержант закрыл нас в камеру. В ней царил полумрак и холод, в окне не было стекла. Мы огляделись. Как выяснилось, это была не жилая камера, а сборное отделение, куда помещали зэков перед самой отправкой на этап.

– Слушай, Толян, а почему ты этому хмырю про ус сказал?

Толик улыбнулся:

– А помнишь, фильм такой был, «Бриллиантовая рука»? Там была такая сцена, когда Папанов-Лелик напал на Никулина в гараже и у него ус отклеился. Мне майор почему-то напомнил тот фильм.

Мы дружно рассмеялись и долго не могли остановиться – наверное, выплескивали так свои эмоции.

Вдруг лязгнул засов, и дверь распахнулась. В камеру ввалились менты во главе с Саньчем и, повалив нас на пол, методично стали нас избивать. Меня бил лично Саньч и тот розовощекий сержант. Били дубинками по ногам, почкам, спине и рукам, а потом стали пинать ногами, и я отключился. Очнулся я уже в одиночной камере ДИЗО, лежа на бетонном полу.

3

Прав тот, кто говорит, что человек ко всему приспосабливается. Откуда берутся на это силы, нам неизвестно и умом непостижимо. В течение пяти суток меня никто не беспокоил, видимо, справедливо рассудили, что раненый зверек может быть опасен. Я с трудом, преодолевая боль, стал передвигаться по камере, осматривая свой временный

дом. Камера была небольшая, метра четыре в длину, метра три в ширину. Стены покрывала «шуба» – небрежно набросанный бетонный раствор. Пол был бетонный, покрашенный в цвет «детской неожиданности». Нары пристегивались к стене и открывались только перед сном, в 21.00. Подъем объявлялся в 5.00. Имелись тут и жестяной умывальник, и туалет. В углу камеры, сбоку от окна стояли железный столик и стул, вбетонированные в пол. Принимать пищу я стал только на третий день, так как моему истерзанному организму требовался только отдых. С каждым днем мне становилось легче, побои быстро заживали – молодой был. Мне было очень интересно узнать, где находится мой товарищ Толик. Я стал стучать кружкой по батарее, отбивая дробь вызова на связь, чему научился еще в Казанском централье. Но никто не отзывался. Ментов я видел только на утренних проверках и во время подъема и отбоя. Мне объявили, что начальник дал мне семь суток ДИЗО, но я не стал расписываться в их бумажках. Я был еще не совсем здоров, и ноги, и все тело – один сплошной синяк. По истечении семи суток мне объявили, что добавили еще пять якобы за какое-то нарушение. Новость мне сообщил некий лейтенант.

– Слышь, начальник, может, выпустишь хоть покурить? – добродушно спросил я.

Открылась кормушка, и показался тот самый лейтенант. Он был совсем молодой, лет на пять старше меня, с выпученными глазами и почему-то лысый. На лысине гуляли блики от лампы дневного света. Он посмотрел на меня в кормушку, молча достал сигарету, прикурил ее, затащил и закинул в хату, сказав:

– Вывести не могу, кури в окно.

И захлопнул кормушку.

Это с его стороны был очень добрый поступок, потому что в ДИЗО строго запрещалось курить, а тем более передавать зэкам сигареты. Но это по инструкции, а по жизни ему, наверное, хотелось хоть как-то смягчить мои страдания. Я жадно затащился сигаретой и почувствовал, что пол уходит из-под ног.

Как-то раз меня навелит Саныч. Войдя, он просканировал камеру своим цепким взглядом и спросил:

– Как дела? Какие проблемы?

Сказано это было таким тоном, словно ничего не произошло и вообще он впервые меня видит. Он был большой психолог и отличный актер.

Но я не мог не напомнить ему о том, что случилось, и спросил:

– Да все бы хорошо, гражданин начальник, если бы не то, что я по вашей вине кровью писаюсь.

– Да? – удивленно спросил он и продолжил: – Ты сам виноват, вел себя плохо. Должен же я вас воспитывать, если уж вы ко мне приехали.

Он был не такой агрессивный, как в первую нашу встречу. Стал рассказывать мне какую-то белиберду про свою жизнь и службу, из чего я понял только одно: никто и никогда его не посылал туда, куда его послал я.

Воспользовавшись его добродушным настроением, я спросил:

– Скажи, начальник, как Толик и где он?

Саньч улыбнулся и ответил:

– Да он давно в зоне уже. Будешь хорошо себя вести, скоро с ним увидишься.

И ушел.

Мне оставалось сидеть в ДИЗО еще двое суток, ну а там – как фортуна повернется.

Места было слишком мало, чтобы ходить туда-сюда, как я привык в СИЗО, но холод не давал покоя, сковывал тело и даже душу. Батарея грела едва-едва, словно жалела отдавать тепло. Я много отжимался и приседал, чтобы хоть как-то согреться. С другой стороны, от холода клонило в сон, особенно после обеда. Съев горячего, я уже не мог сопротивляться, ложился на пол под батарею, сворачивался калачиком, скукоживался как мог и засыпал. Сны мне снились самые сладкие и незабываемые. Снилось детство, такие его минуты, которые наяву из памяти не вытащишь. Чаще снилась мама, ее ласковая улыбка, добрые руки. Сны были настолько явственные, что, просыпаясь, я еще ощущал дуновение свежего воздуха и запах травы. Я еще долго находился под впечатлением пережитого путешествия в детство, мне казалось, что продолжалось оно долго-долго, но на самом деле спал я не больше часа и просыпался от холода.

Оставался мне еще один день, и он преподнес мне сюрприз. По обыкновению, я после обеда скорчился на своем всегдашнем месте и предался сну. Через некоторое время я почувствовал, что задыхаюсь, и мне показалось, что я тону. В камере стоял едкий запах хлорки, глаза слезились, резь была страшная, дышать невозможно. Возле двери я заметил большую и белую как молоко лужу. От нее растекались ручейки, один из них уже почти вплотную подбирался ко мне. Я понял, что кто-то из коридора плеснул мне под дверь хлорки. Я стал бить алюминиевой кружкой в дверь, но никто не подходил. Я колотил кружкой со всей силы минут пять, рука онемела, в голове звенело. Я чувствовал, что хлорка пропитала меня насквозь, и стал оседать на пол. Наконец резко открылась кормушка, оттуда послышался голос Зозули:

– С пропиской, Ловышин! На вот тряпку!

Что-то мягкое шлепнулось на пол.

Я ее нашел на ощупь – из глаз лились слезы, подобрался к умывальнику, открыл воду и стал тряпкой собирать с полу хлорку. Не знаю, сколько это заняло времени, но и когда я все убрал, запах не исчезал. Казалось, им пропиталось все – стены, железо, пол, я сам.

Я снова стал стучать в дверь, понося Зозулю во все горло и перебирая всех его родственников, но в ответ услышал лишь смех какого-то шакала.

К вечеру камера более или менее проветрилась, поскольку я был вынужден открыть окно, пожертвовав ради воздуха теплом. Проснувшись утром по подъему, я почувствовал, что вместо головы у меня на плечах сплошная пульсирующая боль. Меня стошнило.

Во время утренней поверки мне сообщили, чтобы я собирался в зону, и ближе к обеду с матрасом под мышкой я проследовал в отряд № 2, где меня ждал мой новый товарищ Толик Скворец.

4

Наша встреча с Толяном была теплой и радостной, мы обнялись и похлопали друг друга по спине.

– Ну как ты, братуха? – спросил Толик и вручил мне пачку американских сигарет.

Мы уселись с ним на лавочке в курилке, расположенной возле входа в барак.

– Фока, иди сюда, – окликнул Толян какого-то пацана лет пятнадцати, напомнившего мне Филипка из рассказа Толстого.

Фока был совсем маленьким, зимняя шапка то и дело сползала ему на глаза, а лагерная фуфайка висела мешком, рук из рукавов не было видно. Щеки его разругались от мороза, он шмыгал маленьким носиком, как простуженный первоклассник.

– На вот матрас и сумку, отнеси в мою секцию и возвращайся, – сказал Толик, и Фока ринулся исполнять указание.

– Нормальный малый, шустрый, он помогает мне и рядом держится, – охарактеризовал Толик Фоку, когда тот скрылся в дверях барака, и продолжил: – Сам он детдомовский, никто его не греет, чуть в петушатник не улетел. Вася, козел, чуть не испортил пацана, и я его подтянул к себе.

От выкуренной сигареты у меня закружилась голова. Толик мне рассказывал, что с ним произошло после того, как нас били в этапке, и посвящал в жизнь отряда.

Его тоже посадили в одиночку на пять суток. Когда его подняли на барак, то весть о нем туда уже дошла. Бугры его встретили с опаской, не желая связываться по пустякам.

Сам Толик был невысокого роста, но необычайно крепкий, с круглой головой и толстой шеей. В серых глазах частенько играл озорной огонек, выразительности лицу добавлял правильной формы нос, а волевой подбородок говорил о крутости характера. У него было замечательное чувство юмора и отважное сердце.

Из рассказа Толика я узнал, что в отряде примерно сто человек. Официально за порядком смотрят «бугры» – это актив отряда, который возглавлял Ваня Баклан, двадцатилетний парень, оставшийся на малолетке под патронажем администрации. Имелась в отряде и другая масть – фраера, к коим относил себя и Толик. Таких в отряде было человек пять, они держались независимо, бугры их побаивались и зря на рожон не лезли, так как каждый из фраеров был сорвиголовой и был способен постоять за себя.

– Андрюха, будем держаться втроем – ты, я и Леха Хруст, – вопросом к себе сказал Толик. – Ты не против? Леха ушел на длительную свиданку, как вернется, увидишь – он нормальный парень.

Описанная Толиком жизнь на малолетке была мне знакома, что-то такое в моей жизни уже было.

– Ладно, Скворец, не парься, разберемся, – ответил я добродушно своему лагерному другу.

Толик встал.

– Пойдем, братан, в барак, чаю попьем с тортом да покажу тебе все. Я послушно двинулся за ним.

Зайдя в барак, я осмотрелся. Было чисто, пахло душистым мылом или шампунем. Как я узнал потом, полы и стены здесь действительно мыли шампунем, который сердобольные родители присылали в посылках своим детям. Они, конечно, не знали, что детям достается процентов десять от посылки, все остальное забирали бугры.

В отряде было шесть секций, одна ленкомната, где смотрели телевизор, каптерка, где хранились сумки, раздевалка, пищежка, где хранились продукты и пацаны пили чай, туалет и умывальник, а также кабинет воспитателя.

Мы направились в пищежку, еще ее называли чайная. На пороге я столкнулся с парнем метра под два ростом. Это был бугор Вася. У этого верзила атлетического телосложения были огромные клешни, как у молотобойца. На яйцеобразной голове выделялся большой кривой нос,

видно, перебитый в драке, тонкие злые губы и раскосые глаза какого-то болотного цвета под тонкими бровями.

Он внимательно посмотрел на меня и расплылся в улыбке, как олигофрен:

– Толик, это твой кореш, о котором ты говорил? Из ДИЗО вышел? – И он протянул мне свою огромную ладонь со словами: – Васек, погоняло Баклан.

Я пожал ему руку, заметив, что он намеренно больно сжал мою, и ответил:

– Андрюха Дрон.

– Ну давай располагайся, Толик тебе все покажет, а если что – обращайся, – сказал бугор и отправился по своим делам.

Фока уже заварил чай в большом фарфоровом чайнике и с нетерпением поджидал нас за столом. Жадными глазами он пожирал нарезанный большими кусками кремовый торт. Мы сели за стол и стали пить чай. Толик начал травить байки про свою жизнь на воле, про свое последнее ограбление. Сидел он за то, что ограбил, точнее, обокрал продуктовый магазин. Они с подельником так и не успели из него ничего вынести, так как объелись халявной тушенкой и колбасой, выпили две бутылки водки и заснули прямо на прилавке рядом с сумками с добычей. Там их и взяли с поличным наутро.

К нашему столу подходили пацаны, здоровались, жали руку и со словами «еще пообщаемся» шли дальше. Возраст пацанов был разный, от четырнадцати до восемнадцати. Иногда в двери мелькали мрачные лица, изукрашенные синяками, и я понимал, что жизнь в бараке была бурная и без драк не обходилась.

Фока по-прежнему шмыгал своим веснушчатым носиком и поедал огромный кусок торта, который изначально предназначался мне, но я пожертвовал его Фоке.

– А ты, Андрюха, за что загремел? – пробурчал Фока набитым ртом. От торта у него образовались на лице потешные усы.

– Хату подломил и магазин. За что и получил почти трешку...

Толик отозвался на мои слова лагерной поговоркой:

– Год – не срок, два – урок, три – пустяк, а пять – ништяк.

За чаем я рассказал Толику про свои злоключения в ДИЗО, не забыл и про случай с Зозулей.

– Зозулю нам не достать. Он живет прямо в ДИЗО, – сказал Толик. – Его многие тут хотят встретить. Пошли, Андрюха, покажу тебе наши пенаты, а Фока тут все приборет.

Толик организовал мне место на нижнем ярусе в углу у самого окна. Там уже лежал мой матрас, застеленный накрахмаленными простынями.

– На вот, братуха, для тебя приготовил.

И Толик достал из-под кровати кирзовые сапоги.

Сапоги были отличные, я сразу это отметил. Они блестели черноматовым блеском, в них можно было разглядеть свое отражение. Голеннице было обожженное и тоже блестело, а в каблучки было вставлено по большому стальному шару из подшипников.

– Благодарю, Толян! Удружил! – с восхищением выразил я свою признательность за заботу.

Надо сказать, что сапоги – это единственная обувь, которую позволялось носить малолеткам, независимо от статуса и авторитета. Было одно, что отличало их друг от друга. Основная масса ребят не следила за обувью, и выглядели они убого и даже комично. Но те, кому было на себя не наплевать, довольно щепетильно подходили к этому вопросу. Существовало целое искусство по уходу за сапогами, такой обуви позавидовали бы и дембеля в армии. Сначала сапоги мазали кремом, потом, раскалив докрасна в котельной дужку от ведра, обжигали ею все сапоги целиком. От этого они становились как лакированные. Кто-то умудрялся прошнуровывать голеннице шнурками, на концах которых болтались кисточки. В каблучки вставлялись металлические шары, и, если идти по асфальту или по бетону, то из-под сапог сыпались искры. У таких сапог было еще одно преимущество – удар, нанесенный таким сапогом, доставлял немало неприятностей противнику.

Конечно, я сразу влез в подаренную обувь.

– Пошли на улицу, покурим.

И я двинулся за своим товарищем.

Таким был мой первый день в отряде.

5

Со свидания вышел наш третий товарищ, Леша Хруст.

Мы заочно знали друг друга со слов Толяна и крепко пожали друг другу руки. С виду Леха был очень серьезный. В нем чувствовалась какая-то породистость, аристократичность. Худощавый, с гордой осанкой, своими голубыми большими глазами он видел тебя словно насквозь. Слегка вздернутый нос не портил его, наоборот, придавал выразительность лицу. Завершали облик острый подбородок и довольно пухлые губы.

Леха находился на зоне уже два года, и до взросляка, куда он очень рвался, ему оставалось месяцев шесть. Когда-то, только приехав сюда,

он хватанул немало горя. Сначала он тридцать суток безвылазно отсидел в ДИЗО, потом шесть месяцев в ЛПУ, то есть в строгих условиях. Выйдя в отряд, он в первый же день набрал сигарет и ночью сделал попытку передать их в ЛПУ, своим товарищам. Однако это ему не удалось, его поймали, когда он почти добрался до нужного окна.

Конечно, его здорово побили тогда, но стали уважать. Сидел он вроде бы за разбой, которого не совершал. Родом он был из Тамбова. Леха принес со свидания разных вкусностей, которые навезла ему мать, и мы устроили в чайной пир, пригласив других парней. В чайной стоял шум, гам и звонкий смех. Мы сидели за столом и наедались от пуза, вспоминая разные истории, случавшиеся с нами, отчего они были еще смешнее.

Неожиданно в чайную зашел воспитатель отряда, я его видел впервые. Он был ужасно похож на известного фокусника Арутюна Акопяна. Сходство просто поразительное! Как оказалось, воспитатель наш тоже любил фокусы, но только недобрые. Как рассказали пацаны, этот педагог – а звали его Иван Федорович, хотя между собой мы называли его Акопяном, – очень любил всякого рода наказания, причем совсем не педагогичные.

Так, например, когда он ловил кого-нибудь с незастегнутой верхней пуговицей на рубашке летом, то по его указанию нарушитель после обеда в самую жару должен был стоять на плацу до ужина, и это было натуральной пыткой. Еще он любил заставлять провинившихся мыть зубной щеткой асфальт на плацу.

И зимой он тоже находил изощренные наказания для подростков. Например, заставлял пацанов ловить снежинки шапкой, пока она не наполнится, что, естественно, невозможно. Не гнушался он и избиениями у себя в кабинете, отрабатывал свои удары на малолетках, не способных дать сдачи.

– Что за базар?! – рявкнул он и спросил: – Кто из ДИЗО вышел?

Я ответил и поднялся с места.

– Пошли со мной, – мотнул он головой в сторону выхода.

Мы направились в его кабинет. Он уселся за стол и стал переключать написанные детскими почерками бумажки, наверное, объяснительные, потом, видимо, нашел мои данные и сказал:

– Так, Ловыгин... Фрукт ты еще тот, я смотрю. В СИЗО в карцере уже побывал, здесь в ДИЗО, да еще и вел себя по-хамски.

Перечислив мои подвиги, он спросил:

– Как собираешься жить?

– В смысле?

– Ты мне дурочку здесь не гони, ты меня прекрасно понимаешь! Будешь мутить воду в бараке, всплывешь в ЛПУ, усек?!

– Угу! – промычал я, не желая говорить, что думаю.

В курилке на улице меня поджидали Толян, Леха и Фока и сразу накинулись с расспросами.

Толик сделал вывод:

– Фигня это, братаны, он просто жути нагнал для проформы, мне почти то же самое втюхивал.

Жизнь тем временем шла своим чередом, дни летели быстро. До обеда мы почти ничем не занимались, смотрели телевизор и слушали музон.

Леха с Толиком ежедневно занимались на турнике и брусьях, а мы с Фокой просто балдели и дурачились.

В ленкомнате был у нас кассетный магнитофон, а в придачу к нему – настоящий артист.

Парнишку этого звали Тимка. Не помню, откуда он был родом. Он выдавал такие номера, что от смеха у всех животы болели. Чтобы получить такое удовольствие, нужно было всего-то пару коробков чая и несколько сигарет с фильтром. Суть его номеров заключалась в том, что, включив любую музыку, он выходил на середину комнаты и имитировал пение под микрофон, пародируя певца и выделявая такие пируэты, что Майкл Джексон и балет «Тодес» ему в подметки не годились. Тимка был какой-то совсем раскрепощенный и не стеснялся выписывать самые невероятные кренделя. Танцевал он неплохо, но вся соль заключалась в его мимике, в эмоциях, которые он нам представлял. Это было смешно до колик. Даже менты, которые приходили в отряд с проверкой, увидев это представление, хохотали до слез.

После обеда мы ходили в школу учиться. Школа в зоне была отличная – большая, светлая, она почти ничем не отличалась от вольной, если не считать учеников, конечно.

Школа должна была быть местом, где наши души отдыхали бы от суровой реальности. Здесь пахло новыми учебниками, и сама обстановка располагала к получению знаний. Я относился к этому серьезно и с интересом и любопытством слушал учителей. Объясняли они все толково и с расстановкой, но так было не на всех уроках. Было одно исключение.

Химию нам преподавала молоденькая татарочка Роза Раисовна. Выглядела она сногшибательно: стройная фигурка, симпатичное лицо с красивыми карими глазами под тонкими бровями. Золотые серьги очень шли к ее смуглой коже. В общем, все пацаны сходили по ней с

ума. Бедная Роза Раисовна и не подозревала, наверное, что кротость и робость ее учеников обусловлена интересом не к химии, а к ней самой.

Она почти всегда носила строгую черную юбку до колен, облегающую ее неповторимые бедра. Белая блузка с кружевами и небольшим вырезом только подчеркивала ее сексуальность. Когда она подходила ко мне и, наклонившись, пыталась что-то объяснить, ее упругие груди гипнотизировали меня, как кролика. Она была мечтой каждого парня в классе и, наверное, осталась в памяти каждого из нас.

Дни летели быстро, и жизнь, в которой было немало жестокости, уже казалась сносной. Человек ко всему привыкает. Чуть меньше года оставалось мне до совершеннолетия, которое наступало за десять дней до окончания моего срока, так что перевод на взросляк мне не грозил.

В отряде нас устраивало все, кроме одного: Вася Баклан и его прихлебатели лютовали, избивая покорных, не способных дать сдачи пацанов, а таких было большинство. Воспитатель сам рукоприкладствовал, и значит, помощи ждать было неоткуда. Хозяин зоны, конечно, все знал, как знал и то, что все происходит под присмотром Саныча.

Но однажды произошел случай, который развел наши дорожки навсегда.

6

Как-то ночью я проснулся от шума в коридоре. Раздавался топот, какие-то голоса, в том числе женский, а потом послышались чьи-то рыдания.

На следующий день утром мы узнали, что произошло.

Оказывается, Витя Баклан опустил какого-то новенького пацана лет пятнадцати. Он, не вынеся такого унижения, ночью пытался повеситься в туалете на водопроводной трубе. В последний момент в туалет зашел дежурный мент и спас несостоявшегося самоубийцу.

Надо сказать, что колонийская администрация весьма своеобразно подошла к решению этой проблемы. Бедолагу перевели в другой отряд, что, по сути, ничего не решало: дальнейшая его судьба была предрешена: лагерный эковский телефон работает исправно, и слухи разносились моментально.

Вася явно отделался легким испугом, скорее всего получил просто словесную взбучку, ведь он был «ценным кадром», с которым начальство расставаться не собиралось.

Дня через три, когда страсти улеглись, мы собрались тайком на школьном чердаке во время большой перемены – в это время все обыч-

но идут на улицу курить. Кроме меня, Толика, Лехи Хруста присутствовали еще два фраера, Коля Паук и Сашок Блин. Откуда они были родом, не помню, потому что близко с ними не общался.

Мы сели в кружок на самодельные сиденья, сооруженные из кирпичей, и молча закурили. Тишину нарушало только воркование голубей из дальнего угла, возмущенных вторжением непрошенных гостей.

Разговор начал Толик.

– Пацаны, Баклан вообще обнаглел, мы просто обязаны его наказать. Что думаете, пацаны? – спросил он и обвел нас взглядом.

– Что ты предлагаешь, Скворец? – отозвался Коля Паук.

– Предлагаю проучить гада и отметелить его ночью как следует.

– Согласен, – вступил Леха Хруст. – Надоел этот беспредел.

И Леха смачно выругался.

Я молчал. В душе я был не согласен, но мнение мое основывалось на эгоистических соображениях, и я не решился его высказать, боясь, что друзья меня не поймут и сочтут слабаком или трусом. Мне казалось, что нам не стоит предпринимать радикальные меры, поскольку нас этот беспредел не касался и мы жили относительно неплохо. Так чего ради портить свое положение?

С другой стороны, я понимал своих товарищей, мне тоже все это не нравилось.

– Надо все обдумать и тщательно взвесить, – высказался я.

Мы принялись обсуждать план предстоящих действий. Задача перед нами стояла непростая, так как Баклан был очень силен и безусловно превосходил нас физически, к тому же он редко появлялся один. Сначала мы хотели напасть на него в секции, где он жил, но потом отказались от этой затеи – слишком много свидетелей, да и проникнуть туда при наличии дежурного мента довольно проблематично.

Туалет оставался единственным местом – туда Баклан систематически бегал покурить. Туалет был просторный, отделанный кафельной плиткой, но проникнуть туда можно было только через умывальную. Обсудив все детали предстоящей расправы, мы, волнуясь, выкурили еще по сигарете и разошлись по своим классам.

После школы мы с Лехой напросились на работу в слесарную, где подобрали небольшие куски арматуры, чтобы легко их было спрятать в рукав. Уже в отряде мы спрятали наше оружие под умывальник.

После ужина мы почти не разговаривали. Время тянулось ужасно медленно. У меня было поганое предчувствие надвигающейся беды. Вместе с тем я ощущал какой-то азарт и до той поры неиспытанную бурю чувств. Видимо, адреналин делал свое дело.

После отбоя Фоку поставили на «наблюдательный пост». Задача Фоки была сообщить нам, когда Баклан проследует в туалет покурить. Мы ждали...

Наконец Фока подал нам сигнал. Мы дружно поднялись с постелей и направились в туалет. Осторожно приоткрыв дверь, мы проникли в умывальную. Из туалета раздавались голоса – оказывается, баклан был там не один, а с другим бугром, Демой, девятнадцатилетним парнем. Мы растерялись – Дема в наши планы не входил. Фоку тоже ругать было не за что, он выполнил то, что ему велели, сообщил про Баклана, а в планы свои мы его не посвящали. Отступить или тянуть время было уже поздно. Мы достали свое примитивное оружие из-под умывальника. И тут я заметил, что у Скворца из голенища торчит деревянная отполированная рукоятка. Как от напильника...

Бугры стояли в углу туалета в белых, как у нас, ночных сорочках и кальсонах и покуривали. Они опешили. Баклан сразу спросил, зачем мы пожаловали. Он взглянул в сторону окна в поисках спасения, но тут же понял, что оказался в ловушке. Окно было зарешечено, так как выходило в сторону запретной зоны, за которой находился внешний забор лагеря. Этот путь был закрыт.

Баклан каркнул:

– Вы что, пацаны, совсем оборзели? – и двинулся на нас.

Толян, не дав им опомниться, крикнул:

– Гаси их, пацаны!

Мы накинулись на бугров. Я арматуриной нанес Деме удар по коленям, он рухнул на кафельный пол и замычал от боли. Мы с Сашком стали бить его арматурой по ногам, рукам, по туловищу.

Дема прикрывал голову руками – боялся, что мы его уьем, – и заскулил:

– Братва, простите... я больше не буду... Мама! – крикнул он, получив очередной удар.

В это время Паук, Хруст и Толик пытались совладать с Бакланом. К моему удивлению, он стоял на ногах, по лицу текла кровь, так как кто-то из моих товарищей рассек ему бровь. Они наносили удары ему по рукам и ногам, но он умудрялся отмахиваться своими длинными ногами в кирзачах сорок пятого размера. Он дышал и фыркал, как беговая лошадь, испуская нечленораздельные звуки. Совершенно очевидно, что желание жить придавало ему сил, а в наши планы не входило убивать его. Мы с Сашком не могли подступиться, потому что места в углу для нас просто не было. Неожиданно Баклан сделал рывок вперед и нанес сокрушительный удар своим кулачищем Толику прямо в нос. Тот отлетел в сторону и,

падая, ударился головой о кафель. Его арматура отлетела в противоположную сторону. Удача воодушевила Баклана, и он стал подминать под себя Хруста, нанося ему зверские удары, и тот стал терять сознание.

Только тут я заметил, что Паука в туалете нет. Баклан продолжал забивать Хруста своими кулачищами, а тот уже не оказывал никакого сопротивления. Толик еще находился в глубоком нокдауне. Он сидел, обхватив лицо руками, из-под которых ручьями текла кровь. Тут я заметил, что рядом с ним валяется электрод с деревянной рукояткой, тот самый, который я видел у Скворца за голенищем. Он был очень острый, явно заточенный на наждаке.

Я поднял с пола этот самодельный стилет, крепко сжал его в руке и окликнул Баклана:

– Баклан!

Он резко развернулся, посмотрел на меня с ненавистью своими мутными, вылезавшими из орбит глазами и прорычал:

– Убью, суки...

Это было последнее, что он сказал. Электрод вошел в него и тут же вышел так мягко, что мне показалось – я промахнулся.

Он ухватился за живот и с ужасом смотрел, как из-под ладоней течет кровь, капая на коричневый кафель. Он стал оседать на пол, корчась от боли.

Наступила тишина. Дема даже перестал скулить и с ужасом смотрел на потухшего Баклана.

Я выронил электрод и прошел в умывальную. Меня тошнило и трясло. Я проблевался. Голова гудела. Умывшись, я прошел обратно в туалет, где увидел Толика, который пришел в себя и стоял, привалившись к стене и держа в руке электрод, который я только что выронил.

Баклан тяжело дышал, почти хрипел:

– Пацаны, помогите! Врача позовите, пожалуйста. Я никому ничего не расскажу. Слово даю... – закончил он свою мольбу.

Толик посмотрел на нас и сказал:

– Хруст, иди зови лепилу, вариантов нет, а то сдохнет сука.

Тут в туалет ворвались менты во главе с ДПНК и остолбенели. Василич – так звали довольно пожилого капитана – был дежурным помощником начальника колонии. Он оценил ситуацию и приказал ментам:

– Живо тащите этих двоих в санчасть, – и показал на Баклана и Дему, – остальных в ДИЗО и рассадить по камерам...

– Слышь, начальник! Это я его проткнул, – вдруг заявил Толик и продемонстрировал орудие... Василич только теперь увидел в его руке электрод и сказал:

– Разберемся! Ну, засранцы... Заберите у него заточку! – приказал он ментам, и снова закачал головой: – Ну, засранцы... Что делают...

В ДИЗО нас рассадили по одиночным камерам и до утра не трогали. Утром меня дернули опера и какой-то молоденький следак из прокуратуры. Мне стали задавать вопросы о случившемся, пытаюсь вытянуть побольше деталей. Я замкнулся и не отвечал ни на какие вопросы, справедливо полагая, что молчание – золото.

На следующий день снова пришел лагерный опер и сказал, что Толик Скворец написал «явку с повинной», взял всю вину на себя, сказал, что он «нанес проникающее ранение Васе Баклану на почве личных неприязненных отношений». Опер попросил меня дать показания, подтвердить явку с повинной. Я, естественно, отказался писать хоть что-нибудь. Опер разозлился и ушел.

Когда я отсидел пять суток в ДИЗО, меня перевели в ЛПУ на строгие условия. Там я увидел Леху Хруста. Мы обнялись и обменялись новостями. Как оказалось, его тоже уговаривали дать показания против Толика.

Позже мы узнали, что Толика перевели в другую зону, в Самарскую область. Дело менты возбуждать не стали, видимо, боялись, что при расследовании выплывут другие подробности из жизни зоны и высокое начальство по голове их не погладит. Баклана заштопали, он выжил. Его менты отправили на взросляк, избавившись от головной боли. Сашка перевели в другой отряд. Мы с Лехой тоже недолго прожили вместе, его перевели на взросляк, чему он был рад. А я через несколько дней после совершеннолетия переступил порог контрольно-пропускного пункта и направился на вокзал.

7

Я открыл глаза... Мамаши с прожорливым чадом уже не было в ресторане. Официантка протирала бутылки и бокалы за барной стойкой, колеса вагона пели свою дорожную песню. Я достал сигарету и с наслаждением затянулся. На столе оставался кусочек лимона, и я, хотя денег у меня оставалось немного, решил побаловать себя еще рюмкой коньяка.

Официантка, довольная моими чаевыми, спросила:

– Может, чего горяченького хотите, молодой человек?

– Спасибо, я не голоден.

Она ушла, виляя попкой.

Я поднял рюмку с коньяком, прошептал: «За вас, пацаны!» – опрокинул в себя ее содержимое и вернулся в вагон.

Вместе со мной в плацкартном купе ехала миловидная женщина лет тридцати пяти с маленькой озорной девчушкой. Когда я пришел, они пили чай из граненых стаканов в железных подстаканниках. Девочка задавала маме какие-то глупые вопросы, та на них терпеливо отвечала. Я сел, откинувшись на стенку, закрыл глаза и слушал их болтовню. Через некоторое время я открыл глаза – девочка сидела напротив и пристально смотрела на меня. Вдруг она пролепетала:

– А вас как зовут?

– Андрей.

Вмешалась мама:

– Оля, не мешай дяде отдыхать.

– Да нет, она мне не мешает, – ответил я.

Девчушка тут же сообразила, что ей позволили продолжать свой допрос:

– Вы на работу ездили, да?

– Нет, я еду из плена Колдуна и возвращаюсь домой...

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (октябрь – декабрь 2012 года)

Москва

24 октября 2012 года

Леонид Развозжаев отказался от подписанной ранее явки с повинной и показаний, данных под давлением. Об этом сообщает глава Общественной наблюдательной комиссии (ОНК) Москвы, член Московской Хельсинкской группы Валерий Борщев: «Насколько мы поняли, пытки были, но его не избивали, а были страшные психологические пытки, и он был вынужден дать ложные показания». По словам Борщева, Развозжаев заявил членам ОНК, что отказывается от своих показаний и требует адвоката. Он отметил, что защитнику, предоставленному государством, заключенный не доверяет и считает, что тот будет работать против него.

Другой член ОНК, Анна Каретникова, рассказала, что Развозжаева, по его словам, похитили в час дня 19 октября из украинского представительства ООН, когда он вышел купить булочку. «На него набросились мужчины в масках, надели на него шапку, заломали руки и затолкали в микроавтобус с украинскими номерами. Через несколько часов его пересадили в другой микроавтобус, это произошло, предположительно, на границе Украины и России. Все это время Развозжаев

был в шапке и ничего не видел. Потом его посадили в подвал – вероятно, частного дома. Там его допрашивали люди в масках, он не видел их лиц, они не представлялись, они просили его дать признательные показания, оговорить Удальцова, других участников встречи. По-моему, звучала фамилия Навального», – отметила Каретникова.

Оба правозащитника отметили, что встречи с арестантом им пришлось добиваться в течение пяти часов. «Мы говорили с Развозжаевым не меньше часа. То, что происходит, – страшный и очень серьезный случай», – сказал Борщев.

Татарстан

26 октября 2012 года

В Казани нашлось видеоподтверждение еще одного случая смерти задержанного от пыток. Следственное управление СКР по Татарстану отменило постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти задержанного в казанском отделе полиции «Юдино». Следствие проверит опубликованную Казанским правозащитным центром видеозапись с камеры наблюдения, на которой зафиксированы пытки.

1 февраля в отдел полиции «Юдино» был доставлен 45-летний заместитель директора Казанского железнодорожного техникума Павел Дроздов. За мелкое хулиганство его поместили в камеру для административно задержанных. Там его, по данным правозащитников, пытали трое полицейских, в результате чего он скончался. Родственники Дроздова, у которого осталось четверо детей, потребовали возбудить уголовное дело в отношении полицейских.

По официальной версии, полицейские загнули руки и надели наручники на Дроздова, так как он был пьян и вел себя агрессивно. Через некоторое время задержанный перестал двигаться, и приехавшие врачи констатировали смерть.

Судмедэксперты пришли к выводу, что Дроздов скончался из-за панкреонекроза (острого воспаления поджелудочной железы), осложнившегося развитием шокового состояния, отеком головного мозга и легких. По их мнению, кровоподтеки на теле мужчины с его смертью связаны не были.

На записи видно, как полицейские тремя брючными ремнями связали Дроздову ноги и подтянули их к рукам, а затем все трое сидели на задержанном в течение продолжительного времени. Как отмечают правозащитники, эта поза, получившая название «ласточка», причиняет нестерпимые физические страдания и является бесчеловечным

и унижающим достоинство обращением. Кроме того, один из полицейских ударил Дроздова ботинком в правый бок, а двое других ногами наступали на голени задержанного.

После мартовского скандала с пытками в казанском отделе полиции «Дальний» прокуратура начала проверку по жалобам на полицейских. Разбираясь со смертью Дроздова, прокуроры не могли ознакомиться с видеозаписью, поскольку она не была приобщена к материалам проверки, отмечается на сайте правозащитного центра. Юрист Андрей Сучков, представляющий интересы семьи погибшего, смог посмотреть видеоматериал только через 8,5 месяца после трагедии.

Опрошенные в ходе проверки полицейские заявили, что пытались оказать мужчине первую медицинскую помощь.

Ростовская область

27 октября 2012 года

Правозащитники и заключенные жалуются на систематические избиения эзков в колонии № 2 в Ростове-на-Дону. Об этом рассказала председатель совета общественной наблюдательной комиссии по Ростовской области Елена Елисеева.

«Мои слова основываются на жалобах и рассказах заключенных, чьи права нарушаются. Под удар попадают в первую очередь те, кто общается с членам ОНК и кто систематически жалуется на сотрудников колонии. Дошло до того, что жалобщиков начали подставлять, чтобы они получили дополнительный срок», – утверждает Елисеева.

Инцидент, который Елисеева приводит в пример, произошел в июне этого года с заключенным Андреем Сечевым. Сечевой, по словам представителя ростовской ОНК, на протяжении нескольких лет жаловался на различные нарушения со стороны руководства колонии. «В конце июня его избили в колонии и поместили в штрафной изолятор. Несколько дней он провел в ШИЗО в наручниках. Это была месть со стороны администрации за жалобы, которые он писал», – утверждает Елисеева.

В одной из своих последних жалоб Сечевой, в частности, указывал на суицид одного из осужденных, имя которого в заявлении эзка не называется.

«Вчера, 12.09.12 г., после отбоя из окна выпрыгнул осужденный, впоследствии скончавшийся по дороге в больницу. Этот осужденный не один раз писал жалобы, объявлял голодовки, чтобы его заметила наша администрация. Поскольку он был осужденным с низким социальным статусом, его никто не замечал и решать его проблемы никто

не собирался. Он был осужден за преступления против половой неприкосновенности», – говорится в жалобе Сечевого на имя директора ФСИН Геннадия Корниенко. В этом же заявлении заключенный приводит и другие примеры суицида осужденных, а также их гибели из-за применения психотропных препаратов.

В 2011 году, утверждает Сечевой, в штрафном изоляторе покончил с собой осужденный Бурховцов. Годом раньше в отряде № 7 «от употребления препарата E205» скончались двое осужденных. В 2009 году, продолжает Сечевой, в колонии умер еще один заключенный: он перерезал себе горло ножом и выпрыгнул с третьего этажа. Сечевой отмечает, что покончить с собой осужденного вынудили сокамерники, которые две недели били его за то, что он не мог отдать карточный долг.

Сечевой утверждает, что скончавшийся обращался за помощью к представителям администрации колонии, в частности к тогдашнему начальнику отдела безопасности некоему Н.В. Абозину, но тот помогать отказался. В предшествующие годы, говорит Сечевой, ситуация была не лучше.

В своей жалобе осужденный задается вопросом, почему летальные случаи, которые якобы стали возможными из-за неудовлетворительной работы сотрудников колонии, списываются «на простые самоубийства, сердечные приступы и т. п.». «Почему никто не ответил за них?» – негодует Сечевой.

«За жизнью Сечевого мы следим давно, и начальнику колонии, разумеется, это не нравилось. В конечном итоге они придумали способ, как его наказать: обвинить его в нападении на начальника и другого заключенного», – говорит Елисеева.

Как рассказал «Газете.Ru» освободившийся недавно из ИК-2 Олег Ланчуковский, именно он стал тем, кто подписал заранее подготовленное заявление о нападении Сечевого. Ланчуковский признает, что поначалу был вынужден пойти на поводу у сотрудников колонии из-за угроз в его адрес. «Они пугали меня, что отдадут “блатным”, чтобы те со мной расправились. Я согласился подписать все, что они мне сказали», – заявил Ланчуковский. Сам он, по его словам, трудился в колонии разносчиком пищи. В день избиения Сечевого он видел, как последнего «повели на прием к начальнику».

Спустя некоторое время, когда Ланчуковский отвозил бочки с едой обратно в столовую, он увидел, как Сечевого выводят из административного корпуса оперативники.

Когда Ланчуковский вернулся к себе в отряд, к нему якобы пришли сотрудники оперчасти и потребовали написать заявление, что Сече-

вой его ударил. Также они требовали от него показаний, что тот видел, как Сечевой напал на начальника колонии Вячеслава Кравцова.

По словам Елисейевой, на Сечевого вскоре завели уголовное дело по фактам нападения на начальника ИК-2 и на Ланчуковского, после чего его перевели в СИЗО. Какую статью УК инкриминируют Сечевому, она уточнить не смогла.

Поначалу Ланчуковский отказывался общаться с членами ОНК: они приходили в колонию к Сечевому, пытаясь выяснить у его сокамерников, что те знают про инцидент с администрацией колонии. «Мне запретили это делать сотрудники. Я их слушался, потому что боялся», – говорит Ланчуковский. Впрочем, во время одного из визитов Ланчуковский все же дал понять общественникам, что не говорит из-за давления, которое на него оказывается.

«Я сказал, что боюсь за свою жизнь и жизнь своих родственников. Потом оперативники сказали мне, что я наговорил много лишнего. После моего общения с правозащитниками ко мне пришли оперативники и отобрали телефон и гражданские вещи, купленные на мои собственные деньги. Когда у меня забрали и второй телефон, который я смог достать в колонии, я сказал сотрудникам, что если они его не вернут, то я все расскажу правозащитникам», – подчеркнул заключенный. Телефон Ланчуковскому так и не вернули. По словам Елисейевой, за несколько дней до выхода на свободу ей позвонил Ланчуковский и сообщил, что он готов свидетельствовать против начальника колонии на суде по делу о нападении Сечевого. «Я, конечно, была в шоке, но сразу поняла, что теперь главное – встретить его у колонии, чтобы его не перехватили оперативники. Все, слава богу, удалось», – говорит Елисейева.

По ее словам, Управление собственной безопасности ФСИН России и его подразделение в Ростовской области теперь обязаны взять в разработку дело Сечевого и Ланчуковского, чтобы «остановить беспредел, который творится в ИК-2». В пресс-службе УФСИН по Ростовской области «Газете.Ру» не смогли прокомментировать ситуацию вокруг ИК-2.

Ингушетия

9 ноября 2012 года

Карабулакский районный суд Ингушетии огласил **приговор по громкому делу о зверских пытках** чеченца Зелимхана Читигова. В превышении должностных полномочий обвинялись экс-начальник местного РОВД Назир Гулиев и его заместитель Илез Нальгиев. Нальгиев получил восемь лет колонии строгого режима, а Гулиев оправдан. На под-

готовку приговора у судьи Фатимы Аушевой ушло три месяца – прения сторон завершились еще в конце июля.

Утром 27 апреля 2010 года в дом Читигова ворвалась группа вооруженных силовиков в масках. Они забрали его с собой в РОВД. По показаниям Читигова, его стали избивать уже в милицейском «уазике». В отделе, как утверждает Читигов, его пытали током, надевали на голову пакет, избивали ногами. Работники полиции называли ему разные имена и фамилии и требовали, чтобы Зелимхан опознал их.

Читигов провел в Карабулакском РОВД четыре дня, ему предъявлялись обвинения в теракте, пособничестве боевикам, воровстве, но ни по одному из эпизодов виновным себя он не признал. На пятый день полицейские отвезли его в суд, туда же пришли и его родные. В ходе слушания у Зелимхана случился приступ, и по требованию родственников его уложили в больницу. Отец Читигова написал заявление о том, что его сына пытали. Дело в суд передали в сентябре 2011 года, а сам процесс начался спустя месяц. Сам Зелимхан впоследствии стал инвалидом, прикованным к креслу.

Неясно, почему судья не осудила никак Гулиева, удивляется отец потерпевшего Шейх-Мухаммед Читигов: «С приговором для Нальгиева я согласен, но вот не понимаю, почему отпустили Гулиева, на каком основании. Думаю, будем обжаловать это решение судьи».

Гулиев, скорее всего, вернется в правоохранительную систему, считает родственник истца Магомед Шовхалов: «Гулиев во время суда вел себя вызывающе, перебивал судью и адвокатов. Несколько раз открыто угрожал близким Зелимхана. Так как его оправдали, то он, думаю, будет реабилитирован и вернется в МВД, возможно, даже на свою бывшую должность».

Обвинительный приговор Нальгиеву не менее удивителен, чем оправдание Гулиева, сказал известный ингушский правозащитник Магомед Муцольгов. «Честно говоря, я сильно удивлен, что приговорили Нальгиева. Для Ингушетии подобный приговор беспрецедентный, он дает надежду, что закон хоть как-то работает. Но при этом, он же не один пытал, их там ведь человек 6–8 было. Просто сам Зелимхан не смог всех вспомнить. И притом Гулиев оправдан. Он говорит, что не знал о пытках Читигова. Хотя сами подумайте: как начальник РОВД может не знать о том, что у него в отделе людей пытаются?»

Вообще, жалоб на пытки со стороны полиции в Ингушетии много, утверждает правозащитник. «Не могу вспомнить количество известных мне заявлений по поводу пыток, но уж точно могу сказать, что ни

одна неделя не обходится без подобных жалоб. Правоохранители крайне редко привлекаются к ответственности».

Приговор Карабулакского суда вызывает разные ощущения, говорит председатель правления правозащитного центра «Мемориал» Олег Орлов. «С одной стороны, осудили Нальгиева, что не может не радовать, но с другой – оправдание Гулиева. Конечно, не все, кто заслуживал наказания, а их было больше – человек восемь, оказались на скамье подсудимых».

Гулиева в Ингушетии обвиняют в намного большем количестве преступлений, продолжает Орлов. «Известно, что действия Гулиева в свое время спровоцировали карабулакских полицейских на забастовку – они попросту отказывались выполнять его противоправные приказы: поборы, фальсификация уголовных дел, пытки. Когда Гулиева со скандалом сняли с должности, он силой пытался вернуть ее себе. С новым начальником РОВД он буквально подрался в его кабинете. Из-за него весь отдел на усиленный режим охраны перевели».

Гулиев – родственник главы Ингушетии Юнусбека Евкурова, но не это спасло его от тюрьмы, уверен Орлов. «Я сам неоднократно слышал в республике, что Гулиева никто не сможет осудить, потому что он родственник Евкурова. Не думаю, что это его спасло, но разговоры об этом будут гулять в Ингушетии, и это очень сильно скажется на авторитете Евкурова».

Тем временем источник в ингушском МВД рассказал, что у Евкурова с Гулиевым произошел конфликт, из-за которого последний оказался на скамье подсудимых. «Гулиев вообще мог не оказаться в суде, но у него произошла размолвка с родным братом Евкурова, который занимался нефтяным бизнесом. Именно из-за этого Гулиев потерял должность, а потом он стал открыто выступать против главы республики, обвинял его, что тот не контролирует обстановку в регионе. Но отношения с Евкуровым Гулиев, как мне известно, наладил кое-как. Может, это и сказалось на приговоре».

Москва

12 ноября 2012 года

В Москве за серию угонов машин осужден бывший начальник колонии-поселения Кировской области. Савеловский районный суд признал 31-летнего Дениса Катана виновным и приговорил его к пяти годам лишения свободы в колонии общего режима. Денис Катан осужден по п. «в» ч. 2, 3 ст. 158 УК РФ (кража чужого имущества, с причине-

нием значительного ущерба гражданину, в крупном размере) и ч. 3 ст. 30 п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ (покушение на кражу в крупном размере).

Следствие установило, что Д. Катан после ухода со службы «переквалифицировался» в профессионального угонщика.

Так, в период с ноября 2011-го по февраль 2012 года он совершил 15 преступлений на территории Северного административного округа Москвы. С помощью специальных устройств – GPS-поисковика, предметов для вскрытия автомобильных дверей, транзитных номеров других регионов России, электрошокера, перчаток – он похищал автомобили, которые впоследствии продавал.

Задержать его удалось в ночь на 7 февраля 2012 года при попытке угона машины «Ford Focus 2», припаркованной на 1-й Магистральной улице. В общей сложности столичным автовладельцам причинен ущерб на сумму более 1,5 млн руб.

Таганрог

19 ноября 2012 года

В Таганроге двое сотрудников полиции задержаны по подозрению в избииении двух молодых людей для получения от них признания в краже.

Двое жителей Таганрога, 17 и 18 лет, обратились в следственные органы 1 ноября. По их словам, накануне вечером они были доставлены в отдел полиции, где к ним была незаконно применена физическая сила.

Молодые люди сообщили, что сотрудники полиции нанесли одному из них несколько ударов по туловищу и голове, а второго пристегнули наручниками к металлической трубе, расположенной на высоте примерно 2 метра, для того, чтобы они сознались в якобы совершенной краже мопедов. В результате у одного потерпевшего – ушиб почки, тупая травма живота, у второго – перелом руки. «Проведенное полиграфическое исследование показало причастность опознанных потерпевшими сотрудников полиции к нанесению им телесных повреждений», – отмечают в Следственном комитете.

По подозрению в совершении преступления задержаны старший оперуполномоченный и оперуполномоченный УР ОП-2 УМВД России по Таганрогу. Следствием подготовлено ходатайство об избрании в отношении -их меры пресечения в виде заключения под стражу.

По результатам проведенной проверки возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК

РФ «Превышение должностных полномочий с применением насилия», по которой подозреваемым грозит до 10 лет тюрьмы.

Челябинская область, Копейск

24 ноября 2012 года

По последней информации, в ИК-6 г. Копейска происходит массовый бунт. Члены ОНК Латыпова и Леготин стоят возле колонии вместе с родственниками осужденных. На территорию колонии введен ОМОН. Кто-то бежит по крышам зданий. Родственники видели флаг с надписью «Люди, помогите!». Представители управления ФСИН и зам-прокурора области по надзору на телефонные звонки не отвечают. Членов ОНК на территорию не пускают и никакой информации не дают. Вячеслав Башков связался с Оксаной Труфановой по телефону.

В пресс-релизе Уральского демократического фонда со ссылкой на члена ОНК по Челябинской области Дину Латыпову, юриста Уральского демократического фонда, сообщается следующее.

24 ноября 2012 года в 19.00 члены ОНК по Челябинской области Дина Латыпова и Михаил Леготин вместе с помощником депутата Областного законодательного собрания журналисткой Оксаной Труфановой по сигналу о беспорядках в ИК-6, полученному от члена ОНК В. Приходкиной, подъехали к входу в колонию.

Они увидели, что несколько десятков заключенных ходят по крышам, стоят на трубах промзоны, на крышах видны плакаты, написанные красным на белом фоне: «Люди, помогите!» С крыш доносятся крики о помощи, призывы к журналистам, родственникам, чтобы те не расходились, так как осужденные боятся за свою жизнь. Возле колонии большое скопление гражданского населения, которое все прибывает, родственники перекрыли дорогу возле колонии.

Рядом с колонией – несколько машин с ОМОНОм, милиция, представители администрации колонии, отказавшиеся назвать себя, однако знающие в лицо членов ОНК, которые в колонию допущены не были.

Оксана Труфанова в качестве помощника депутата прошла для встречи с руководством колонии. Она имела беседу с начальником ИК-6 Механовым, прокурором Яковлевым и замначальника ГУ ФСИН по Челябинской области Канашовым, которые пояснили ей, что заключенные добиваются своими действиями встречи с прокурором, освобождения заключенных, содержащихся в штрафном изоляторе.

Прокурор немедленно начал прием, а на требования касательно освобождения осужденных из ШИЗО руководство намерено ответить

отказом. Также и Механов, и Канашов обещали помощнику депутата, что ОМОН вводить до последней возможности не будут и попытаются разрешить ситуацию мирным путем. Вместе с тем выйти к родственникам для снятия напряжения они отказались.

Следует отметить, что члены ОНК по Челябинской области Д. Латыпова, В.Приходкина Т. Щур, Н. Щур, Е. Сыркина регулярно выезжали в ИК-6 в связи с постоянными жалобами на избиения, вымогательства и другие нарушения прав человека, постоянно отмечая в своих актах наличие этих нарушений. Никакой реакции со стороны руководства ГУ ФСИН по Челябинской области не наблюдалось. Более того, в настоящий момент предъявлено обвинение в заведомо ложном доносе Даниилу Абакумову, заключенному ИК-6, выступившему со свидетельством об избиении и вымогательствах в колонии. (Дело Абакумова широко освещалось в СМИ.) Реакция ГУ ФСИН выразилась не в разбирательстве по существу, а в переводе стрелок на бесправного человека, доведенного до отчаяния.

Челябинская область, Копейск

25 ноября 2012 года

Бунт в колонии № 6 Копейска ликвидировали 250 сотрудников ОМОНа, СОБРа и спецназа ГУ ФСИН. Вначале они не пускали толпу, в первых рядах которой была молодежь, к стенам исправительного учреждения. Когда собравшиеся стали поддерживать заключенных криками «Парни, вы в центре внимания!», люди в масках начали действовать.

– Никакой провокации против ОМОНа не было. Я вышла из машины, ждала звонка от помощника уполномоченного по правам человека, чтобы войти на территорию колонии. Решила подойти поближе. Сделала всего два шага, когда ОМОН закричал: «Побежали» – и бросился вперед с дубинками. Меня сзади ударили по голове. Когда я встала из грязи, полицейский подошел ко мне и сказал: «Если ты правозащитница, лежи и молчи», – сообщила «Первому областному» правозащитник Оксана Труфанова.

ОМОН отогнал толпу далеко от стен колонии.

– Мы мимо проезжали и остановились, чтобы пропустить машины. В этот момент ОМОН накинулся на нас, вытащил из машины, стал бить автомобиль. У нас в машине был маленький ребенок, мы кричали об этом, но полицейские не останавливались, – рассказал мужчина, которому в потасовке разбили бровь.

Окровавленные люди остались у стен колонии, чтобы дожидаться помощи медиков. Однако в исправительное учреждение приехала всего одна «скорая помощь».

– Мне позвонили из колонии № 11. Сказали, что в ИК № 6 600 человек вскрыли вены, еще 300 закрылись в бараке. Чтобы заключенные в бараке не причинили себе вреда, ОМОНу не позволяют начинать штурм. Приехала только одна «скорая». На вышке вывесили простыню, где кровью написано: «Помогите! Спасите нас!» Один пацан прыгнул вниз, говорят, насмерть, – поделились родственники заключенных.

Бунт в колонии начался, когда заключенные выдвинули два условия.

– Якобы ребята голодали, так как многих избили и поместили в ШИЗО. Заключенные вышли на плац и требовали показать тех, кто в штрафном изоляторе, добивались встречи с прокурором. Потом они захватили вышку в промзоне и вывесили огромный белый плакат. Меня единственную внутрь завели для беседы, но встретиться с бунтующими не дали. Говорят, я их спровоцирую вскрыть вены или спрыгнуть с вышки, – отметила Оксана Труфанова.

Напомним, восстание в колонии № 6 Копейска началось 24 ноября. По информации правозащитников и родственников заключенных, на бунт поднялся чуть ли не весь состав колонии. Люди требовали встречи с прокурором, чтобы рассказать о пытках и издевательствах в колонии.

По официальной информации ГУ ФСИН по Челябинской области, перед проведением обеда осужденные шести отрядов в количестве 250 человек вышли в режимный коридор жилой зоны учреждения и выдвинули незаконные требования по ослаблению режима содержания. В частности, они настаивали на освобождении ряда осужденных из штрафного изолятора.

К стенам исправительного учреждения приехали около 300 родственников и друзей заключенных. Между ними и сотрудниками ОМОНа завязалась драка. Около 40 человек были задержаны по административной статье «нарушение общественного порядка».

Челябинская область, Копейск

25 ноября 2012 года

В ГУ ФСИН по Челябинской области прокомментировали ситуацию с бунтующими заключенными в колонии № 6 под Копейском. «В режимном коридоре жилой зоны продолжает оставаться порядка 250 осужденных. Постоянно они там не находятся: одни уходят в жилые помещения, им на смену приходят другие. Осужденные уже сняли все

требования, кроме одного – выпустить из штрафного изолятора находящихся там лиц. Однако штрафники помещены в ШИЗО за нарушения режима, так что эти требования являются незаконными», – рассказал пресс-секретарь службы Иван Мишанин.

В ИК-6 в Копейске на случай осложнений продолжают дежурить бойцы отряда спецназа регионального ГУ ФСИН «Урал» и сотрудники ОМОНа полицейского главка. На место, кроме того, уже прибыло руководство всей системы Федеральной службы исполнения наказаний.

«В настоящее время ситуация остается контролируемой, пострадавших из числа контингента нет», – уверяют силовики.

Кроме того, по уточненным данным аппарата уполномоченного по правам человека в Челябинской области, среди собравшихся 24 ноября у стен колонии не было родственников осужденных.

В исправительной колонии № 6 Копейска (Челябинская область) в воскресенье продолжается противостояние эзков с властями, причем во ФСИН уверяют, что ситуация под контролем. На фоне этого местные жители подают заявления по фактам избиения сотрудниками ОМОНа у ворот колонии. Заявлениям ФСИН в городе не верят: ползут слухи, что из колонии в морги вывозят трупы, а некоторым заключенным удалось бежать. О реакции на конфликт у ворот колонии рассказала координатор проекта Gulagu.net Оксана Труфанова. Пока она единственная, кого хотя бы раз допустили в колонию, и главный источник неофициальной информации о происходящем. По ее словам, против полицейских подано минимум пять заявлений. «Подала заявление с требованием привлечь полицейских по статье 286 УК "Превышение служебных полномочий". Кроме меня, на тот момент заявления подали еще четыре человека с аналогичными заявлениями, хотя на самом деле пострадавших было больше. Я знаю, что одна девушка, убегая от ОМОНа, сломала себе ногу, так же крепко досталось 14-летнему подростку».

Правозащитники утверждают, что к колонии не проехать: все дороги перекрыты, «никого не пускают и не выпускают, прорваться к колонии не представляется возможным», заявила координатор портала Gulagu.net Евгения Кочетова.

Версии происходящего в Копейске различаются как насчет «бунта» внутри колонии, который сами заключенные называют акцией протеста, так и по поводу происшедшего у ворот, где ОМОН бросился разгонять собравшихся после указания «Бьем!». По утверждению Труфановой, «беспорядки никто не устраивал». «Было массовое избиение

родственников заключенных бойцами ОМОНа, поэтому сейчас люди подают заявления в Следственный комитет о применении к ним насилия. Спецназ просто без разбора бил всех. Люди стояли молча, а они пошли на них стеной. Мне тоже досталось дубинкой сзади по голове», – заявила она.

Другую версию озвучил уполномоченный по правам человека в Челябинской области Алексей Севастьянов: «Внешняя среда была готова к акции протеста. Родственников среди собравшихся возле колонии людей было не так много. В основном это были люди от 27 до 40 лет, они кидали снежки в ОМОН – это я видел сам. Потом, как говорят очевидцы, в ход пошли бутылки, люди на автомобилях пытались прорваться сквозь ОМОН. То, что акция была спланирована, – это факт». По данным областного ГУ МВД, вечером в субботу были задержаны 26 человек.

По словам Труфановой, в городе в воскресенье обстановка нервозная: «Весь город погряз в слухах. О том, что якобы из колонии в морги привозят трупы, и о том, что якобы из колонии сбежали шесть заключенных».

Руководитель пресс-службы ГУ ФСИН России по региону Иван Мишанин рассказал о том, что происходит внутри протестующей колонии в воскресенье. «Ситуация такая же, что и вчера. Порядка 250 заключенных проводят, как они сами называют, акцию протеста. Они находятся в коридоре, сменяя друг друга, кто-то уходит, другие остаются, иногда кто-то крикнет, кто-то свистнет. Требование у них одно – вывести из штрафного изолятора злого нарушителя режима, что незаконно». Мишанин подчеркнул, что никаких погромов нет, сотрудники колонии не применяют к бунтовщикам спецсредств. В свою очередь, арестанты также не совершают преступных действий. Обстановка в колонии относительно спокойная.

Омбудсмен Севастьянов добавляет: «Заключенные приходят в коридор, сменяя друг друга. Подходишь к ним, там человек двести, а разговаривают три, остальным уже и стоять неохота, а как уйти – вопрос, там же свои порядки, своя иерархия».

Он добавил, что по ряду претензий бунтовщиков, в частности о вымогательствах и избиениях, надо проводить тщательные проверки.

В ГУ ФСИН отмечают: проводится служебная проверка, выявляются все обстоятельства произошедшего. Обстановка в учреждении контролируемая и управляемая.

Челябинская область, Копейск

26 ноября 2012 года

Бунт заключенных в Копейске поддержали заключенные еще четырех колоний. Объявлена голодовка в колониях № 1, 3, 11 и 25 в Копейске, Челябинске и Златоусте. В златоустовской колонии № 25 заключенные ночью покинули бараки и около часа простояли на улице в знак солидарности с колонией ИК-6, где заключенные устроили бунт.

Основное требование людей – встреча с прокурором, на которой заключенные расскажут о многочисленных нарушениях в колониях.

Тюремные власти привлекли к дежурству дополнительные бригады конвоиров и охранников, надеясь не допустить массовых беспорядков.

Челябинская область, Копейск

26 ноября 2012 года

Общественная палата взяла под контроль расследование чрезвычайного происшествия в колонии № 6 в Копейске, где заключенные устроили акцию протеста. Об этом агентству рассказала член ОП, председатель президиума Совета общественных наблюдательных комиссий Мария Каннабих. «В колонии еще предстоит очень серьезная работа. Сейчас важно проанализировать, каким образом удалось организовать столько людей для акции неповиновения», – сказала Каннабих. Она добавила, что в данный момент ОП продолжает мониторить ситуацию в колонии и будет следить за ходом расследования.

Осужденные написали 27 заявлений о предположительных нарушениях в колонии, отметила Каннабих. В ситуации будет разбираться Следственный комитет и прокуратура. «В колонии в настоящее время работает первый заместитель директора ФСИН России Эдуард Петрухин. Хочу отметить, что во многом благодаря его поддержке представителям ОНК удалось провести встречу с заключенными и их родственниками», – сказала член ОП.

В своем отчете для ОП глава ОНК Челябинской области Анатолий Тарасюк сообщил, что заключенные пожаловались на избиения со стороны администрации, платные свидания с родственниками, требования «материальной помощи» для ремонта помещений. «Если данные подтверждаются проверками, это безусловные нарушения», – отмечает Каннабих.

Помощники уполномоченного по правам человека Владимира Лукина также ведут прием заключенных в колонии, сообщил журналистам челябинский омбудсмен Алексей Севастьянов. «Представители прокуратуры и правозащитники из Москвы, помощники Лукина, ведут прием осужденных в колонии. Они разговаривают буквально с каждым осужденным. После опроса будет составлен доклад, по итогам которого Лукин, возможно, примет решение посетить колонию», – сообщил Севастьянов.

Он добавил, что обнаружены признаки унижения чести и достоинства заключенных со стороны администрации. Будет проведена тщательная проверка, сказал Севастьянов.

В понедельник заключенные копейской колонии прекратили акцию протеста, сообщила пресс-служба областного главка ФСИН. В сообщении подчеркивается, что спецназ на территорию колонии не вводился. Прокуратура также отрицает участие спецназа и опровергает сообщения об избиении осужденных.

Между тем в воскресенье вечером поступили сообщения о начале новой «зачистки» в колонии. Родственники заключенных сообщали, что спецназ и ОМОН вышли на крышу учреждения, начался штурм зоны, с территории раздаются крики.

В субботу началась акция протеста заключенных колонии. Они захватили вышку в промзоне, на которой вывесили плакат «Помогите, люди!». Кроме того, с крыш зданий колонии вывесили баннеры с сообщениями об акции протеста с участием 1500 человек против пыток и вымогательств. По словам очевидцев, один человек упал с вышки.

С утра в субботу за слагбаумом колонии собралось несколько сотен родственников заключенных. Они потребовали убрать ОМОН и перекрыли дорогу, перевернув полицейский «уазик». Полиция жестко пресекла акцию, многие ее участники были избиты. Власти сообщают о задержании 38 человек.

В воскресенье родственники заключенных, продолжавшие дежурить у колонии, сообщили, что осужденных начали вывозить из ИК, чтобы комиссия из Москвы не застала тех людей, которые могут дать показания.

Летом этого года правозащитники представили свидетельства систематических пыток и вымогательств в копейской колонии. В июне один из заключенных скончался после побоев. Проверка, проведенная областной прокуратурой, не выявила массовых нарушений прав заключенных, сообщили власти в начале октября.

Челябинская область, Копейск

27 ноября 2012 года

Пресс-релиз группы наблюдателей ОНК Челябинской области (Латыпова Дина Айваровна, Щур Николай Алексеевич, Щур Татьяна Михайловна): «Сегодня, 26 ноября 2012 года, наша группа, уведомив надлежащим образом ГУ ФСИН Челябинской области и получив разрешение на посещение у Первого заместителя директора ФСИН Петрухина Э.В. (хотя по закону получать такое разрешение и не требуется), в 11.11 прибыла к дверям ИК-6. К нам вышел зам.нач. ГУ ФСИН по Челябинской области Агарков Сергей Иванович и сказал, что генерал-лейтенант Петрухин Э.В. распорядился не пускать нас в колонию до тех пор, пока там находятся представители Уполномоченного по правам человека в РФ Лукина В.П. На наш вопрос, каким образом наша работа зависит от работы представителей Уполномоченного, Агарков ответил, что он просто выполняет приказ.

Спустя некоторое время нас проводили в помещение штаба колонии, которое находится за пределами зоны. Там мы провели все время до 18.18. Все это время нас беспрестанно “охраняли” от одного до пяти сотрудников ИК-6.

Около 18.00 Латыповой Д.А. позвонил Председатель Совета по правам человека при Президенте РФ Федотов М.А. и проинформировал, что у него состоялся разговор с директором ФСИН Корниенко, который сказал, что единственной причиной нашего недопуска в колонию сегодня является забота о нашей безопасности и что завтра мы можем спокойно пройти в колонию.

Я тут же связался по телефону с начальником ГУ ФСИН области Турбановым В.Н. (по просьбе Агаркова С.И.) и уведомил его, что завтра с утра мы приедем с инспектированием в ИК-6 и что разрешение на посещение дал сам директор ФСИН. На это Турбанов В.Н. заявил мне, что он не видит смысла в нашем нахождении в ИК, поскольку там уже работают следователи и прокуроры, и добавил Турбанов, достаточно того, что председатель ОНК Тарасюк А.М. уже посетил колонию. И что сейчас ему вообще некогда разговаривать со мной, так у него в кабинете полно народа, созвонимся завтра. И бросил трубку.

Агарков С.И. в телефонном разговоре со мной сказал, что если мы хотим поговорить с Петрухиным (об этом мы просили его неоднократно в течение всего сегодняшнего дня), то можем это сделать через час в ГУ ФСИН.

Мы немедленно выехали в ГУ ФСИН и были там уже через 40 минут. Постовой на входе сказал, что никого (ни Петрухина, ни Агаркова) в

Управлению уже нет: да, были, но давно ушли, попрощавшись. Агарков, которому я тут же позвонил, трубку не взял.

Спустя пару часов мне позвонил помощник Уполномоченного по правам человека Челябинской области Бабин Максим Анатольевич и поинтересовался, когда завтра мы прибудем в колонию, поскольку нас завтра пропустят. Я пересказал ему свой разговор с Турбановым и выразил сомнение в нашем допуске в колонию завтра. Бабин обещал выяснить и перезвонить. Не перезвонил.

По Первому каналу и «России-1» видел репортажи о колонии – к правде отношения не имеют никакого. Прокурор по надзору за ИК Яковлев А.П. совершенно нагло врал, что ни одной жалобы от заключенных из ИК-6 о вымогательствах и избиениях не было. А только мы передавали ему лично жалобы на избиения и вымогательства неоднократно в течение этого года. Мы даже говорили с ним об этом на заседании ОНК, куда Яковлева приглашали специально.

В тот день, когда члены ОНК Латыпова и Юрин пытались попасть в колонию и их туда не пускали и не пустили, председатель ОНК Тарасюк там был (один). Он же сегодня принимал участие в пресс-конференции и говорил от имени ОНК на ней. Также он составил отчет о происходящем в ИК-6 и отправил его от имени ОНК в Общественную палату РФ. С ОНК он свои действия не согласовывал. (Тарасюк – бывший начальник колонии в Челябинской области.)

Сейчас прочитал заявление Каннабих о ситуации в ИК-6. Ответственно заявляю, что членов ОНК Челябинской области не допустили в ИК-6, в колонии скрытно от всех был ОДИН председатель ОНК, что является грубейшим нарушением Закона об общественном контроле. А нас (Латыпову Д., Леготина М., Щура Н., Щур Т., Юрина А.) не пускают в ИК уже трое суток – как раз по указанию Петрухина, хотя именно Петрухин и уверил Лукина В.П., что мы свободно можем посетить ИК. Заявление Каннабих не соответствует действительности.

Завтра, 27 ноября, мы вновь предпримем попытку зайти в ИК-6.

Николай Щур, руководитель группы наблюдателей,
руководитель Уральского демократического фонда».

Челябинская область, Копейск

27 ноября 2012 года

Следственный комитет РФ по Челябинской области по результатам доследственной проверки в связи с бунтом заключенных в ИК-6 города Копейска возбудил уголовные дела о превышении должностных

полномочий и насилии в отношении полицейских, сообщил во вторник официальный представитель ведомства Владимир Маркин.

По переданному осужденными 41 заявлению заключенных о вымогательстве у них денег персоналом колонии возбуждено уголовное дело по ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Еще пять дел расследуется по ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти) в связи с травмами, полученными сотрудниками ОМОНа при нападении на них в субботу родственников осужденных. Ранее сообщалось, что пострадали восемь омовцев.

По словам Маркина, в своих заявлениях заключенные сообщили, что начиная с 2008 года и до последнего времени сотрудники колонии вымогали у них разные суммы – от 5 тыс. до 90 тыс. рублей – «путем создания неблагоприятных условий отбывания наказания и угроз применения физического насилия».

Тем временем эксперты и пресса пытаются выяснить истоки бунта в копейской колонии и найти виновников. Поборы и издевательства над заключенными происходят повсеместно, отмечает РБК Daily. Так, заключенный исправительной колонии в поселке Середка Псковской области рассказал изданию, что спецназ ФСИН регулярно устраивает им воспитательные «вечеринки» – забегают в масках в казармы и начинают избивать «всех без разбору» без всякого повода. И так происходит во многих, если не во всех, российских колониях.

Как сообщалось, бунт в ИК-6 в Копейске начался 24 ноября, когда перед обедом сотни осужденных из шести отрядов вышли в режимный коридор жилой зоны учреждения и потребовали ослабить режим содержания и освободить своих товарищей из штрафного изолятора. Первоначально речь шла о 250 участниках протеста, однако в СК во вторник уточнили, что к мятежу присоединились не менее 500 человек.

По данным СМИ, осужденные громили заграждения, захватили смотровую вышку и вывесили огромные баннеры с обвинениями тюремщиков в вымогательстве и призывами спасти их. Ранее публиковались видеоролики, сделанные за воротами колонии. Однако на сайте Life News появилась запись, видимо, с камер наружного наблюдения колонии. На ней видно, как десятки осужденных сносят забор, а некоторые из них забираются на водонапорную башню и крыши колонии.

Не менее драматичные события развернулись у стен колонии, где для поддержки бунтующих собрались около 300 родственников осужденных. Прибывшие на место событий омовцы стали разгонять людей. По утверждениям МВД, ранения при этом получили только сами стражи порядка, когда пьяные хулиганы забросали их бутылками. По-

лиция задержала 38 человек, которые, как утверждается, находились в состоянии алкогольного опьянения у колонии. Их доставили в отделы полиции Копейска и Челябинска, где составили административные протоколы.

В понедельник ГУ ФСИН России по Челябинской области объявило об окончании акции протеста и стабилизации обстановки в колонии. В тот же день Генпрокуратура опровергла информацию о том, что заключенных в Копейске били, кто-то из них сбежал и были зафиксированы факты членовредительства. Но, по данным правозащитников, накануне волнения продолжались.

Как сообщила координатор проекта Gulagu.net Оксана Труфанова, во вторник замначальника Челябинского управления ФСИН Сергей Агарков представил правозащитникам, родственникам осужденных и журналистам свидетельства того, что заключенные живы и не пострадали. Осужденных попросили подписать специальные списки – каждый оставил подпись рядом со своей фамилией. Представитель УФСИН также официально подтвердил, что у одного из заключенных колонии есть травма: он якобы сам себя порезал и находится в больнице.

Одновременно появились подозрения, что руководство делает все, чтобы осложнить общественный контроль над ситуацией – во вторник на дверях и воротах копейской колонии появились таблички «карантин по гриппу». У родственников заключенных не принимают передачи.

У стен колонии с утра дежурили около 30 человек, но потом они ушли, сообщила во вторник руководитель пресс-службы Главного управления МВД по Челябинской области Анжелика Чиркова. «Полиция продолжает держать оцепление возле колонии, но родственников заключенных под стенами учреждения уже нет», – сказала она.

Правозащитница Оксана Труфанова с сожалением заметила по поводу последних распоряжений начальства колонии, что «некоторые сотрудники тюремного ведомства продолжают "креативить"». Наблюдатели опасались, что под этим предлогом власти могут отменить обещанный сотрудниками ФСИН визит правозащитников и журналистов на территорию ИК. Однако во вторник утром на территорию колонии пустили представителей уполномоченного по правам человека в РФ Владимира Лукина, а затем и троих членов местной наблюдательной комиссии Дину Латыпову, Николая Щура и Татьяну Щур.

«Правозащитники прошли на территорию колонии сегодня в 10 часов», – сообщил пресс-секретарь областного ГУ ФСИН Иван Мишанин. По его словам, накануне их невозможно было допустить из-за того, что на территории ИК-6 находилось большое число проверяю-

щих: «Мы не могли обеспечить безопасность женщинам-правозащитницам, поэтому представителей ОНК не пустили в колонию».

Владимиру Лукину его представители сообщили, что все заключенные копейской колонии прекратили голодовку и добровольно вышли на построение. Ситуация в колонии в целом нормализовалась, заявил Уполномоченный по правам человека при Президенте РФ. В правоохранительных органах ранее отрицали, что в колонии кто-то объявлял голодовку, однако, по данным правозащитников, часть осужденных отказалась принимать пищу.

В то же время Life News в колонии рассказали, что во вторник заключенные по-прежнему отказываются соблюдать режим и подчиняться конвоирам. Утром осужденные не вышли на зарядку и отказались работать, сообщил источник. И далее: «По нашим данным, нарушителей режима более 1000 человек. Сами арестанты заявляют, что поддерживающих бунт 1400».

Челябинская область, Копейск

6 декабря 2012 года

Сотрудники правоохранительных органов, расследующие случаи вымогательства денег у заключенных после бунта в колонии № 6 Копейска Челябинской области, изъяли оружие, неучтенную технику и финансовые документы. Между тем правозащитники бьют тревогу: по их данным, **начальство ИК-6 полностью самоустранилось от управления** сидельцами.

Заключенные делают что хотят, нарушают режим, ведут себя вызывающе и жалуются, что руководство уничтожает важные улики.

В ходе обысков следователи обнаружили большое количество ножей и сабель, произведенных на территории исправительного учреждения, хотя учреждение не имеет разрешения на подобную деятельность, сообщает Следственное управление СКР по региону. Экспертиза должна установить, являются ли эти предметы холодным оружием.

Кроме того, проверяющие нашли в колонии большое количество не поставленной на баланс бытовой техники и материальных ценностей, происхождение которых предстоит выяснить. СКР продолжает проверять более 120 заявлений осужденных, жалующихся на вымогательство денег начальством.

СПЧ обнаружил «очень квалифицированную систему» вымогательства в ИК-6. Президентский совет по правам человека (СПЧ) располагает доказательствами многочисленных нарушений в ИК-6,

заявил член организации Игорь Каляпин. «Я сегодня уверенно могу сказать – нами собрано достаточно документов... В шестой колонии была организована разветвленная, очень квалифицированная система вымогательства денег с родственников осужденных».

По данным правозащитника, установлено, что отношение администрации колонии к осужденным напрямую зависело от того, могут ли родственники осужденных оказывать колонии так называемую «гуманитарную помощь». «Люди, которые жаловались, подвергались избиениям. Жалобы во все инстанции шли потоком последние три года. Общественные наблюдательные комиссии писали письма про эти безобразия, обращались в официальные инстанции, но реакции не было», – сообщил правозащитник.

На этой неделе члены СПЧ дважды побывали в ИК-6, пообщались с осужденными, а также посетили следственный изолятор № 3. Кроме того, правозащитники и эксперты встретились с губернатором Челябинской области Михаилом Юревичем и руководителями силовых структур.

По итогам поездки глава СПЧ Михаил Федотов заявил, что акция протеста заключенных в колонии была вызвана бесчеловечными условиями их содержания. По его словам, основные претензии осужденных к администрации колонии – это избиения, унижение, поборы, низкая заработная плата, нарушение правил охраны труда. Федотов подчеркнул, что члены СПЧ все проверили на месте и выяснили, что «слова осужденных – правда».

Помимо прочего, оказалось, что осужденных в штрафном изоляторе держали не по 15 суток, как положено по закону, а месяцами и даже годами. Как сообщалось, в ШИЗО осужденных «пытали музыкой» – включали на большой громкости хиты немецкой рок-группы Rammstein и песню «Голубая луна» в исполнении Бориса Моисеева. Сидельцы также рассказали, что тюремщики систематически их унижали, практиковали «грубые анальные осмотры» и пытки электротоком.

Правозащитники опасаются, что ситуация в копейской колонии может выйти из-под контроля, так как руководство устранилось от управления учреждением. Заключенные без сопровождающих свободно ходят по всей территории ИК-6, курят в помещениях, не здороваются с сотрудниками, сообщил член Общественной наблюдательной комиссии (ОНК) Челябинской области Николай Щур, который накануне побывал в колонии.

«Складывается впечатление, что руководство самоустранилось от управления колонией. В любой колонии вы не увидите праздношатающихся заключенных. Здесь же все локальные зоны открыты, заключен-

ные ходят без сопровождающих, что запрещено внутренним распорядком, за такое нарушение сразу сажают в ШИЗО. Мы тоже должны ходить с сопровождающими, но я такого в отряде не смог найти, чтобы перейти из одного помещения в другое», – рассказал правозащитник.

По его словам, тогда пришлось просить заключенного найти сотрудника колонии, и тот наконец привел кого-то из столовой. С этим сопровождающим правозащитник дошел до дежурной части и обратил внимание, что практически никто из попавшихся навстречу арестантов с ними не поздоровался, хотя по правилам обязаны это делать.

«Зашли в медсанчасть, там четыре осужденных сидят курят, что вообще запрещено. Оперативник дверь открыл, никто даже не привстал, переглянулись только между собой: "Будем вставать или нет?" Такая обстановка меня настораживает», – поведал член ОНК.

В беседе с Николаем Щуром заключенные рассказали, что администрация колонии уничтожает документы, «вещественные доказательства», вывозит оборудование. По сведениям правозащитника, пока начальник колонии Денис Механов остается на своем посту.

Челябинская область, Копейск

11 декабря 2012 года

В ИК-6 Копейска снова не дали работать членам ОНК. ГУ ФСИН оправился от испуга: нас вновь не пускали в зону. При этом тюремщики не утруждали себя придумыванием чего-то нового, а катились по привычным рельсам гуфсиновского вранья, лишний раз показав, что слово офицера внутренней службы не стоит и трех копеек в базарный день, пусть этим офицером будет сам генерал-майор Турбанов В.Н. в своем открытом обращении к СМИ 7 декабря торжественно клялся, что никаких препятствий деятельности ОНК не будет. Я ж говорю: три копейки в базарный день – цена его слову.

По порядку.

У ворот колонии нас уже поджидал начальник воспитательного отдела майор Васильев Андрей Леонидович. Без проблем через КПП. Сдали телефоны. В зоне: «Поднимемся на четвертый этаж – там вам приготовлена комната».

Никогда раньше на четвертый этаж административного здания нас не приглашали – максимум на третий – к начальнику.

Пришли, сели в кабинет психологов: ну, что дальше?

– А посидите, сейчас решим.

Все понятно: арест – как третьего декабря.

– Значит так, вот вам 10 минут на все, через 10 минут мы встаем и уходим.

Начинается перезвон, причем на этот раз Васильев для каждого звонка выходит из кабинета. Мы ждем, какую же версию на этот раз придумают.

Придумали: ждем, когда из Управления приедет Назаркин В.С. – помощник по правам человека. Мы резко против, ибо перед выездом в колонию я позвонил Назаркину и тот мне сказал, что с нами он не поедет, т.к. необходимости нас ему сопровождать нет.

Итак, мы встали и пошли.

Спустились на этаж, пошли к Механову Д.С. Зашли в кабинет. Денис Сергеевич жив-здоров, от бывшего угнетенного вида и следа нет. В кабинете какой-то полковник, еще офицер и человек в штатском. И еще одиозный зам. по БиОР Зяхор Е.П., то есть все на своих местах, как ни в чем не бывало.

Я – Механову:

– Денис Сергеевич, обеспечьте нам, пожалуйста, выход в зону.

Механов:

– А вы в зоне, кабинет вам приготовлен, будете работать там.

– Нет, Денис Сергеевич, будем работать там, где посчитаем нужным. Будьте добры соблюдать закон.

– А вам в зоне лучше не появляться. Ваше появление провоцирует заключенных, вы дезорганизуете работу учреждения.

Я – Механову:

– Что, опять Петрухину звонить?

После этого Механов велел своим офицерам проводить нас в клуб и туда приводить строго по одному заключенному, несколько раз повторил: строго по одному!

И пошли мы в зону.

Тихо в зоне. Но совсем по-другому тихо, не так, как в последний раз. Никого в режимной зоне нет – все локальные участки закрыты. В двориках «локалок» тоже ни души. В коробке в хоккей никто не играет. И ворота в жилую зону закрыты на замок, войти в нее можно только через дежурную часть.

Пришли в клуб. Отдали список сопровождающим: вот 9 фамилий – приведите, пожалуйста.

Угадайте, что было дальше с одного раза. Правильно: никто к нам не пришел. Объяснение? Осужденные не хотят с вами встречаться.

И пошли мы в отряд – посмотреть в глаза этим заключенным, с которыми мы в прошлый раз договаривались сегодня встретиться.

В отряде шла борьба: сотрудники не пускали рвущихся к нам заключенных. Оказалось, получив наш список, brave тюремщики пошли по отрядам: ОНК сегодня не приехала.

И мы начали прием. После захода в зону прошло уже час двадцать. Результат?

Главное: несколько человек заявили, что следователи полностью игнорируют сообщения осужденных об изъятии улик. Скажем, осужденный на приеме говорит следователю: вот там и там спрятаны коробки с документами и дисками – чеки, накладные и т.п., изымите. Следователь отвечает: ну хорошо, завтра-послезавтра посмотрю, приму решение... Ночью сотрудники колонии вместе со СДиПовцами приходят с тележками, вывозят документы и сжигают их в промзоне (названы фамилии сотрудников и СДиПовцев, даты: происходило это уже с 28 ноября, как минимум). И так далее.

Еще. Следователи не принимают заявления от осужденных. Мало того, тот самый замок, что не пустил нас в жилзону, висит там неспроста – все следователи в административной зоне, потому заключенные просто физически не могут попасть к следователям.

Рассказали нам, и как следователи не хотели находить участок изготовления ножей и сабель, и как осужденные настаивали на «обнаружении» этого участка следователями.

Все заключенные в один голос говорят о том, что челябинские следователи и прокуроры в сговоре с администрацией колонии и обеспечивают последней уничтожение улик. Никто в расследование «местными» не верит, все очень ждут москвичей.

Заявления, которые у них не взяли следователи и прокуроры, в закрытых конвертах передали нам. Оказалось их 621 штука. Мы их рассортируем и передадим в СК и прокуратуру – пусть попробуют не взять от нас.

Были в ШИЗО – ласкает слух тишина: никакого тебе тяжелого рока. Сидельцев тоже совсем немного: резко ушли кто в отряд, кто в СУС (отряд строгих условий содержания). Побитых, больных нет. В отряде СУС поступило много жалоб на бытовые условия. Записали, но не разбирались.

В 16.20 вышли. (Зашли в 11.48.) Пошли к Механову – передать адресованные ему заявления (спецчасть, пожаловались, не взяла). Денис Сергеевич весел, жизнерадостен и уверен в себе. Все принял, записал себе в ежедневник. Был корректен и доброжелателен. Наверное, имеет основания после работы со следователями и прокурорами из Челябинска, не знаю.

В спецчасть зашли – отдали корреспонденцию от заключенных.

Вот так сходили. Что называется – делайте выводы. Свои мы изложим в справке, которую хотим подготовить к следующей неделе.

Николай Щур,
член ОНК Челябинской области,
руководитель Уральского демократического фонда

Забайкальский край

13 декабря 2012 года

В Забайкальском крае **правозащитники добиваются расследования инцидента с избием осужденного**, в котором оказался замешан высокопоставленный чиновник ФСИН. По предварительным данным, побои заключенному беспричинно нанес заместитель начальника краевого управления ФСИН по режимно-оперативной работе полковник Владимир Сорокин.

Главной уликой против надзирателя может стать видеозапись избияния, опубликованная анонимом в Интернете.

6 декабря 2012 года в результате мониторинга материалов СМИ в блоге председателя Забайкальского правозащитного центра Виталия Черкасова обнаружена видеозапись под названием «Чита ИК-3 полковник УФСИН беспредел». Согласно данной видеозаписи, в комнату, где находятся двое мужчин в камуфляжной форме и опирающийся руками о стену камеры заключенный, заходит еще один мужчина, также одетый в одежду с камуфляжной расцветкой. Он наносит несколько ударов ногами по ногам заключенного, после чего заключенный падает на пол. По данному факту следственными органами Следственного комитета РФ по Забайкальскому краю проводится доследственная проверка.

Предварительно установлено, что события, запечатленные на видео, происходили в исправительной колонии № 3 в городе Чите. Установлены все изображенные на видео лица. В УФСИН по Забайкальскому краю затребованы документы служебной проверки по данному факту, а также характеризующие материалы. Изъяты и просматриваются записи камер видеонаблюдения, установленные в колонии. Кроме того, 10 декабря с заявлением о проведении проверки в следственные органы СК России по Забайкальскому краю обратился председатель правозащитного центра Виталий Черкасов. Заявление приобщено к материалам доследственной проверки. В настоящее время устанавливаются все обстоятельства инцидента. По результатам проверки будет принято процессуальное решение.

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма

Марокко: центры профессиональной подготовки для заключенных

Начиная с 2002 года в центрах профессиональной подготовки, которые организованы в марокканских тюрьмах за счет средств благотворительного Фонда короля Мухаммеда VI, получили различные профессии более 14 000 осужденных. Такие центры созданы для ресоциализации заключенных, оказания им помощи в получении необходимой профессии, овладев которой освобожденным легче найти работу после освобождения и, соответственно, включиться в общественную и профессиональную жизнь. Об этом рассказал Ларби Беншейх, генеральный директор управления профессиональной подготовки и повышения квалификации.

Во время торжественного открытия королем Мухаммедом VI очередного центра профессиональной подготовки в тюрьме города Курибга г-н Беншейх уточнил, что в настоящее время более 6000 заключенных приобретают профессии благодаря созданным структурам.

В центрах осуществляется обучение 33 востребованным на рынке труда профессиям, овладев которыми бывшие заключенные более успешно смогут интегрироваться в социопрофессиональную жизнь на свободе. Обучение профессиям, как, впрочем, и сам перечень профессий, по словам г-на Беншейха, ничем не отличается от того, что существует на свободе. Ничем не отличаются и выдаваемые дипломы.

Центр профессиональной подготовки в тюрьме Курибга является 44-м по счету подобным учреждением, открытым на средства Фонда Мухаммеда VI. Ресоциализация и реинтеграция заключенных являются одними из приоритетных направлений в деятельности Фонда.

По словам координатора Фонда Аззедина Бельмахи, до конца 2012 года такие центры будут созданы во всех пенитенциарных учреждении-

яж Марокко. Это осуществляется в рамках программы, реализуемой Фондом и направленной на дальнейшую гуманизацию условий отбывания наказания и подготовки заключенных к освобождению.

Акции, проводимые Фондом, имеют конечной целью дать возможность осужденным изменить свое поведение, овладеть необходимыми знаниями, умениями и навыками или приобрести необходимую профессию, дать возможность быть востребованными на рынке труда.

Фонд не ограничивается лишь центрами профессиональной подготовки. Он организует также различные культурные и спортивные мероприятия, поставляет медицинское оборудование и лекарства, оказывает помощь заключенным в получении образования.

Открытие таких структур, как центры профессиональной подготовки, происходит в рамках поддерживаемой королем Мухаммедом VI политики соблюдения прав человека и уважения человеческого достоинства всех граждан, в том числе и находящихся в заключении.

Франция: как противостоять терроризму?

Что произошло в Тулузе? Как стало возможным, что юноша, алжирец по национальности, но родившийся во Франции, решился на такой поступок – убил семь человек, среди которых и дети? Что явилось причиной? Почему проморгали спецслужбы? Кто склонил молодого парня к такому поступку? На все эти вопросы еще предстоит найти ответы.

Но уже сейчас ясно, что, как пишет газета «Либерасьон», терроризм, какова бы ни была его сила или организованность, всегда вызывает трудный для демократии вопрос: как защищаться?

Как сообщают средства массовой информации, ссылаясь на источники в правоохранительных органах, дьявольская сеть европейского джихадизма, в которой вращался застреленный при штурме квартиры террорист Мухаммед Мера, начинает приобретать имена и лица. После того как стало известно о том, что отчим Мера, Сабри Иссид, сидит в тюрьме за вербовку боевиков для войны в Ираке, появились сведения, что Мера встречался с «Белым Эмиром», Оливером (Абдлаллой) Корелем. Корель, родившийся в Сирии в 1947 году, перебрался во Францию в 1983-м. Он не смог выучиться на фармацевта и также занимался вербовкой террористов для Ирака. Французская прокуратура между тем выдвинула официальные обвинения против старшего брата Мера, Абделькадера, который также был вовлечен в вербовку боевиков для иракского джихада и был одним из наиболее заметных са-лафитов на юге Франции.

Да и родной отец Мухаммеда Мера, оказывается, дважды сидел в тюрьме, в том числе и за торговлю наркотиками.

И сам «убийца на скутере», отбывший срок тюремного заключения, вызывал подозрения и находился под контролем спецслужб.

Как противостоять терроризму? Некоторые государства, столкнувшись с этой формой насилия, отступают от правовых норм: вводят чрезвычайное законодательство, ограничивают свободы, устанавливают усиленный контроль над гражданами путем составления специальных картотек или наблюдения за средствами связи.

Президент Саркози уже сам дал ответы на некоторые вопросы, предложив ужесточить антитеррористическое законодательство, чтобы молодежь не получала террористическую подготовку в Пакистане или в Афганистане, а французские тюрьмы не превращались в центры вербовки участников мусульманской священной войны джихада.

Все это хорошо. Но как сделать так, чтобы хотя бы минимизировать влияние террористических организаций на молодежь, противостоять вербовщикам, которые, как оказывается, «работают» и во французских тюрьмах? Только ли во французских? Нет, конечно, есть они и в тюрьмах США, и в тюрьмах Германии, и в тюрьмах Великобритании...

Мы предлагаем подборку статей на эту тему, опубликованных во французской прессе.

«Монд»

Эмелин Кази, Ариан Шемен «Мохаммед Мера – человек в сотне обличий»

Кто-то утверждал, что Мохаммед Мера был «коренастый», имел «шрам или татуировку на левой щеке». Что у него был «холодный» взгляд, из тех, которые «не забываются». Не надо так уж доверять всем этим свидетельствам. Мохамед Мера, по словам адвоката Кристиана Этелена, был «красивым и обаятельным юношей». У него были темнорусые волосы, на которые он часто надевал яркие кепки, тихий голос – в общем, он выглядел как «ангел». Так утверждает советник. Но и адвокатам тоже не надо так уж сильно доверять.

Человек, который менее чем за одну неделю убил-казнил очередями из пуль, выпущенными в спину, троих солдат-парашютистов 17-го полка, расположенного в Монтобане, а затем троих детей и отца семейства, которые ожидали автобус перед еврейской школой в Тулузе, не был ни ангелом, ни демоном.

Мохаммед, со смеющимися глазами и широкой улыбкой, был очаровательным парнишкой, который любил носить вещи марки «Лакост»,

любил часы и спортивные костюмы. Он был еще не совсем созревшим молодым человеком, безработным, способным часами смотреть жесткие фильмы («сцены с обезглавливанием», как говорит прокурор Парижа Франсуа Молен, возглавляющий расследование). Вроде бы его любимым киногероем был Терминатор. Одновременно он был убийцей с видеокамерой, снимавшим то, что он творит. Это был парень, который заявил, что он если о чем и сожалеет, то только о том, что убил так мало.

Мохаммед Мера родился 10 октября 1988 года в Тулузе, во времена президентства Миттерана. Его родители прибыли во Францию из Алжира. Его мать, Зулика, практически одна воспитала пятерых детей, троих мальчиков и двух девочек. Он любил играть в футбол и, наверное, мог бы стать неплохим футболистом. Он мог бы стать автослесарем, как надеялись его воспитатели в тюрьме. Наконец, он мог бы стать наркодилером, главарем банды. Но, как оказалось, он стал лишь мелким городским негодяем. По крайней мере, он был таковым до рокового месяца марта.

Как обычно случается у рядового преступника, родители, как правило, разведены, отец куда-то исчезает. Мохаммед был еще совсем юным, когда его семья покинула Бельфонтэн, район, где прошло его детство, и переехала в квартиру в районе Изар, тоже предместье, но чуть поближе к центру города. В семье он слепо подражал двум старшим братьям. Мохаммеду не было и 14 лет, когда он в первый раз убежал из дома. Как-то вечером, в январе 2005 года, он поругался с одной из воспитательниц в общежитии «Меркадьё» и ударил ее кулаком в глаз. Было ли это началом всего? Он убежал к своей «большой сестре», той, которая, как это часто случается, заменяет родителей и двери которой всегда открыты для младшего братишки.

В Бельфонтене о маленьком Мухаммеде Мера почти никто ничего не знал. В Изаре же – наоборот. Здесь он быстро стал известен своими выходками. От центра Тулузы до этого северного пригорода на метро всего лишь полчаса езды, но вечером горожане старались туда не соваться. Плохая репутация, много наркотиков. И у Мухаммеда многие приятели приторговывали ими. Да и у него самого неприятности с антикриминальной бригадой полиции множились, а вызовы к судье становились все чаще: по словам его адвокатов, в возрасте от 15 до 23 лет он в общей сложности предстал перед судьей семь раз. «В конце концов, для его возраста это не так уж и много. В общем, это беда всей молодежи из бедных кварталов», – говорит мэтр Аксель Шорье, пять раз защищавший его в суде по делам несовершеннолетних.

Камни, брошенные в муниципальный автобус в 2004 году, стоили ему всего лишь «предупреждения». Затем последовали кража мобильного, угон мотоцикла, оскорбления, езда без прав. За все это он предстал перед тулузским судом, а затем – перед судьей по применению наказаний: одним словом, классика. Наказания становились все строже, а когда ему исполнилось 18 лет, то месяцы условного заключения трансформировались в месяцы реального заключения. По выходе из тюрьмы он даже не стал искать какую-нибудь работу. В то время, как пишет газета «La Dyrkche du Midi», юридический эксперт Алэн Пенэн указывал, что Мера отличается «антисоциальным поведением» и что положительных тенденций не видно, и советовал применить во время его нахождения на свободе «психологическое сопровождение».

Мохаммед Мера увлекался автомеханикой. Ему действительно нравилось чинить автомобили – выправлять помятые крылья и т.д. Накануне своего 16-летия, 21 сентября 2006 года, ему, никогда не блиставшему в школе, удалось получить место ученика мастера по ремонту кузовов в Тулузе. Он начал жульничать с моторами. Ездил он без прав и обожал престижные автомобили и опасные гонки. Он и его дружки по кварталу снимали друг друга на видео и размещали его в Интернете. Профессия ему нравилась, хозяин мастерской, который испытывал к Мера симпатию, тоже. Именно он являлся гарантом его условного осуждения. Так продолжалось вплоть до того момента, когда он похитил дамскую сумочку в холле одного банка. Это ему стоило 18 месяцев тюремного заключения, которое он отбыл в следственном изоляторе города Сейсс (департамент Верхняя Гаронна) – с декабря 2007-го по сентябрь 2009 года. Именно это заключение и перевернуло всю его жизнь.

Хозяину авторемонтной мастерской, в которой работал Мера, по всей видимости, надоели его выходки. «Когда при встрече с Мера во время его заключения я объяснил ему, что и его хозяин, и центр профессиональной подготовки не горят желанием вновь брать его на работу, я почувствовал, что Мухаммеда сильно разозлило это решение», – вспоминает его адвокат Кристиан Этелен.

Хотя он и не показывал вида, но Мера был очень горд тем, что у него есть «взрослая» работа. Однажды, когда судья назначил ему время встречи, он самолично написал ему письмо с извинениями, что не может прийти. И хотя орфография письма хромает, но оно вполне читабельное и очень выверенное по форме: «В 10 часов утра, в четверг 21 сентября 2006 года, начинается мой первый рабочий день в новом для меня предприятии. Соответственно, Вы понимаете, что я не могу позволить себе отсутствовать. Если Вам необходимо подтверждение, что

у меня действительно есть работа, я могу Вам его доставить... Со всем к Вам уважением и примите мои самые искренние пожелания».

Так кем же на самом деле был Мохаммед Мера? Учтивый парень, с уважением относившийся к своему работодателю и к представителям власти? Или это тот же самый парень, который угрожал своей пожилой соседке, пожаловавшейся на него летом 2010 года, что он вербует молодежь в джихадисты? Мохаммед Мера спустился к ней на этаж в маске и в камуфляже с муляжем бомбы в руках. Парень умел выглядеть устрашающим. «Ты сдохнешь, хочу тебя на куски разрезать!» – орал он вместе со своим лучшим приятелем Низаром на воспитательницу, сопровождавшую группу несовершеннолетних на каток в городе Бленьяке. Два года назад он угрожал кинжалом девушке, которая пришла к нему с упреками, потому что он заставлял ее младшего брата смотреть видео «Аль-Каиды».

В то время Мохаммед Мера проживал в квартире на улице Сержанта Вине, в чистеньком тулузском квартале. Там же он и готовился к своему последнему штурму.

Мохаммед Мера совершенно не походил на тех фанатиков, которые отказываются даже руку пожать тому, кто не знает их молитв. «Три недели назад я встретил его в одном кабачке, он курил там кальян», – говорит один его друг, который ходил вместе с ним в начальную школу.

«Мохаммед отмечал Рамадан, вот и все», – добавляет другой. В отличие от своего 29-летнего брата Абделькадера, он никогда не носил камис (штаны и длинная рубаха у салафитов). Абделькадер отличался от Мухаммеда. Густая борода, традиционная одежда, жена, «закутанная с ног до головы», – так вспоминают о нем бывшие соседи по кварталу Жолимон. Он был религиозным фундаменталистом. Абделькадер, который, по-видимому, занимался отправкой джихадистов в Ирак (хотя никакого следствия по этому делу не было), вот уже несколько месяцев как обосновался в сельской местности, в Отриве, в сорока километрах к югу от Тулузы, в настоящем «доме правоверного мусульманина», заполненном полками с журналами и книгами по мусульманству.

Под его влиянием младший брат проникся идеями «Аль-Каиды»? Или все произошло в тюрьме, как это случилось с другим французом – Халедом Келькалем, также по происхождению алжирцем, помешавшимся на идеях фундаментализма? «С моей точки зрения, религиозное созревание Мухаммеда произошло именно в камере, вместе с сокамерниками. Вовсе не в Афганистане он превратился в радикала», – полагает его адвокат. Что произошло во время двух поездок Мера в Афганистан в 2010 и в 2011 годах, остается тайной.

«Что касается вопросов религии и политики, здесь он воздвиг глухую стену и никогда не касался этих вопросов. Часть себя Мера хранил в тени», – рассказывает его адвокат. Только позднее ему стало кое-что известно. Свои поездки он скрывал даже от матери. «Он ей говорил, что ездил в Алжир. В какой там Алжир? В Пакистан! – говорит один из близких к их семье знакомых. – А его мать жаловалась: “В Алжире его просто околдовали”».

Старший, Абделькадер, в 2006 и в 2007 годах несколько раз посетил Египет, чтобы, как он всем объяснял, «изучать Коран». «Как же! Изучать Коран! – иронизирует бывший знакомый. – Он ездил в Каир к братьям-мусульманам». «По возвращении из своих поездок, – рассказывает сегодня одна из их прошлых соседок, – оба парня вели себя очень сурово с Зуликой, своей матерью. Они требовали, чтобы она носила хиджаб».

Если кто-то из младших позволял себе сигарету, стакан вина или посещение кабачка, в семье возникал скандал. «Однажды, – рассказывает близкий знакомый матери, – Абделькадер и его второй младший брат даже схватились за ножи. И все из-за того, что младший курил». Как-то после обеда, в июле 2010 года, вспоминает этот знакомый, Мухаммед отправился в информационный центр отделения Иностранного легиона в Тулузе. Он принял условия, которые рекрутеры предлагают кандидатам: пробыть в подразделении Иностранного легиона одни сутки. Но уже после подъема Мера там больше не видели. Отказался от своего желания вступить в легионеры? Или его просто вежливо вывели, как это утверждает хороший знакомый семьи? По крайней мере, говорит он, Мера какое-то время после этой неудачной попытки находился в «подавленном состоянии». Во всяком случае, это была его вторая крупная жизненная неудача. Возможно, второе изгнание.

Может быть, именно потому, что Мера не удалось вступить в элитное войсковое подразделение, он и возненавидел парашютистов? Представителям полицейского спецназа RAID, с которыми он долго разговаривал во время осады квартиры, в которой Мера забаррикадировался, он признался, что заранее готовил два нападения и выслеживал новые цели – военнослужащего и двух полицейских. Журналисту с телеканала *France24*, с которым он связался в ночь с 20 на 21 марта, прямо перед началом штурма его убежища, он заявил, что «связан с “Аль-Каидой”». Он хотел также «отомстить за закон, запрещающий ношение хиджаба и за участие Франции в войне в Афганистане». А что касается еврейской школы, то он хотел «отомстить за наших маленьких палестинских братьев и сестер».

Его мать узнала о трагической смерти детей, расстрелянных «убийцей на скутере», увидев заголовок в газете «La Dépêche», которую читала ее соседка по этажу в многоквартирном доме в квартале Мирай. «Я боюсь, пойду запрусь дома», – прошептала она и закрыла дверь на два оборота ключа. Ее Мухаммед недавно был у нее с байкерским шлемом в руке. В те выходные он также виделся со своими друзьями из дискотеки «Калипсо», которые проводили «вечера без алкоголя» и посещали «занятия по джихадизму». Он также по привычке зашел в Интернет, в один из популярных городских блогов, на котором и сегодня размещены фотографии Мухаммеда – «классного парня» одного из районов Тулузы.

Радио RTL: Избежать фундаментализма в тюрьмах

После убийств в Тулузе и Монтобане глава государства отметил, что в тюрьмах получила распространение исламистская идеология, а также ее пропаганда. Именно в тюрьме Мохаммед Мера сблизился с фундаменталистами, которые и подтолкнули его к дальнейшим действиям, к поездкам в Пакистан и Афганистан. Это не новый феномен. В течение многих лет специалисты не раз предупреждали о такой опасности.

Радикальный исламистский прозелитизм в тюрьмах – это реальный феномен. Казалось, что в последние годы в связи с тем, что в тюрьмах увеличивается количество официальных мусульманских священнослужителей, он ослаб, уменьшилось его влияние. Так считали различные наблюдатели.

Кристиан Этелен, адвокат «убийцы на скутере», полагает, что «если в личности этого парня произошел кардинальный слом, то он произошел именно во время его пребывания в тюрьме».

«Именно в тюрьме начался процесс его радикализации», – вторит адвокату прокурор Парижа Франсуа Молен. Но «это вовсе не означает, что это произошло именно из-за тюрьмы». Просто именно там «он пристрастился к более усердному чтению Корана», – поясняет прокурор.

«Мы не можем допустить, чтобы наши тюрьмы становились местами, где проводится идеологическая обработка и пропаганда ненависти и терроризма», – в свою очередь заявил Николя Саркози, потребовав от Министерства юстиции «углубленного размышления» по этому поводу.

В тюрьмах содержится определенное количество лиц, у которых отсутствуют какие-либо убеждения и которые подвержены влиянию.

«Существует что-то вроде ауры вокруг тех лиц, которые были в Афганистане или в Ираке. Такие лица могут попытаться довольно легко рекрутировать в свой круг других», которые «восхищаются ими и рассматривают их как повстанцев», подчеркивает адвокат Доминик Мани.

В то же время, утверждает Луи Каприоли, бывший помощник начальника антитеррористического подразделения Дирекции по наблюдению за территорией, «таких подверженных влиянию людей очень мало».

«Большинство из этих молодых людей, выйдя из заключения, хотя бы гулять с девочками, кататься на BMW или "мерседесах", иметь деньги за счет продажи "дури"... Они опять начинают вести разгульную жизнь, искать приключений, – утверждает г-н Каприоли. – Лишь единицы из числа таких молодых людей, как Мухаммед Мера, идут другим путем до логического конца».

Фархад Косроковар, директор исследовательских программ в Высшей школе по изучению социальных дисциплин, полагает, что имеет место другой феномен – «гиперфундаментализм» (самоизоляция, сектантское видение проблем...), который «притягивает больше», чем даже джихадизм. Впрочем, он также полагает, что имеет место «радикализация крайне право-неонацистских идеологий».

В сентябре 2008 года Мишель Аллио-Мари, бывшая в то время министром внутренних дел, утверждала, что «более сотни» заключенных встали на путь исламистской радикализации (из 63 000 заключенных).

Генеральный контролер мест заключения оценивает количество заключенных-мусульман в 30–40 процентов от общего числа находящихся в пенитенциарных учреждениях. Эти данные, поскольку статистики о вероисповедании заключенных нет, он основывает на количестве приготавливаемых вегетарианских обедов или обедов без свинины.

Но он уточняет, что нет критериев, позволяющих «измерить внедрение исламистских положений в места заключения». Он полагает, что «таких критериев не существует и никто не может претендовать на то, что они ему известны».

Мулла Эль Хасана Эль Алауи Талиби, главный мусульманский священнослужитель в тюрьмах Франции, придерживается такого же мнения. «Там, где есть священник, нет самопровозглашенных имамов, потому что там эталоном является священник, – подчеркивает он. – Именно там, где нет священника, есть и риск».

Абдельхальк Эддук, мусульманский священник в следственном изоляторе Флери-Мерожи, подчеркивает, что религиозная культура заключенных, старающихся распространять радикальные идеи, «очень ограничена». «Священники легко могут противостоять их проповедям и взглядам», – утверждает он. К сожалению, считает г-н Эддук, их крайне недостаточно.

*Составил и перевел с французского
Юрий Александров*

По материалам зарубежных СМИ

Легендарные тюрьмы

Тюрьма Шпандау – нацистское гнездо

После войны семь высших должностных лиц рейха, оставшихся в живых, были заключены в берлинскую тюрьму. Больше всех в ней провел времени Рудольф Гесс. Там же в 1987 году он покончил жизнь самоубийством.

Рудольф Гесс стал личным секретарем Гитлера задолго до его прихода к власти. В 1923 году эти двое, а также Гиммлер и Геринг, потерпели неудачу во время Мюнхенского путча. После этого Гитлер и Гесс сидели в тюрьме в одной камере. В качестве секретаря Гесс принимал участие в редактировании гитлеровской книги «Майн кампф», которая до сегодняшнего дня является программным документом нацизма. Гесс также был соавтором законов о превосходстве немецкой крови (сейчас это называется антисемитизмом). Гитлер, бывший крестным отцом сына Гесса, называл его своим преемником.

Началась война. Вдруг произошло нечто необычное. Одним весенним утром 1941 года Рудольф Гесс на борту самолета улетает в Великобританию. Над Шотландией его самолет был обстрелян, подбит и потерпел катастрофу. Именно тогда Гесса и посадили в тюрьму, из которой он так и не вышел до самой своей смерти. Сначала тюрьмой ему служила одна из старинных лондонских башен, а после Нюрнбергского процесса – Шпандау. Там он был не одинок. Шесть других нацистских бонз, избежавших повешения, составили ему компанию. Среди наиболее известных – архитектор Альберт Шпеер, который, как сообщалось, все свое время проводил, рисуя планы тюремного сада. Надо сказать, что тюрьма утопала в зелени, находясь посреди парка, окруженного стенами.

Ничего примечательного в жизни преступников в тюрьме не происходило за исключением того, что большинство сокамерников Гесса

были освобождены еще до 1957 года, а двое последних – в 1966 году. Гесс остался один под круглосуточным надзором, осуществлявшимся солдатами коалиционных сил, которые сменяли друг друга вплоть до самой смерти нацистского преступника в 1987 году. Гесса обнаружили повешенным на электрическом проводе. Было ему 93 года. Не нужно быть Пьером Бельмаром¹, чтобы понять, какие возможности для писателей открываются при изучении жизни Гесса. Что он собирался делать в Великобритании? Почему он не был освобожден вместе с остальными, если он сидел лишь по обвинению в разработке «Окончательного решения»², а после 1941 года никаких решений не принимал? Зачем тратить столько денег, чтобы в течение двадцати с лишним лет содержать в тюрьме одного-единственного узника? Кстати, после его смерти тюрьма Шпандау была тут же разрушена. На этом месте осталось лишь несколько городских застроек, а непосредственно на месте тюрьмы находится супермаркет. Правда, в Интернете легко можно найти фотографии того времени, которые в свое время рассылали охранявшие тюрьму солдаты. Можно найти и кучу нацистских фильмов, прославляющих Гесса, и романтических песен в его «славу».

Что касается полета в Англию, то сам Гесс заявлял, что вылетел он туда по приказу Гитлера, чтобы найти способы заключения мира, используя аристократов, враждебно настроенных к Черчиллю. Эта гипотеза была опровергнута самим рейхом в нескольких коммюнике, выпущенных Геббельсом, в которых он с сожалением заявлял, что Гесс сошел с ума. Хотя многие историки склонны верить тому, что этот полет никак не мог быть осуществлен без ведома Гитлера, учитывая, какие тесные узы связывали его с Гессом. Тем более что эта попытка альянса с Великобританией по времени явно предшествовала осуществлению плана «Барбаросса» – нападению на СССР, и, осуществившись она, заключение мира с Западом полностью бы развязывало Германии руки на Востоке. В мемуарах Э. К. Бирда, который с 1964 по 1972 год был директором Шпандау от США, рассказывается, что Гесс очень уклончиво говорил о своем полете в Великобританию. По словам Гесса, фюрер ему неоднократно заявлял о том, что любое усилие, направленное на то, чтобы сберечь человеческие жизни, оправданно, и из этого он самостоятельно сделал вывод о том, что такая поездка необходима. Гесс также категорически не хотел верить, что его подставили англий-

¹ Пьер Бельмар – известный французский писатель, продюсер, теле- и радиоведущий, автор многочисленных расследований.

² «Окончательное решение» – нацистский план геноцида евреев и цыган.

ские секретные службы и он попался на вброшенную ими дезинформацию о том, что Англия готова к сепаратному миру.

Прежде чем стать нацистом, Гесс увлекался астрономией. Сын торговца, родившегося в Египте, Гесс учился в Невшателе (Швейцария) и бегло говорил по-французски. Его камера в Шпандау была украшена большими фотографиями Луны. После того как он примкнул к нацистам, его характер изменился: он стал молчаливым. В Шпандау он вплоть до Рождества 1969 года даже отказывался встречаться со своей женой и сыном, но постоянно ухудшавшееся состояние здоровья сделало его более уступчивым. Его жизнь в Шпандау полностью задокументирована Бирдом. Заключенным тюрьмы запрещалось вступать друг с другом в разговоры (впрочем, они ненавидели друг друга), они также не имели права вести дневники, поскольку власти опасались того, чтобы эти дневники впоследствии не стали объектами нацистского культа. Бирд нарушил эти инструкции, поощряя Гесса, с которым он сдружился, к записям. По этой причине Бирд и был уволен со своей должности. Кроме того, поскольку тюрьма Шпандау управлялась четырьмя державами-союзниками, между ними постоянно происходили конфликты. Так, представители СССР обвиняли американцев в излишнем либерализме, проявляемом по отношению к заключенным, а США, в свою очередь, обвиняло советское командование в том, что оно недокармливает Гесса и других нацистских преступников. Заключенным было запрещено спать в период с 6 утра до 10 вечера. Ночью их постоянно будили, направляя на них лучи от карманных фонарей. Что касается Гесса, он сводил с ума и охранников и заключенных. Он кричал по ночам и во время прогулок в саду. Он отказывался подниматься, отказывался мыться. Он постоянно оказывал пассивное сопротивление, притворялся, что страдает амнезией. Охранники пытались привести его в чувство. Например, когда он не хотел вставать, из-под него резко выдергивали матрас, в результате «заключенный № 7» (так его официально называли) оказывался на полу. Бирд же в своих мемуарах описывает его с некоторой симпатией, хотя и приводит рассказы своих коллег о том, например, что Гесс был еще тем манипулятором и мог, например, в одиночку съесть в саду всю клубнику, ничего не оставив другим заключенным.

Среди параноидальных легенд, связанных с этим персонажем, существует и легенда о том, что якобы вместо Гесса в Шпандау сидел его двойник. А его сын долго обвинял Советы в том, что именно они довели его отца до самоубийства и именно они постоянно отказывали в его освобождении.

Впрочем, все архивы, касающиеся тюрьмы Шпандау, должны быть рассекречены в 2017 году, и тогда, возможно, мы узнаем то, чего не знаем до сих пор.

Абу-Салим – символ диктатуры

После того как темницы Каддафи были захвачены восставшими, в знаменитую тюрьму Абу-Салим не иссякает поток посетителей – бывших заключенных и молодых бойцов движения сопротивления.

Хамид был приговорен к смерти и ожидал дня казни. В чем состояло его преступление? В апреле 2011 года он отказался стрелять в своих ливийских братьев. Освобожденный восставшими в самом начале сражения за Триполи, как и 6000 других политических заключенных, этот бывший офицер армии Муамара Каддафи сегодня в первый раз пришел в тюрьму Абу-Салим, заведение с жуткой репутацией. Сейчас рассматривается вопрос о том, чтобы эта тюрьма стала музеем.

– В камере нас было десять человек, три врача, один адвокат и жители города Мисрата. Все они считались противниками режима, – рассказывает этот 47-летний мужчина, на которого четырехмесячное заключение явно наложило отпечаток. Хамид ходит медленно, его тело до сих пор болит после постоянных избиений, которым он ежедневно подвергался в этой тюрьме. Следы пыток отчетливо видны на его запястьях, и нужно еще немало времени, чтобы полностью вылечить спину.

– Я спал вот в этой камере, мы тут чуть ли не друг на друге вынуждены были лежать. И здесь я каждый день ожидал, что вот-вот за мной придут, чтобы казнить, – объясняет он, показывая на сваленные в кучу грязные матрасы, от которых исходит сильный запах мочи.

– Знаете, из этой тюрьмы редко кто выходил живым. Я никогда не забуду скрежет замков, когда восставшие ворвались сюда, чтобы нас освободить. Все бросились наружу, срывая с себя на ходу тюремную робу.

На полу тюремных коридоров до сих везде валяются разноцветные лохмотья.

– У приговоренных к смертной казни была красная униформа, темно-синяя – у приговоренных к пожизненному заключению и голубая – у тех, кто был приговорен к лишению свободы на срок от одного года до десяти лет, – уточняет бывший армейский офицер.

В этих стенах тысячи и тысячи ливийцев были подвергнуты пыткам, жестокому обращению, разнообразным унижениям. Тюрьма Абу-Салим олицетворяет собой одну из самых мрачных страниц истории репрессий, проводимых Каддафи. В июне 2006 года примерно 1200 политических заключенных и исламистских активистов были массово

уничтожены в течение нескольких часов. После того как начались беспорядки, мужчин здесь убивали просто так – для острастки, объясняет Хамид, заинтригованный стуком каблуков, раздавшихся у входа.

По коридору идет группа повстанцев, прибывших сюда из Бенгази. Для этих молодых бойцов сопротивления, вооруженных до зубов и одетых в разношерстную, но явно новую униформу, посещение этой тюрьмы, символизирующей 42 года террора против ливийского народа, является обязательным. Периодически они кричат «Аллах Акбар!», что заметно пугает многих посетителей, которые осматривают камеру за камерой.

Но они же в абсолютно полном молчании слушают своих старших товарищей, которые рассказывают им о событиях прошлого.

– Посмотрите на эту стену, видите, она вся испещрена выбоинами от пуль, которые позже пытались замазать известкой, – говорит 42-летний Али, чудом спасшийся во время массового убийства в 1996 году. Он рассказывает своим юным братьям по оружию, как охранники стреляли по заключенным прямо через решетки.

Он продолжает эту своеобразную экскурсию в соседнем здании. Здесь находились одиночки. Полтора на два метра, подобие умывальника и дыра в полу вместо туалета.

– Здесь я провел полтора года, из которых четыре месяца вообще без дневного света, в полной темноте, – рассказывает Али своим молодым товарищам.

Видно, как гнев охватывает молодых бойцов, которые в шоке от того бесчеловечного обращения, которое Каддафи готовил для всех несогласных.

...Посмотрев на все это, отдав долг погибшим, молодые революционеры вернутся к своим пикапам и продолжат поход к Баб аль-Азизия, бывшей штаб-квартире полковника.

Гуантанамо – двери в ад

Со своим английским пабом, площадками для гольфа, небольшими подсвеченными садиками, окружающими строгие коттеджи, Гуантанамо этим октябрьским утром напоминает англо-нормандский остров Джерси³. Мы прибыли сюда накануне, снабженные пропусками, бейджами, надетыми на шею, в сопровождении трех бдительных офицеров

³ Джерси – остров в проливе Ла-Манш, в составе Нормандских островов. Самый крупный по площади (116 км²) среди Нормандских островов. Находится под юрисдикцией Великобритании, но не является ее частью.

пресс-службы, одетых в бежевую полевую форму. Они нас не оставляют ни на секунду с тех пор, как мы ступили на землю этого американского анклава, расположенного на юго-востоке острова Куба. Условия, при которых нам разрешили съемку фильма о Гуантанаме, очень строги: мы должны уважать желание наших потенциальных собеседников и не снимать их лица во время разговоров. Нам также запретили не только опрашивать заключенных, но даже встречаться с ними.

Гуантанаме, так же как и остров Джерси, располагается на площади в 118 квадратных километров. Но принимают здесь совсем не так радушно, как на Джерси. После двух с половиной часов перелета из Майами нам пришлось тащить багаж и оборудование для съемки до самого конца взлетно-посадочной полосы. Затем мы проходим через огромное, размером с баскетбольную площадку, зарешеченное помещение. Проводники служебных собак из военной полиции вежливо проверяют нас не хуже, чем рентгеновские аппараты. Яркий свет заходящего солнца придает этой сцене сюрреалистический характер.

Интересно, а можно ли провести на Гуантанаме отпуск? Можно. Вместе с нашим эскортом мы залезаем в бывший школьный автобус, едем, а затем пересаживаемся в барку, которая по своему виду участвовала еще во вьетнамской войне. Моя соседка, дама среднего возраста, объясняет мне, что она регулярно уезжает из своего дома в Мичигане, чтобы приехать сюда со своим мужем-пенсионером отдохнуть, потому что здесь она чувствует себя в большей безопасности, чем в США.

Гуантанаме – самая старая по возрасту военная американская база, находящаяся за пределами США. И единственная, находящаяся на территории страны, не имеющей с США дипломатических отношений. По первоначальному соглашению Соединенные Штаты должны были платить правительству Кубы арендную плату в размере 4000 долларов в год. Но с тех пор, как в 1959 году к власти пришел Фидель Кастро, этот знаменитый чек больше не выписывается, и Куба безуспешно пытается получить назад свою территорию. Военно-морская база Гуантанаме-Бэй, без сомнения, осталась бы на задворках исторической и географической памяти, если бы администрации президента Буша не пришла в голову странная мысль построить здесь ставший впоследствии печально известным лагерь для интернированных, состоящий из нескольких подразделений.

Самое известное из этих подразделений – лагерь, который назывался X-Ray.

Именно здесь содержались в заключении в течение четырех месяцев подозреваемые в джихаде, арестованные на территории Афгани-

стана. Но датой основания лагеря для интернированных считается 28 декабря 2001 года. Именно в этот день Джордж Буш подписал декрет о бессрочном содержании и без предъявления обвинения всех «незаконных участников боевых действий», арестованных вне территории США. Годом позже в Гуантанамо насчитывалось уже шесть сотен заключенных.

Открытый в начале января 2002 года лагерь X-Ray спустя четыре месяца был закрыт. Но за эти четыре месяца здесь произошли жуткие события. Ставшее известным возмутительное обращение с заключенными нанесло катастрофический ущерб имиджу Соединенных Штатов. Америка, все еще находящаяся в шоке от трагедии 11 сентября, умудряется восстановить против себя значительную часть международного сообщества. То ли по чрезмерной наивности, то ли по чрезмерному цинизму, но именно военнослужащие американской армии распространяют первые фотографии заключенных в оранжевой униформе, пойманных и закрытых в клетки, находящиеся под открытым небом, как каких-нибудь кроликов в крольчатнике. На заключенных надевают специальные непрозрачные очки и звукопоглощающие шлемы с тем, чтобы перекрыть им любой доступ к окружающему их миру. Их кормят только жидкой кашей, а спят они на полу, на тощих циновках. Гуантанамо становится «современным ГУЛАГом», куда определяют даже несовершеннолетних.

Без сомнения, чтобы хоть как-то подправить сложившийся негативный образ, сегодня сюда приглашают прессу со всего мира. Сопровождающие нас офицеры пресс-службы по существу дела говорят осторожно и немного. Они также строго следят за тем, чтобы мы снимали только то, что заранее оговорено. «Вы не можете ходить по запретке», «запрещено интервьюировать гражданских лиц». Их трое, этих немногословных офицеров, и они откликаются на кодовые имена: МС1, МС2, МС3. МС – это Military Communication, то есть военная система связи. С безропотной полуулыбкой они соглашаются отвести нас к лагерю X-Ray. Снимать его мы можем только с дороги. В принципе такие съемки можно сделать хоть в Таиланде. Лагеря почти не видно из-за огромного количества лиан и других диких растений. В двух шагах от вышек и от километров колючей проволоки, через которую когда-то пропущен ток, видны приземистые здания.

Немного позже вместо лагеря X-Ray был построен лагерь Delta. На сегодня здесь еще содержится 171 заключенный. Среди них 93 йеменца и человек 20 из Афганистана. Наше посещение здесь начинается с

тюремного госпиталя. Главный врач соглашается поговорить с нами, но при условии, что мы не будем его снимать и сообщать, как его зовут. Он опасается, что в противном случае его семья в США окажется под угрозой. В Гуантанамо часто происходят суициды, а еще чаще – голодовки. С 2002 года здесь произошли сотни голодовок. И, с точки зрения администрации лагеря, не допустить голодовку – это тоже часть войны против терроризма. Полковник показывает мне зонд, который медицинский персонал через нос вводит заключенному, хочет он того или нет. «Мы делаем это самым щадящим образом, – уверяет он. – Используются обычные стандартные смеси, которые применяются в американских больницах при истощении». Зонд вводится через нос и пропихивается в желудок. «С этим вы можете прожить несколько месяцев», – объясняет обнадеживающим тоном военный врач. По его мнению, если одни голодующие делают это из каких-то политических принципов, то другие – просто, чтобы как-то «разнообразить свое лагерное существование». Здесь трудно узнать что-то еще более подробно. Даже те отчеты, которые каждые три месяца пишутся инспекторами из Красного Креста, засекречены.

В лагере Delta нумерация тюрем зависит от условий содержания. Нас сразу же предупредили, что мы не сможем посетить лагерь VII, который пришел на смену лагерю X-Ray. Именно в лагере VII содержатся в заключении 15 человек, рассматриваемые как «наиболее опасные» и «особо важные». Среди них Халид Шейх Мохаммед, считающийся одним из разработчиков террористического акта, совершенного 11 сентября. Рассмотрение его дела в суде должно будет состояться в США в 2012 году. В лагерь VII, расположенный в засекреченном месте, доступ имеют только агенты Центрального разведывательного управления и представители Международного Красного Креста. В принципе его легко можно было бы найти, побродив по территории Гуантанамо. Но, конечно, ускользнуть от наших сопровождающих, практически наступающих нам на пятки, невозможно.

Мы направляемся к лагерю V, в котором также осуществляется высокий уровень безопасности. Мы проходим в небольшую бетонную крепость, в которую едва проникает дневной свет. Затем идем через многочисленные коридоры и бронированные двери, прежде чем прибываем к месту, которое нам представляют как «гвоздь программы»: здесь, через зеркальное стекло, мы можем видеть заключенных. Мы их видим, они нас нет. Среди нас возникает некоторое смущение, которое, впрочем, полностью игнорируется нашими собеседниками начиная с директора лагеря V. Эти заключенные не квалифицируются

как «непокорные», такие содержатся в лагере VII. Здешние заключенные – «сломленные», то есть «покорные». Тем не менее у них у всех на ногах цепи. Вооруженный охранник, располагающийся позади решетки, которая отделяет его пост от блока с камерами на двух этажах, осуществляет наблюдение. Директор лагеря V, кстати, тоже желающий сохранить анонимность, с некоторой мягкостью в голосе подробно рассказывает нам, на что имеют право заключенные: «изучать арабский и английский языки, информатику... много играют с игровыми приставками. Но игры разрешены не все: жестокие – ни-ни...» Раз в неделю заключенные этого лагеря имеют право поговорить по телефону или по «Скайпу» со своими родными.

Далее по программе у нас осмотр стандартной камеры. Всё, в том числе в туалетном блоке, намертво прикручено к полу с тем, чтобы никакой предмет не мог быть использован в качестве метательного снаряда. Впрочем, некоторые из заключенных швыряют в охранников своими «продуктами жизнедеятельности». Такие случаи исчисляются сотнями, особенно в первые годы заключения в лагере. Моча, фекальные массы, сперма или рвотные массы – все хорошо, что помогает выразить свой гнев. Чтобы нейтрализовать эту «партизанскую войну», администрация оборудовала «сплэш-боксы». Офицер слегка гордится, показывая нам это изобретение: благодаря вращающемуся ящику можно передать еду и питье заключенному, не опасаясь возможного контакта.

Все также под бдительным присмотром мы выходим из лагеря Delta. Позади рядов колючей проволоки, которая опоясывает территорию этого концентрационного лагеря, возвышаются холмы, покрытые пышной зеленью, а за ними скалы, на которые, наверное, мечтают взобраться узники, обретая свободу. А также море, которое можно видеть ежеминутно, но которое тоже нельзя снимать, поскольку, как уверяет нас офицер, «кадры могут дать повстанцам ориентиры». «Вы опасаетесь атаки с чьей-то стороны?» Он размышляет, нет ли в этом вопросе какой-нибудь ловушки. Потом невозмутимо отвечает: «Нет, совсем нет. Чего я больше всего здесь боюсь, так это цунами или землетрясения, как на Гаити».

В Гуантанамо самый худший враг, не считая капризов природы, это журналисты с их «извращенным взглядом на вещи». Если до этого времени наши охранники относились к нам хоть и с подозрением, но вполне доброжелательно, то после беседы с командующим этим лагерем полковником Дэнисом Томасом атмосфера изменилась. Он является военным полицейским уже 22 года. В 2006 и 2008 годах в Ираке и Афганистане он был инспектором центров заключения. Я ему напоми-

наю о скандале с тюрьмой Абу-Грейб и спрашиваю, как удалось избежать подобного в Гуантанамо. «Мое поколение больше всего хотело бы, чтобы Абу-Грейб никогда не повторился... мы извлекли из этого уроки... мы защищаем достоинство личности и требуем от охранников уважения к заключенным».

Полковник убеждает нас, что против тех, кто допускает злоупотребления, применяются дисциплинарные санкции. Среди бывших узников Гуантанамо было несколько французов, которые по возвращении на родину подали жалобы, обвиняя американские власти в «пытках и незаконном лишении свободы». Эти дела все еще рассматриваются в парижском суде.

Интервью продолжается. «Я видел заключенных в ножных кандалах. Зачем?» Полковник, каменея лицом, отвечает: «В блоках, где они проживают, заключенные пользуются полной свободой. Но, когда их выводят за пределы блока – в больницу, в учебный класс или на встречу с адвокатом, – мы должны поддерживать должный уровень безопасности». Это заявление полковника совершенно не соответствует тому, что мы только что могли видеть при посещении лагеря V: ножные кандалы надеты на заключенных и внутри блока, а во время учебы, за столом, их приковывают к полу.

С самого начала, уже около одиннадцати лет, Гуантанамо остается зоной бесправия. ООН неоднократно требовала закрыть этот лагерь. Да и Барак Обама обещал это сделать. Вряд ли ему удастся выполнить это обещание до окончания срока своего мандата, поскольку республиканское большинство в конгрессе отнюдь не намерено помогать ему в решении этого вопроса. Большинство из 171 заключенного были доставлены в Гуантанамо до 2003 года. На сегодня подавляющее большинство из них до сих пор не осуждено. Днем и ночью более 3000 человек занимаются их охраной. И это делает Гуантанамо самой дорогой тюрьмой в мире. Покидая это место, основанное Джорджем Бушем после теракта 11 сентября, невозможно не вспомнить, что говорил по этому поводу Барак Обама чуть более года назад: «Возможно, Гуантанамо есть лучший аргумент, используемый джихадистами для вербовки новых членов».

Тюрьма города Нумеа – воплощенный кошмар

Эта тюрьма стала знаменитой после публикации во влиятельной газете *Le Figaro*. Оказывается, в одной из самых цивилизованных стран возможны такие нецивилизованные условия в заключении. Впрочем, нечеловеческие условия содержания в тюрьме города Нумеа, столицы

Новой Каледонии⁴, и ранее неоднократно становились объектом критики. Теперь на нее обратил внимание и Жан-Мари Деларю – Генеральный контролер мест лишения свободы.

«Такое ощущение, что государство не заглядывает дальше двери этой тюрьмы» – так жестко охарактеризовала условия содержания в тюрьме Нумеа сенатор Алима Бумедьен после своего визита сюда в январе 2010 года. Это пенитенциарное учреждение, которое еще называют «Восточный лагерь», было построено на месте бывшей каторжной тюрьмы, существовавшей здесь в XIX веке. И два года спустя после визита сенатора эта тюрьма продолжает находиться все в том же жалком состоянии, характеризующимся перенаселенностью, ветхостью, нездоровыми условиями, отсутствием свежего воздуха и т.д.

После неожиданного посещения этой тюрьмы четырьмя сотрудниками службы Генерального контролера в октябре 2011 года Жан-Мари Деларю решил использовать чрезвычайные процедуры, чтобы привлечь внимание министра юстиции к ситуации, когда, по мнению Генерального контролера, «серьезно нарушаются фундаментальные права» заключенных. Поскольку министр юстиции не ответил на обращение Генерального контролера, Жан-Мари Деларю воспользовался своим правом и обнародовал в газете *Journal Officiel*⁵ результаты наблюдений сотрудников, посетивших Нумеа.

Они удручающие. «На момент посещения здесь содержалось 438 человек, тогда как наполняемость составляет лишь 218 мест», – указывает Жан-Мари Деларю. Переполненность превышает 200%, а в отделении, где содержатся следственно-арестованные – 300%. В отделении, функционирующем в режиме следственного изолятора, «в каждой камере размером 12 квадратных метров находится трехъярусная койка с одной стороны и двухъярусная койка – с другой. А между двумя койками прямо на полу зачастую лежит грязный и сырой матрас, по которому ползают тараканы и бегают крысы». Таким образом, в камерах находятся одновременно по шесть человек, тогда как, согласно критериям, установленным правилами внутреннего распорядка, их должно быть не более двух.

Заключенные стараются бороться с крысами и с этой целью затыкают вентиляционные отверстия, в результате чего в камерах царит вонь. Канализационные стоки работают плохо и «часто отравляют атмосферу». Вентиляторы, если они и есть, не работают. «Для борьбы с

⁴ Новая Каледония – заморское владение Франции, расположенное в Тихом океане.

⁵ Официальный орган французского правительства.

жарой камеры периодически обливаются водой», – рассказывает Генеральный контролер. Жуткую картину дополняет тот факт, что вода, поступающая в так называемые «турецкие туалеты»⁶, течет по тем же трубам, что и вода, используемая для душа. И при этом отсутствуют «малейшие меры безопасности в отношении электропроводки, которая очень часто повреждается».

Условия содержания в отделении для уже осужденных не лучше. Они размещаются либо в боксах размером 8 квадратных метров по 2 человека, либо в камерах размером 24 квадратных метра по 7 или 8 человек. Решетки вентиляционных отверстий вырваны и служат в качестве подвешенных к потолку корзин с целью сохранения продуктов питания от крыс. Отсутствие специальных шкафчиков способствует тому, что в камерах царит постоянный беспорядок. Что касается открытого отделения⁷, отделения полусвободного режима отбывания наказания⁸ и камер штрафного изолятора, то и там санитарно-гигиенические условия находятся в плачевном состоянии: «турецкие туалеты» отделены от жилого пространства простым куском грязной, прохудившейся ткани – да и та повешена самими осужденными.

По сложившейся практике заключенные проводят в камерах по 22–23 часа и не имеют доступа к телефону. Свидания с родственниками организованы плохо, а доступ к медицинской помощи «очень затруднен». Персонал, сильно переживающий за тот образ, который не по их вине сложился у тюрьмы, «измотан и встревожен». Во время визита сотрудников ведомства Генерального контролера в одной из камер произошло убийство. Местные средства массовой информации регулярно публикуют материалы, рассказывающие о высоком уровне насилия и суицидов. Все эти происшествия, а равно и невыносимые условия содержания, по мнению Жан-Мари Деларю, в первую очередь являются результатом перенаселенности Нумеа.

Какой бы катастрофической ни выглядела картина, нарисованная Жан-Мари Деларю, неожиданной она не является. В течение вот уже нескольких лет «Международный наблюдательный комитет за тюрьмами» (МНКТ) констатирует, что «Восточный лагерь» является «отражением всего самого худшего, что только могут представлять из себя условия содержания в заключении». Франсуа Бэс, координатор МНКТ, отвечающий за заморские территории Франции, молчание крупных

⁶ Так на Западе называются чаши Генуи.

⁷ Аналог российского участка колонии-поселения.

⁸ Аналог отрядов для осужденных, имеющих право передвижения без конвоя.

средств массовой информации об этой тюрьме объясняет удаленностью Новой Каледонии. Впрочем, он отмечает, что не менее катастрофическая ситуация складывается во Французской Полинезии⁹. Там в пенитенциарном центре Faa'a Nutania переполненность вообще превышает все мыслимые рамки и составляет более 400%.

В 2009 году после настоящей волны побегов тогдашний министр юстиции Мишель Аллио-Мари пообещала провести «масштабные преобразования» в тюрьме Нумеа. «Все выделенные финансовые средства были использованы для усиления безопасности, а на улучшение жилищных условий не было выделено ни сантима», – сожалеет Франсуа Бэс. В мае 2011 года Министерство юстиции представило проект «реконструкции и расширения» тюрьмы, «по которому первый транш поступит в... 2016 году». Но власти города Нумеа предпочли бы построить новый пенитенциарный центр и поэтому отказываются выдать разрешение на реконструкцию и проведение необходимых работ по модернизации тюрьмы.

Для Жан-Мари Деларю этот «бардак» с участием государства и местных органов власти является неприемлемым. В МНКТ считают, что необходимо начать с сокращения числа заключенных. «Большинство отбывающих тюремное заключение осуждены к небольшим срокам лишения свободы. И эти сроки вполне возможно заменить альтернативными наказаниями, не связанными с изоляцией от общества. В частности, свое содействие могли бы оказать и старейшины племен», – подчеркивает Франсуа Бэс.

Тора – самая знаменитая тюрьма Египта

В пенитенциарном учреждении Тора содержатся самые высокопоставленные чиновники свергнутого режима.

Тюрьма Тора стала знаменитой, потому что 25 января произошла революция и сюда попали министры бывшего правительства, а точнее, люди бывшего президента Мубарака и его двоих сыновей – Гамаля и Алаа.

Увидеть ее снаружи – как посетителю, а не как заключенному – просто, она находится недалеко от центра города. К ней ведут две дороги: одна через автостраду, вторая через набережную Нила в Маади. Тора, расположенная в южной части Каира, относится к пригороду Хеллан. А вообще Тора – это целый пенитенциарный комплекс, состоя-

⁹ Заморская территория Франции, расположенная в центре южной части Тихого океана.

ций из семи тюрем, самыми известными из которых являются Аль-Мазраа и Аль-Акраб.

На улице, носящей имя мученика Усамы Авада, где и находится Тора, располагается также Институт по подготовке полицейских, управление безопасности Хелуана и здание Министерства государственной безопасности. В пятистах метрах от этих учреждений и высится комплекс Тора.

Тюрьму охраняют два танка, бронетранспортер и множество солдат. Но что касается входа в комплекс и выхода из него, за это отвечает Министерство внутренних дел. «Мы привыкли к тому, что к нам часто поступают всякого рода знаменитости, но я никогда и представить не мог, что однажды мне придется заносить в реестр заключенных имена Гамалья и Алаа Мубараков», – говорит унтер-офицер, пожелавший, чтобы его имя не было упомянуто. Он сидит за столом, прямо на улице, перед входом в тюрьму и записывает имена и фамилии всех, кто сюда входит и отсюда выходит. Гамаль и Алаа Мубараки – не единственные знаменитости, сидящие здесь: до них сюда попали Ахмад Эзз – высокопоставленный функционер Национальной демократической партии (НДП), Хабиб Аль-Адели – министр внутренних дел, Зохейр Гарана – министр по делам туризма, Ахмад Аль-Маграби – министр жилищного строительства, другие министры и вице-министры. Список этот длинный...

По решению Генерального прокурора Абдель-Мегида Махмуда все они находятся в предварительном заключении по обвинению в насилии и убийствах в отношении манифестантов, а также по обвинению в коррупции.

Каждый день сюда попадает кто-то из очень известных личностей. Например, Эйша Абдель-Хади – министр трудовых ресурсов и эмиграции – или сын знаменитого писателя Хейкала.

Возникает много серьезных вопросов: как всем этим людям живется в Торе, как с ними тут обращаются? Как с другими – обычными – заключенными или у них есть какие-то привилегии? В Тору не пускают никого, кроме родственников здесь сидящих.

...Время идет, вокруг все спокойно. Но вот подъезжает несколько автомобилей и такси, они останавливаются перед входом в тюрьму, и из них выходят люди, несущие сумки и коробки. Выглядят эти люди очень скромно, и по ним видно, что они не имеют никакого отношения к находящимся по другую сторону ограды VIP-заключенным. Но перед воротами тюрьмы стоят четыре человека, в официальном обличье и с какими-то бумагами в руках. Кажется, что они кого-то ожидают. Четверть часа спустя подъезжает темный джип, из которого выходит

молодой человек. Он приветствует этих четырех мужчин в официальных костюмах и открывает багажник. Оттуда он достает складную белую кровать, коробки, набитые медикаментами, абажур и черные мешки. Полицейские категорически отрицают, что это сын одного из заключенных-министров, и пытаются нас убедить, что это член семьи обычного заключенного. Однако все понятно: и по автомобилю, и по всем выгруженным сумкам и пакетам ясно, что это кто-то из окружения одного из VIP-заключенных.

Чуть позже прибывают военные полицейские с новым оборудованием для обеспечения безопасности вокруг тюрьмы. Они натягивают колючую проволоку и устанавливают барьеры у входа в комплекс. Но неожиданно они отодвигают барьеры, чтобы пропустить грузовик. Очень быстро машина въезжает внутрь. «В грузовике находится магазин для заключенных. Они имеют право покупать продукты и вещи, доставленные в тюрьму», – поясняет унтер-офицер. Прибывает еще один грузовик. Вроде бы привезли лед из супермаркета «Гроппи». Этот грузовик ждет около получаса, прежде чем ему разрешают проехать на территорию тюрьмы.

Почти час дня. Время посещения заключенных заканчивается: из ворот начинают выходить родственники. Они, без сомнения, могут многое рассказать о том, что творится внутри. «Мой брат Мухаммед сидит в тюрьме за наркотики. Он говорит, что ни он сам, ни его сокамерники ни разу не видели бывших министров. Но он говорит, что тюремная администрация освободила часть камер, чтобы поместить их туда и чтобы другие заключенные их не видели», – объясняет Сауд. Он также считает, что, по его мнению, меры безопасности в тюрьме не изменились.

А вот Амина замечает изменения. Она только что повидалась со своим мужем, арестованным пять лет назад. Она буквально полыхает от гнева. «Эти грабители унижали нас, когда были на свободе, а сейчас, когда они стали заключенными, они также мешают нам жить. Какой позор! Их нужно приговорить к смерти, положить всему этому конец, чтобы у нас наступил мир... Дерьмо!» – бросает она в ярости.

Со своей стороны генерал Назих Гадаллах, заместитель министра внутренних дел, отвечающий за тюрьмы, заявил по телевидению, что все эти заключенные из числа бывших функционеров свергнутого режима не пользуются никакими привилегиями и на них полностью распространяется законодательство, предусмотренное в отношении арестованных, находящихся в предварительном заключении.

В принципе находиться в Торе не так уж и тяжело: камеры открыты с 7 часов утра до 5 вечера. Заключенные имеют право получать про-

дукты питания или обеды сверх того, что им дают в тюрьме, – от родных или из ресторанов. Они могут также покупать за деньги, переданные родственниками, все, что захотят, в тюремном магазине. Гадаллах рассказал, что они не имеют права иметь мобильники. Заключенные также не могут по собственному желанию выбирать себе сокамерников. Трудно в это поверить, особенно после того, как один из молодых полицейских, работающий внутри тюрьмы, утверждает на условиях анонимности, что ко всем этим «бывшим» до сих пор относятся как к министрам, вплоть до того, что их – полицейских и охранников – заставляют обращаться к ним «паша»¹⁰.

«Чтобы их всех сюда принять, тюрьмы были отремонтированы в рекордные сроки. Камеры оборудованы кондиционерами, телевизорами, водонагревателями, специальными матрасами, и у каждого такого заключенного есть ноутбук с подключением к Интернету», – добавляет этот полицейский. У них почти постоянный контакт с внешним миром. По словам полицейского, это очень опасно, что эти «бывшие» сосредоточены здесь все вместе, так как они вполне могут организовать заговор. Что ж, эта точка зрения вполне заслуживает внимания...

В 1928 году, когда паша Аль-Нахас, бывший тогда министром внутренних дел, основал эту тюрьму, он и представить себе не мог, что однажды она вместит в себя всю элиту страны. В свое время в тюрьме Тора содержались и другие знаменитые заключенные, как, например, великий писатель Мустафа Амин, осужденный за свои политические взгляды, братья Тарек и Абдул Аз-Зоморы – убийцы президента Анвара Садата, Эйман Нур – несчастный кандидат в президенты, Махер Аль-Генди – бывший губернатор провинции Гарбия, и, наконец, бизнесмен Хишам Талаат Мустафа, который до сих пор сидит здесь за убийство популярной ливанской певицы Сюзанны Тамим. В общем, найти здесь можно кого угодно...

Флоренс – современный Алькатрас

В весенние месяцы 2012 года ни одно из крупных средств массовой информации, будь то печатные или электронные, не могло не затронуть тему, связанную с самой охраняемой тюрьмой в мире, которая зовется Флоренс, которую иногда называют «горный Алькатрас», и находится в одноименном городе в штате Колорадо (США).

¹⁰ Титул, применяемый по отношению к высокопоставленному официальному лицу.

В последнее время произошло два события, непосредственно связанные с этим пенитенциарным учреждением категории «супермаксимальной изоляции», или попросту «супермакс»¹¹.

Сначала Европейский суд по правам человека признал законной экстрадицию Абу Хамзы и еще четырех подозреваемых в терроризме лиц в США. Мало того, ЕСПЧ счел, что они не подвергнутся плохому обращению во Флоренсе – исправительной тюрьме максимально строгого режима. Адвокаты террористов, как водится, заявили, что условия в тюрьме являются «бесчеловечными и унижающими достоинство». Но судьи постановили, что столь строгий режим допустим, учитывая угрозу, исходящую от Хамзы и его поделщиков, а также добавили, что условия в тюрьме Флоренс гораздо лучше, чем в большинстве европейских тюрем.

Второй повод поговорить об этой тюрьме дал наш соотечественник Виктор Бут, называемый на Западе не иначе как «торговец смертью» и «оружейный барон», приговоренный в США к 25 годам заключения за сговор с целью продажи оружия леворадикальной колумбийской группировке ФАРК. Действительно ли он виновен в инкриминируемых преступлениях или нет – дело юристов. Речь не о том, совершал ли Виктор Бут те преступления, за которые получил огромный срок. Речь о том, что, поскольку, кроме всего прочего, он был признан виновным в оказании помощи организации, которую США и Евросоюз квалифицируют как террористическую, Федеральное тюремное управление США поначалу собиралось отправить его именно во Флоренс, где россиянина бы держали в одиночке. Но занимавшаяся его делом судья Шира Шендлин воспротивилась, и властям пришлось изыскивать альтернативный вариант. В конце концов власти решили отправить его в федеральную тюрьму Мэрион в штате Иллинойс, которая по своим условиям практически ничем не отличается от Флоренс. Хрен, как говорится, редьки не слаще.

Вот эти-то два события и инициировали интерес публики к «горному Алькатрасу».

Как уже сказано выше, это тюрьма максимально строгого режима, и в ней содержат самых опасных преступников всей американской тюремной системы. Это единственная в США федеральная тюрьма, относящаяся к категории «супермакс» и предназначенная для главарей

¹¹ «Супермакс» (англ. Super Maximum Security prison) – система устройства тюрем, основанная на полной изоляции заключенных как от внешнего мира, так и друг от друга.

уличных банд, крестных отцов мафии, отечественных и иностранных террористов и заключенных, с которыми отчаялись справиться в других местах лишения свободы. В США есть еще несколько тюрем «супермакс», но они, в отличие от Флоренс, подчиняются не федеральным властям, а властям штатов.

Особые требования предъявляются к сотрудникам этой супертюрьмы. В охрану набирают только профессионалов высочайшего класса и после тщательного обследования врачами и психологами. Охранник имеет право отнять у заключенного все: от зубной щетки до зубочистки, если заподозрит, использование этого предмета для возможного побега или совершения какого-либо иного преступления. Естественно, что и заработная плата у сотрудников этой тюрьмы значительно выше, чем в других пенитенциарных учреждениях.

Колорадская спецтюрьма была построена и открыта в 1994 году после того, как двое тюремщиков были убиты в исправительной тюрьме Мэрион (штат Иллинойс), куда как раз и отправляется для отбывания наказания Виктор Бут, и рассчитана она на 490 заключенных. По данным ВВС, сейчас во Флоренс содержится около 360 человек, среди которых примерно 40 террористов, таких как Рамзи Юсеф, осужденный за попытку взорвать Всемирный торговый центр в 1993 году, Закариас Муссауи, который лишь случайно не попал в число угонщиков самолетов 11 сентября 2001 года, или Ричард Рид («террорист с бомбой в ботинке»), пытавшийся взорвать в самолете кроссовку с бомбой. Среди террористов называют Терри Николса, осужденного за взрыв административного здания в Оклахома-Сити в 1995 году, и Теда Качинского по прозвищу «Унабомбист», рассылавшего по почте адские машины. Во Флоренс также отбывает пожизненный срок бывший высокопоставленный сотрудник ФБР Роберт Хэнсен, осужденный за шпионаж в пользу Москвы.

Флоренс располагается на площади 150 000 кв. метров. Собственно говоря, Флоренс, относящаяся к категории «супермакс», является лишь одним из нескольких блоков огромного города-тюрьмы – Федерального исправительного комплекса города Флоренс (Florence Federal Correctional Complex). У каждого блока имеется свой общий уровень охраны. В состав комплекса как раз и входит блок максимального уровня безопасности (USP Florence ADMAX) с «бесконтактным контролем заключенных», о котором и идет речь. Вне периметра безопасности блока есть лагерь-спутник минимальной безопасности. Есть в комплексе и блоки высокого уровня безопасности и среднего уровня безопасности.

Периметр тюрьмы обнесен четырехметровыми заборами с колюче-режущей проволокой. Он оснащен лазерными лучами и датчиками давления. Кроме всех высокотехнологичных средств охраны используются и служебные собаки. Показательный факт: за все время функционирования Флоренс отсюда еще никто не сумел убежать.

Заклученные здесь содержатся только по одному человеку в камерах размером 2,13 x 3,66 м. Кровать, стол и стул отлиты из бетона и потому не двигаются. В камерах также есть душ и туалет. Унитазы запрограммированы на автоматический слив воды, чтобы заключенные не могли инициировать потоп. Исключительно по часам, предусмотренным распорядком дня, работает и душ. Пищу здесь приносят и раздают исключительно сотрудники. Заключенные хозобслуги к этому процессу не допускаются. Пища подается через «кормушку», прорезанную в стальной двери камеры. В каждой камере есть щелевое окно с видом на крышу над окном и небо. Окна разработаны так, чтобы заключенный не мог определить свое местоположение в тюремном комплексе, что еще более усложняет возможность побега. Связь через телекоммуникации с внешним миром строго-настрога запрещена.

В качестве развлечения в камере имеется черно-белый телевизор, по которому тюремные власти транслируют образовательные и религиозные передачи. Так что посмотреть что-то типа вручения премии «Оскар», фильма «Побег из Аляктраса» или финального матча чемпионата мира по футболу – несбыточная мечта. Если стало совсем уж скучно, можно почитать. Каждому заключенному бесплатно дают газету *USA Today*. Правда, некоторые статьи, которые, по мнению администрации, могут негативно повлиять на заключенных или рассказать им о том, чего им не нужно знать, вырезаются.

Во Флоренс имеется библиотека, и читать книги обитатели тюрьмы могут без ограничений. Ассортимент подбирается очень тщательно: никакого насилия, межнациональной или расовой вражды и т.д. Есть здесь и специальная юридическая библиотека, пользоваться которой имеет право любой заключенный, но не более двух часов в день.

Не забыла администрация тюрьмы и о тех, кто исповедует ислам. А таких, осужденных за терроризм, здесь достаточно. Для них в библиотеке имеются книги на арабском языке, они могут также смотреть тщательно отобранные фильмы об исламе. Мусульмане имеют право молиться в своих камерах, иметь молитвенный коврик и головной убор, а также встречаться четыре раза в неделю с имамом. Надо ли говорить, что приходящий во Флоренс имам прошел все мыслимые и немыслимые проверки.

Развлечься узники Флоренс могут и игрой в лотерею. Правда, в полном одиночестве. В качестве награды они получают шоколад или право сфотографироваться, чтобы отправить фотографию родным. Как проходит эта лотерея, представить сложно.

Ровно на один час в день заключенных, естественно, по одному, выводят на прогулку и для занятий спортом. Упражнения проходят в крошечных прогулочных двориках размером 3,6576 x 6,096 м. Здесь в их распоряжении имеются мячи и перекладина для подтягиваний. В холодное время года физические упражнения проводятся внутри тюрьмы. Опять же в полном одиночестве. Спортивный зал представляет собой помещение без окон, со сводчатым потолком. Внешне этот спортзал похож на пустой плавательный бассейн.

Общение с внешним миром сведено к минимуму. Даже с родными, в отличие от обычных тюрем как в США, так и в Европе, заключенные могут общаться лишь раз в месяц в течение 15 минут.

Во Флоренс разработана тщательная система мер поощрений и наказаний. Наказание в основном состоит в том, что нарушитель может иногда годами не видеть других людей. Как сказал один из надзирателей телеканалу *CBSNews*, эта тюрьма представляет собой «более чистую версию ада». Например, одного из заключенных лишили прогулок на 60 дней лишь за то, что он посмел кормить крошками хлеба птиц. Протестовать здесь бесполезно. Широко применяется метод «насильственного кормления», поэтому голодовки проводить попросту бессмысленно.

Ну а те, кто не нарушает режим, соответственно поощряются. Они получают такие дополнительные привилегии, как право обедать вместе за пределами камер. Им также разрешаются телефонные разговоры с родными по целых пять часов в месяц. Во Флоренс реализуется программа «понижающихся шагов», разработанная для поощрения социального поведения и перевода заключенных с суперстрогого режима на максимально строгий режим. Программа длится три года. Постепенно заключенным разрешается все больше контактов с другими арестантами. Но любые, даже малейшие, акты насилия в ходе прохождения программы возвращают участников к ее началу.

Одним словом, атмосфера в тюрьме Флоренс и подобных ей «супермаксах» еще та. Так, профессор Лора Роувер, директор Клиники по гражданским правам Университета Денвера, заявила, что некоторые заключенные страдают психическими заболеваниями и кричат по ночам. С ее слов, существуют данные о «чрезмерно карательном и не являющемся необходимым принудительном кормлении» тех, кто уча-

ствовал в голодовках, и о том, что «сенсорная изоляция» приводит к умственным и эмоциональным срывам. За все время функционирования тюрьмы зафиксировано несколько случаев суицида, а попытки покончить с собой исчисляются десятками.

Гэри Калитолайтис, бывший надзиратель тюрьмы Флоренс рассказал британской газете *The Telegraph* следующее: «Там очень негативная атмосфера. Они не видят травы или деревьев, они никогда не испытают прикосновение любимого человека, они никогда не увидят яркие цвета, они лишены сенсорного стимулирования, которое нам хорошо знакомо. Там все в темной бездне. Изоляция создает паранойю. Это заразно».

В США многие давно призывают покончить с практикой содержания заключенных в условиях, подобных тем, что имеют место во Флоренс. 11 июня 2012 года комиссия сената США объявила, что в ближайшие дни намерена организовать слушания, посвященные рискам, возникающим при одиночном содержании заключенных. Американский союз за гражданские свободы (АСГС) заявил, что эти слушания «чрезвычайно важны», так как в США в условиях одиночного заключения содержится 80 000 заключенных. «Впервые подобной практикой заинтересовались на общенациональном уровне», – заявила корреспонденту агентства Франс Пресс представитель АСГС Эми Феттиг.

Составил и перевел Юрий Александров

Пытки и казни во Франции

1. В XVI веке

Начиная с XVI века стали выдумывать новые пытки и усложнять уже имеющиеся; считалось, что в течение двух предыдущих веков наказания были «мягкими», вот их и решили ужесточить. Да и сами казни существовали нескольких видов: одни можно было назвать простыми казнями, другие были более сложными в их исполнении.

Простые казни означали, что человека просто лишали жизни: если дело касалось лиц благородного сословия, то им отрубали голову; если казнили простолюдина, то его удушали при помощи веревки, привязанной к перекладине (виселица). К повешению приговаривали за очень большое число преступлений: кража со взломом, кража из жилого помещения, убийство, детоубийство, поджог, изнасилование, похищение, групповая контрабанда, фальшивомонетничество, клевета, причинение телесных повреждений, повлекших смерть, и т. д. Всего насчитывалось 115 составов преступления, за которые назначалась смертная казнь через повешение. Приговоры выносились либо обычными судами, либо – во время войны – военными трибуналами.

Парижский суд использовал в своей практике два вида допросов: обычные и усиленные, с использованием воды или «сапог». В других судах применялись и иные виды допросов: поджигание фитилей, вставленных между пальцами, подвешивание за ноги, дыба и т. д.

Когда применялась пытка водой, обвиняемому насильно вливали большее или меньшее количество воды в зависимости от обстоятельств. Ему зачитывали решение, согласно которому он должен был подвергнуться пытке, его усаживали на что-то вроде каменного табурета, затем привязывали руки к двум железным кольцам, расположенным за его спиной; ноги привязывали к двум другим кольцам, вбитым в стену; затем с силой натягивали веревки до тех пор, пока выдерживало тело.

Допрашивающий в одной руке держал бычий рог с отпиленным концом, а другой лил в него воду и заставлял преступника проглотить сразу 4 пинты воды (1 пинта равна 568 мл) в случае простого допроса и 8 пинт в случае усиленного допроса. Во время пытки хирург следил за тем, чтобы обвиняемый не потерял сознания, и в случае резкого ухудшения его состояния останавливал пытку. В промежутках между «водными процедурами» обвиняемому задавались вопросы. Если он на них не отвечал, пытка водой продолжалась.

Пытка «сапогом» применялась реже, чем пытка водой, потому что после «сапога» человек, как правило, оставался калекой. Допрос с помощью «сапог» применялся только в отношении обвиняемых в тяжких преступлениях, осуждение которых было неизбежным. Через пытку «сапогом» следователи старались добиться полного признания в совершенном преступлении. Вот как это происходило.

Человека сажали, привязывали ему руки, ноги заставляли держать вытянутыми. Затем на каждую ногу с двух сторон накладывали две доски, связывая их под коленом и в области лодыжки. После этого связывали вместе обе ноги и начинали постепенно сжимать. Эти доски являлись внутренней частью станка, давящего на них по мере погружения в него деревянных кольев, которые палач вбивал в специальные гнезда. В результате такого «допроса» у обвиняемого ломались кости. Такой допрос также был двух видов: простой и усиленный. Если после простого допроса человек еще мог хоть как-то передвигаться с помощью костылей, то после усиленного ни одной целой кости у него не оставалось.

Некоторых особо опасных заключенных приговаривали к повешению и сожжению. Сначала их вешали, затем снимали с виселицы и помещали на костер.

Наконец, в зависимости от вида преступления, применялись следующие пытки и наказания: обычный или усиленный допрос; публичное покаяние; отсечение руки или обеих рук, а также отрезание или протыкание языка. Ну и наконец, самые ужасные казни: повешение, колесование, четвертование и сожжение. Приговоренного к четвертованию попросту раздирали на части с помощью четырех лошадей, к которым его привязывали с помощью веревок. Затем лошадей заставляли тянуть тело приговоренного в разные стороны. Эта казнь применялась редко, в основном за оскорбление величества. В частности, были четвертованы Дамьен (совершил неудачное покушение на Людовика XV) и Равальяк (убийца Генриха IV).

Лиц, приговоренных к повешению или к отсечению головы, сначала вели к входу в церковь, где они совершали публичное покаяние.

Для отсечения руки осужденного ставили на колени, затем его заставляли положить руку (или, в зависимости от приговора, обе руки) на плаху. Палач с помощью топора делал свое дело. Культю тут же совали в мешок набитый опилками, чтобы остановить кровотечение.

Отрезание языка проводилось обычным ножом. А вот протыкание языка проводилось специальным острым ножом, предназначенным для клеймения.

Приговоренные к одному и тому же виду наказания к месту казни доставлялись вместе. Первыми казнили «самых виновных». Приговор заключенным зачитывался после того, как их выводили из тюрьмы. Затем их связывали одной длинной веревкой таким образом, чтобы заключенные могли двигаться, но не могли убежать.

Приговоренного к повешению сажали на специальную повозку, спиной к лошади. Палач находился сзади осужденного. Когда повозка подъезжала к виселице, на помост сначала забирался палач, он веревкой втягивал туда приговоренного, ставил его на специальную лесенку и надевал на голову петлю. Затем в дело вступал священник, который молился вместе с приговоренным к смерти. Как только священник заканчивал молитву, палач выбивал из-под ног осужденного лесенку, и тот повисал в воздухе.

Как уже было сказано выше, отсечение головы применялось по отношению к дворянам. Для исполнения этого наказания сооружался эшафот площадью от 10 до 12 кв. футов (1 фут равен 32,4 см) и высотой 6 футов. Когда осужденный взбирался на эшафот, с него снимали верхнюю одежду, оставляя рубаху с обнаженной шеей. Затем ему связывали руки, осужденный становился на колени, ему состригали волосы. После этого осужденный клал голову на плаху, высота которой составляла примерно 8 дюймов (1 дюйм равен 27,07 мм). Священник спускался с эшафота, и палач саблей отрубал голову. Палачи, как правило, были люди опытные, поэтому, за редким исключением, достаточно было одного удара. Если же с первого раза отрубить голову не удавалось, то заканчивал «работу» палач с помощью обычного топора. Затем голова казненного доставлялась на место совершенного им преступления, где на некоторое время выставлялась на всеобщее обозрение.

За совершение особо жестоких преступлений осужденные иногда приговаривались к колесованию. Приговоренному к колесованию железным ломом или колесом ломали все крупные кости тела, затем его привязывали к большому колесу и устанавливали колесо на шест.

Осужденный оказывался лицом вверх и умирал так от шока и обезвоживания, часто довольно долго. Правда, иногда палач в качестве милости или за деньги незаметно удушал осужденного сразу же после начала казни.

Также применялась казнь через сожжение, которое назначалось за ересь, магию или колдовство. На месте казни вкапывали столб высотой 7–8 футов, вокруг которого раскладывали костер либо из поленьев, либо из соломы, либо из охапок хвороста, оставляя проход, через который проводили осужденного. Второй костер помещался внутри первого, непосредственно у столба. Высота поленьев, хвороста или соломы должна была достигать головы осужденного. Затем приговоренного к сожжению подводили к столбу, предварительно надев на него рубаху, пропитанную серой. К столбу казнимого привязывали за шею и ноги – с помощью веревки, в области груди – железной цепью. После этого заваливали проход вязанками хвороста или соломы и поджигали костер. Если палачу кто-то из родных казнимого платил деньги, то он, как и в случае с колесованием, мог незаметно удавить осужденного либо пронзить ему сердце железным штырем.

2. Последняя казнь на гильотине

Последняя *публичная* казнь на гильотине состоялась 17 июля 1939 года. Но еще целых 38 лет «Вдовушка» (так прозвали французы эту машину для убийства) добросовестно выполняла свои функции по отсечению голов. Правда, публика на подобные зрелища уже не допускалась.

Хамид Джандуби, сутенер тунисского происхождения в сентябре 1977 года был гильотинирован в марсельской тюрьме. Совершенные им преступления вызвали бурную реакцию в обществе и возобновили прерванную было дискуссию о смертной казни.

Четыре года спустя Франсуа Миттеран отменил смертную казнь.

К месту казни преступник проковылял на одной ноге. С первыми проблесками утра 10 сентября 1977 года 31-летнего Хамида Джандуби, сутенера и убийцу, втащили на эшафот. Чтобы поставить его на колени под нож гильотины, надзирателям пришлось отстегнуть протез, на котором он хромал после аварии на заводе, в результате которой ему отрезало ногу. Во дворе марсельской тюрьмы Бометт он попросил сигарету. Не докурив до конца, Джандуби попросил еще одну. Это была сигарета «Житан», его любимая марка. Он курил медленно, в полной тишине. Позже его адвокаты расскажут, что после второй сигареты он хотел сделать еще несколько затяжек, но ему в этом отказа-

ли. «Ну, нет! Хватит, мы и так были к тебе снисходительны», – буркнул важный чин из полиции, ответственный за проведение казни. Джандуби положил голову на плаху. Лезвие опустилось в 4 часа 40 минут.

Кто сегодня помнит Хамида Джандуби? Однако он занимает свое место в анналах французского правосудия как последний приговоренный к смерти, приговор в отношении которого был приведен в исполнение. Осужденный за изнасилование, пытки и умышленное убийство своей 21-летней любовницы Элизабет Буске, он стал третьим человеком, чья голова слетела с плеч во времена семилетнего президентства Валери Жискар д'Эстена. До него эта участь постигла Кристиана Рануцци (28 июля 1976 года) и Жерома Каррейна (23 июня 1977 года). Джандуби стал последним, кого президент отказался помиловать, заявив: «Пусть свершится правосудие». Правосудие оказалось на удивление скорым: 25 февраля 1977 года начался суд присяжных города Буш-дю-Рон, он рассматривал дело всего лишь два дня и вынес смертный приговор. А пять месяцев спустя Хамида Джандуби уже гильотинировали.

Хамид Джандуби прибыл в Марсель за 9 лет до своей казни, в 1968 году. В то время ему было 22 года. Впервые в жизни он выехал за пределы своей родины – Туниса. Очень быстро он получил работу – стал такелажником и с легкостью интегрировался во французское общество, которое после майских событий 1968 года¹ как-то сразу стало более современным. В 1971 году в результате несчастного случая он не только лишился ноги, но и сломался морально: его друзья рассказывали, что парень стал совершенно другим человеком – жестоким и агрессивным. С женщинами Джандуби, у которого до этого была репутация соблазнителя, стал груб. Неожиданно открыв в себе талант сутенера, он вовлек в занятия проституцией нескольких девушек, которых Джандуби буквально терроризировал. Отказ Элизабет Буске уступить требованиям любовника, который посылал ее на улицу ловить клиентов, буквально взбесил его: он орал на нее, избивал... Едва выйдя из тюрьмы, куда его посадили после поданной Буске жалобы, он начал ей угрожать.

Выйдя из тюрьмы в ночь с 3 на 4 июля 1974 года, Хамид Джандуби, угрожая пистолетом, похищает Элизабет Буске. Привезя ее к себе домой, он бросает ее на пол и сильно избивает палкой, затем ремнем. Потом он насилует ее, прижигает сигаретой грудь и половые органы:

¹ Майские события 1968 года – социальный кризис во Франции, вылившийся в демонстрации, массовые беспорядки и всеобщую забастовку. Застрельщиками выступили студенты. Привел в конечном счете к смене правительства, отставке президента Шарля де Голля и, в более широком смысле, к огромным изменениям во французском обществе.

Джандуби видел подобные расправы, которые чинили главари банд в преступной среде Марселя. Агония несчастной длится часами. Палач решает покончить с ней. Он обливает ее бензином и бросает горящую спичку. Не получается. Он тащит ее тело в свой пляжный домик, расположенный в Лансон-де-Прованс. Там в присутствии двух несовершеннолетних девочек, которые живут вместе с ним и которых он заставляет заниматься проституцией, Джандуби душит свою жертву. В глазах девочек – ужас. Через несколько дней после обнаружения трупа одна из малолетних проституток выдает его полиции.

Джандуби недолго находится в бегах: через несколько месяцев его арестовывают и заключают в марсельскую тюрьму. В надежде смягчить сердца судей он не отрицает содеянного и признает все факты; он даже готов участвовать в воспроизведении обстоятельств своего преступления. Полиция арестовывает и двух несовершеннолетних сообщниц и заключает их в женское отделение тюрьмы Бометт. Для них это становится настоящим облегчением – так они боятся мести! Впоследствии один из адвокатов расскажет: «Я думал, что встречу с абсолютно подавленными созданиями. Я думал, что прочитав дело с описанием пыток, которые перенесла жертва, они будут мучиться угрызениями совести. На самом же деле они выглядели совершенно иначе, они были раскованны, потому что тюрьма после ада, в котором они жили последнее время, казалась им настоящим раем!» В ноябре 1974 года адвокату удалось добиться их освобождения из-под стражи, а в феврале 1977 года они были полностью оправданы.

Вся Франция внимательно следит за судом над Джандуби, а некоторые газеты даже сравнивают его с Адольфом Гитлером. Поскольку ему грозит смертная казнь, активизируются различные организации, ратующие за отмену смертной казни, этого «варварского и бесполезного метода, который позорит страну». Оба адвоката подсудимого, один из которых – Эмиль Поллак – считается лучшим в Марселе, прикладывают все силы, чтобы избежать смертного приговора. Они изучают его прошлое, выискивают смягчающие вину обстоятельства, рассказывают историю о мальчике, который «был мягким, трудолюбивым, послушным и честным», но чья жизнь была сломана после несчастного случая. «Это дьявол во плоти!» – отвечает им генеральный прокурор Шови, которого совершенно не убеждают приводимые адвокатами аргументы. Впрочем, они не убеждают и психиатров: по их мнению, Хамид Джандуби «представляет собой колоссальную общественную опасность», хотя его интеллект и оценивается «выше среднего». Эта экс-

пертиза имеет решающее значение. Вердикт о высшей мере, единогласно вынесенный жюри присяжных, встречен аплодисментами.

16 марта 1981 года во время телевизионной передачи «Карты на стол» Франсуа Миттеран, кандидат в президенты от социалистов, высказывается против смертной казни, хотя все опросы общественного мнения показывают, что французы не готовы расстаться с гильотиной. Это поворотный момент в избирательной кампании, но судьба на стороне Миттерана. 10 марта 1981 года он избран президентом. А 8 июля премьер-министр Пьер Моруа объявляет об отмене смертной казни. Парламент, собранный на внеочередное заседание, 18 сентября голосует в поддержку этого решения после того, как со своей речью, мгновенно ставшей знаменитой, выступил министр юстиции Роббер Бадинтер: «Завтра благодаря вам уже не станет этих, для всех нас постыдных, убийств, проводимых рано утром, под покровом тайны, во французских тюрьмах. Завтра кровавая страница нашего правосудия будет перевернута».

19 февраля 2007 года, во время президентства Жака Ширака, отмена смертной казни была зафиксирована в Конституции. В Версале, где собрался парламент, чтобы проголосовать за это изменение основного закона, 26 парламентариев из 854 голосовали против.

*По материалам французской прессы подготовил и перевел
Юрий Александров*

Борис Скляренко

На переломе

Новая тактика КГБ в преследовании инакомыслящих в СССР (начало 70-х годов)

В начале 70-х годов прошлого века в истории противостояния демократического движения и КГБ наступил переломный момент. Пройдя длинный, более чем пятидесятилетний, период своего развития, несмотря на богатый опыт в методах нейтрализации внутренних «врагов», оставаясь все это время верным главному принципу своей деятельности – наказание должно быть неотвратимым и быстрым, КГБ, казалось, неожиданно дрогнул. В конце 1972 года с его подачи был принят и вводился в практику секретный Указ Верховного Совета СССР, в соответствии с которым граждане СССР, впервые обвиняемые в антисоветской деятельности, по сути, не подлежали судебному преследованию. Но, естественно, подлежали судебному преследованию при повторных антисоветских действиях. Диссидентам дали право на «ошибку». Казалось бы, налицо либерализация системы и ее репрессивного аппарата и идеологическим мастодонтам из ведомства контроля за сознанием надлежало раструбить весть об этом как очередном достижении в развитии социалистической демократии. И это могло быть именно так, если бы... не секретный характер принятого Указа. «Демократизации» как бы для себя, как бы для внутреннего пользования: она есть, но в печати ее нет, следовательно, нет и для всех граждан. Но что тогда представляла собой эта мера? Попробуем это выяснить. Ясно одно: сам факт его секретности указывает на то, что к подлинной либерализации эти действия не имели никакого отношения.

Согласно авторской гипотезе, данный Указ, помимо других вполне реальных смыслов и целей, знаменовал прежде всего переход КГБ к новой тактике в преследовании инакомыслящих – от социальных репрессий и неизбежного осуждения – к практике профилактических предупреждений. Подлинная цель этих профилактик была не в гуманности и тем более не уступок в признании права на свободу мысли, а

в компрометации обвиняемых перед своими товарищами фактом последующей безнаказанности и внесения тем самым раскола в среду самого диссидентского движения. Реализовать эту технологию возможно, только сохраняя и факт принятия данного Указа и его содержание в строжайшем секрете. Рассмотрим, следует ли это из содержания ряда документов КГБ в контексте особенностей того времени.

В ходе эволюции самого советского общества, в значительной степени после смерти И. Сталина, как известно, происходил постепенный отход всей системы от изначальных идеологем. В первую очередь – от порожденных идеями диктатуры пролетариата, на основе которых были созданы система насилия и ее главный исполнительный аппарат – ЧК, он же ОГПУ, он же НКВД, он же МГБ и, наконец, КГБ. В конце 50-х годов послабления были вызваны и новой идеологической мифологемой о якобы окончательной победе социализма в СССР. Согласно ей государство диктатуры пролетариата переросло в общенародное государство, следовательно, эпоха диктатуры как средства защиты интересов одного класса сменилась необходимостью защиты завоеваний социализма как общенародного интереса. Но невозможно, как известно, защищать то, чего нет. Это было, по сути, идеологическое прикрытие тех послаблений, которые стали неизбежными под натиском очевидной неэффективности, непродуктивности насильственных и репрессивных методов управления обществом и государством. Тоталитарная система стала применять по сравнению с прошлыми временами более мягкие и щадящие методы, инструменты и меры как в системе управления, так и в системе наказания. Это стало характерными признаками и чертами как «хрущевской оттепели», так и брежневской эпохи.

Несмотря на реабилитацию бывших «врагов народа», их возвращение из лагерей, эти послабления в минимальной степени коснулись «новых врагов» советской власти – антисоветчиков, диссидентов.

Апогей их активности, как известно, приходится на начало 60-х годов и связан с протестами рядовых тружеников против политики повышения цен на продукты первой необходимости и одновременное понижение расценок на продукцию, производимую промышленными рабочими. События в Новочеркасске и ряде других городов страны, прокатившаяся волна глухого, а местами и открытого протеста показали, что население не намерено молчать, а власть продемонстрировала намерение по-прежнему применять репрессивные меры, не вникая в суть причин и поводов, послуживших основой для недовольства. Но теперь уже не в массовом порядке, а в порядке точечных ударов. Зачинщиков открытых протестов, бунтов и беспорядков еще расстреливают, но единично (как в том же

Новочеркасске и в Западной Украине по делам националистов), но не всегда. Упреждающих (только по подозрению) и массовых расстрельных приговоров, тем более по разрядке, уже нет. Но неотвратимость и неизбежность осуждения по первым же признакам так называемого антисоветизма остается базовым принципом деятельности всей репрессивной системы в СССР. Тем не менее ни эти послабления, ни принцип неизбежного наказания себя не оправдали. Сопротивление не только не сократилось, но, наоборот, стало нарастать.

Новый его подъем в стране стал особенно очевидным после 1968 года под влиянием событий во Франции и Чехословакии. На рубеже 1960–1970 годов фактически наступил переломный момент в истории протестного движения в СССР, характерным признаком которого стал переход от единичных, индивидуальных и стихийно-коллективных выступлений к более сознательной деятельности, проявившейся в росте организации подпольных протестных групп и групп инакомыслящих самого различного толка и направления.

По сути, это было начало процесса массовой кристаллизации протестных организаций по всей стране. Согласно данным самого Комитета госбезопасности, представленным в ЦК КПСС в апреле 1972 года, в 1967 году в стране было выявлено 502 диссидентские группы с 2196 участниками. Но на следующий год это уже 625 групп, а число участников возросло до 2870. Соответственно, в 1969 году количество таких групп увеличилось почти на 20% – до 733, а число участников – с 2870 до 3130. По тем же сведениям, только за 5 лет, с 1968 по 1972 год, было выявлено 3096 групп и проведена соответствующая работа с 13 602 людьми¹. География возникновения таких групп, как указы-

¹ Советский Архив. Собран Владимиром Буковским. Составители: Юлия Закс и Леонид Черников. См.: <http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/buk-rus.html>. Следует оговорить что документы, собранные В. Буковским, в том числе и используемые в данной статье, не вызывают у ее автора сомнений в их достоверности. Тем не менее необходимо напомнить, что такие сомнения имеют место, в том числе среди бывших диссидентов. Они порождены печально известной историей о якобы умышленно допущенной фальсификации В. Буковским одного из документов, который в силу его урезанной подачи усиливал подозрения в том, что Синявский сотрудничал с КГБ. Автор данной статьи считает, что вина В. Буковского не только не доказана, но и абсурдна и бессмысленна по своей сути. Ознакомиться с доводами сторон можно здесь: *Козлов В.П.* Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. См. также: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/KOZLOW/klio.txt>; Об одной фальшивке Владимира Буковского. См.: <http://andrey-trezin.livejournal.com/92481.html>, а также <http://taki-net.livejournal.com/796480.html?thread=17835584> и в «Синтаксисе» № 34 http://imwerden.de/pdf/syntaxis_34.pdf.

валось Комитетом, была довольно обширная и охватывала многие города и республики СССР. Москва, Свердловск, Тула, Владимир, Омск, Казань, Тюмень, Украина, Литва, Эстония, Латвия, Белоруссия, Молдавия, Казахстан – вот далеко не полный их перечень². Это данные только о выявленных и наиболее активных оппозиционерах и оппозиционных группах. В условиях системы тотального контроля, идеологического и жестокого судебно-репрессивного подавления всякого инакомыслия, в условиях памятных и еще исторически недавних массовых расстрельных приговоров по плановым разнарядкам – надо признать, что это довольно большие цифры и высокие темпы роста.

По всей видимости, к концу 1960-х – началу 1970-х годов вся репрессивная партийно-идеологическая и судебная машина, в первую очередь Комитет госбезопасности, ощутили, с одной стороны, лавинообразность этого процесса, а с другой – свою слабость, недостаточность времени и ресурсов для полномасштабного противостояния этому сопротивлению. Но даже если допустить, что таких ресурсов было достаточно, сам факт возрастающей массовости движения не позволял решить вторую главную задачу, стоявшую перед органами КГБ: *не допустить утечки информации и предания публичности, гласности сведений о подлинных масштабах происходящего, не сделать этот процесс предметом массового внимания, сознания и осмысления*. Вполне реален и еще один мотив: облегчить себе оперативную работу по выявлению всех связей обвиняемых и контроля за тем чтобы пресекаемая деятельность не возобновилась, не развивалась в дальнейшем. Вполне можно предположить следующую логику органов: прежде осуждение обвиняемого становилось питательной почвой для возникновения новых групп, естественно учитывавших ранее допущенные промахи. Раскрывать и контролировать такие группы становилось тяжелее.

Допустимость вышеописанных предположений подтверждается документами самого Комитета. В начале 1970-х годов в Общий отдел Первого сектора в ЦК КПСС была направлена Записка Комитета госбезопасности, подписанная Ю. Андроповым и Р. Руденко, от 11 октября 1972 года за № 2594-А³. В ней были подчеркнуты достигнутые успехи

² Советский Архив... – там же.

³ О применении органами ГБ предостережения в качестве меры профилактического воздействия. Решение Политбюро ЦК № П 67/ХУШ от 16.11.1972 г. по записке КГБ и Прокуратуры № 2594-А от 11.10.1972 г.; См.: <http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/dis70/dis70-r.html> .

в результате принимаемых мер: *«заметно сократилось число ежегодных арестов за антисоветскую агитацию и пропаганду»*. В то же время обращалось внимание ЦК на то, что значительное количество участников антисоветской деятельности могут *«при определенных условиях... стать преступными и нанести существенный ущерб интересам нашего государства»*. Для предотвращения якобы такого хода событий руководством КГБ предлагается усилить предупредительно-профилактическое воздействие на лиц, *«пытающихся стать на путь совершения особо опасных преступлений, а также более решительного пресечения нежелательных проявлений со стороны антиобщественных элементов»*. Авторы документа считают целесообразным *«разрешить органам КГБ делать в необходимых случаях официальные письменные предупреждения от имени органов власти с требованием прекращения проводимой ими политически вредной деятельности и разъяснением последствий, которые может повлечь за собой ее продолжение»*. Это должно привести к существенному повышению *«моральной ответственности профилактируемых»*⁴. С этой целью к документу прилагались проекты соответствующих постановлений ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР, которые и выносились на их рассмотрение.

В результате целого ряда согласований между Комитетом госбезопасности, Прокуратурой СССР, Министерством юстиции, МВД и Верховным Судом СССР, предложенные проекты постановлений ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета были одобрены. На их основе был сформирован окончательный вариант Указа Президиума Верховного Совета «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия», но под грифами «совершенно секретно» и «без опубликования в печати».

Согласно этому Указу, по существу, менялась система первоначального воздействия на нарушителей социалистической законности в области идеологии. Теперь ее нарушитель мог не подвергаться долговременному задержанию и неизбежному суду, как это было ранее, а только задерживался или просто приглашался на собеседование. На основе этого задержания или явки по вызову в органы госбезопасности производились собеседование-допрос и разъяснение того, что его деятельность *«наносит ущерб интересам государственной безопасности»*. Подобная профилактика заканчивалась подписанием протокола допроса с письменным предупреждением. Имеются доподлин-

ные факты когда такие протоколы содержали в конце примерно такое обязательство: я, такой-то, обязуюсь впредь не выступать против Советской власти⁵. В случае повторного проявления антисоветской деятельности данный протокол с подписанным обязательством должен был приобщаться в качестве одного из документов к неизбежно возбуждаемому уголовному делу. Эта мера предлагалась исключительно для тех, кто первый раз попадал в поле зрения КГБ.

Записка и данный проект были датированы 11 октября 1972 года, а на заседании Политбюро 16 ноября того же года проект означенного Указа был одобрен, о чем и была сделана соответствующая выписка из протокола № 67 данного заседания. Затем эта выписка была направлена Брежневу, Подгорному, Косыгину, Сулову, Андропову, Руденко, Савинкину, Георгадзе и Смиртюкову. Она предназначалась к ознакомлению и подлежала возврату не позже чем в семидневный срок в первый сектор общего отдела ЦК КПСС. Другими словами, этот документ не подлежал личному хранению даже у означенных персон. В действие этот Указ Президиума Верховного Совета СССР вводился с 25 декабря 1972 года за № 3707-VIII. Естественно, он по-прежнему не подлежал публикации в печати и шел под грифом «совершенно секретно».

Так была осуществлена «либерализация» аппарата насилия. Но ни насилие, ни репрессии никуда не исчезли. Эта «либерализация» держалась в секрете прежде всего от самих подследственных, а решение о предупреждении и освобождении от ответственности преподносилось им как некая гуманная мера, свободное волеизъявление со стороны органов власти и в первую очередь со стороны самого КГБ.

Неизвестно, имелись ли какие-либо еще дополнительные правоприменительные и регламентирующие применение данного указа на практике, документы. Но нетрудно предположить, в частности, что освобождение от ответственности в условиях незнания данного Указа ставило того или иного подследственного инакомыслящего в несколько «двусмысленное» положение. Оно навлекало подозрение со стороны всех, кто к нему имел какое-либо отношение. Позже это особенно усиливалось на фоне имевших место отдельных случаев дачи подследственными показаний на своих товарищей (как, например, П. Якиром

⁵ Свидетельствую, что именно такой документ было предложено подписать автору этих строк в мае 1973 г. в завершение многочасового допроса. Сделать это с такой формулировкой было тождественно косвенному признанию своей вины, что, естественно, было неприемлемо.

и Красиным)⁶. Как писала Л. Алексеева, безусловно, для следователей это «...было важно по психологическим соображениям: показания на следствии подрывают самоуважение, лишают доверия окружающих...». С другой стороны, «как правило, это исключает возвращение (подследственного. – БС) к прежней деятельности: они или сами отстранялись от нее, или вынуждены были от нее отказаться из-за невозможности ни старых, ни новых деловых контактов: ведь, согласно пословице, дурная слава бежит...»⁷.

Но в силу того, что принятый Указ был под грифом «совершенно секретно» и о нем никто не знал, человеку, даже отказавшемуся от сотрудничества и не сдавшему никого из своих товарищей, крайне тяжело было доказать, что его освободили от наказания и выпустили просто так, что называется, за красивые глаза...

В контексте описанной выше истории принятия секретного Указа, его содержания, становится ясной суть новой тактики КГБ по отношению к тем, кто первый раз попался в его сети. Главное – склонить человека к даче показаний на своих товарищей, к сотрудничеству, но если это не удастся – выпустить в соответствии с принятым секретным Указом на все четыре стороны, преподнося это как шаг милосердного отношения к «заблудшему». В любом из этих вариантов человек оказывался скомпрометированным тем в большей мере, чем выше должна была быть мера его наказания.

«Следователи стремились поставить в такое положение как можно больше людей... а склоненных к такому сотрудничеству или освобождать от наказания, или они получали весьма смягченное наказание», – писала Л. Алексеева, вероятно, не зная на момент написания книги о существовании такого секретного Указа. Тем не менее она очень верно отметила, что каждый такой факт снижал «нравственную привлекательность диссидентского движения, особенно для тех людей, которые знают о нем понаслышке, скажем, из передач зарубежных радиостанций»⁸. В этом, по всей видимости, и состояли главные цели КГБ. Для диссидентов же это была ловушка. Неудивительно, что именно период вступле-

⁶ Показательны в этом отношении и споры в среде самих диссидентов по поводу того, сотрудничал или не сотрудничал тот или иной персонаж с КГБ. Классика этого жанра, как известно, – раскол и долгий спор среди части диссидентов по поводу Синявского и якобы изблудительной роли В. Буковского, прибегшего для этого к фальсификации документов из архива КГБ. См. об этом примеч. 3.

⁷ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.: РИЦ «Зацепа», 2001. С. 144.

⁸ Там же.

ния в силу секретного Указа, 1973–1974 годы, справедливо определяется Л. Алексеевой как период кризиса диссидентского движения⁹.

Параллельно имеют право на существование и другие версии того, чем характерен этот период и какие еще цели преследовал КГБ в это время, в том числе и этими изменениями своей тактики. Не может быть лишено оснований предположение что Ю. Андропов, разработал такую тактику Комитета в целях подготовки почвы к будущей передаче себе власти и сохранения ее при помощи «либерализации» оппозиционных масс для запугивания ЦК и его Политбюро в борьбе за власть с конкурентным МВД¹⁰. Не исключено также и то, что именно появление массы «профилактированных» диссидентов, подписавших обязательство впредь не вести антисоветскую деятельность, с их отчужденностью от своего прошлого, послужило основой для появления (на фоне неведения о существовании секретного Указа), абсурдной гипотезы о том, что диссидентское движение было порождено самим КГБ с целью перехвата власти в стране¹¹.

Действительно ли в основу этих мер были положены именно эти тактические замыслы – исчерпывающе судить трудно. Это должно стать предметом отдельного исследования. Однако важен сам факт – во многих случаях это создавало нездоровую атмосферу в оппозиционном движении, вело к его внутренним расколам, взаимным подозрениям и недоверию.

В завершение следует добавить, что в отдельных случаях дело не ограничивалось предупреждением и профилактикой. Все-таки мера административного воздействия применялась тогда, когда человек составлял определенную реальную опасность, а его антисоветская деятельность содержала не только политические, но и определенные уголовно наказуемые составляющие. В прежнее время, до принятия секретного Указа, такие «антиобщественные, антисоветские элементы», как правило, подлежали немедленному осуждению и отправке в соответствующие места на бескрайних просторах Родины. Но теперь следовало избирать такую меру, которая бы не только не свидетельствовала, но даже не наводила на мысль бывшее окружение человека, что к нему применяется репрессивная мера.

⁹ Там же.

¹⁰ Светова Е. Диссидент из КГБ. http://vestnik.us/index.php?option=com_content&view=article&id=171:2011-06-07-07-36-01&catid=1:latest-news, а также: КГБ против КПСС. Кто и зачем создал диссидентов. <http://www.newsland.ru/news/detail/id/878516/>

¹¹ См.: КГБ против КПСС. Кто и зачем создал диссидентов. <http://www.newsland.ru/news/detail/id/878516/>

Насколько обширной была правоприменительная практика этого Указа, надо изучать отдельно. Но в качестве одного из примеров ее применения можно привести историю марксистской диссидентской группы «Пролетарий» (УССР, г. Харьков, 1972–1973 годы). По масштабам допущенных нарушений, кроме антисоветской деятельности, все участники группы должны были быть осуждены на довольно большие сроки, что, собственно, ими и ожидалось. Незаконный вынос из типографии нескольких килограммов шрифта, затем нескольких литров типографской краски, бумаги, изготовление печатного устройства с наборными кассами, изготовление и распространение антисоветской печатной продукции (первые листы первого номера журнала «Пролетарий»), наличие незарегистрированного радиопередающего устройства дальнего действия промышленного производства, не подлежащего к гражданскому использованию, – каждое из этих деяний, осуществленных даже по отдельности, влекло за собой по тем временам суровое уголовное наказание. Тем более если это совершалось группой лиц и по сговору. И все-таки после обыска, изъятия части перечисленных вещдоков, многочасовых допросов участников группы оставили в покое, и они, по непонятным на тот период времени причинам, избежали наказания. Только к организатору, руководителю группы была применена мера административно-репрессивного характера: по указанию Комитета, в нарушение действовавшего законодательства, он был лишен Военным комиссариатом возможного освобождения от воинской службы и в срочном порядке направлен на «службу» в строительные войска Среднеазиатского военного округа (Узбекская ССР).

Спустя многие годы, только после того, как была предана гласности часть документов КГБ, в том числе и по описанному выше секретному Указу ВС СССР, стало понятно, почему тогда члены группы отделались легким испугом, а их руководитель – двухгодичной высылкой.

Бесспорно, принятый секретный Указ и другие составленные в ходе его принятия документы, свидетельствуют, как минимум, о том, что начало 70-х годов прошлого века стало переломным моментом и в тактике деятельности Комитета госбезопасности, и в судьбе оппозиционного, диссидентского движения.

Эту дальнейшую судьбу движения, его роль и специфику положения в последующей истории страны еще только предстоит изучить и осмыслить более тщательно на основе уже имеющихся архивных материалов, конкретно сопоставимых фактов, событий в их логическом и практическом пересечении на основе более широкого круга возможных источников.

10 сентября 1980 года, 6 утра

Гебист-майор Капаев Вячеслав Николаевич с командой звонят в дверь. Обыск, но уже ясно, что арест – шмонают кое-как, торопятся, требуют документы...

Вчера только на проводах Володи Тольца в неметчину распевал: «Дан приказ ему на Запад...»

Допелся... Но ведь знал же, что арестуют, даже время вычислил. Даром, что ли, два года «партизанил» с Тольцем и Ванькой Ковалевым? Чуть не по сто страниц в неделю гнали информации на запад об арестах-лагерях, радовались, что «Хронику» переплюнули.

Капаев все пристаёт:

– Где ваш паспорт?

– Не помню, и не спрашивайте, не найду.

Обыскивают портфельчик маленького сына. Ему пора в школу, а дяди не пускают – вдруг информацию передаст. Пришлось рывкнуть. Капаев разрешил малышу идти. Сын сжался, стал еще меньше.

(Его взгляд, когда он выходил...)

Раннее утро. Мимо Большого театра вверх, навстречу солнцу. Двое по бокам на заднем сиденье черной «Волги». Бодрый Лещенко: «Впереди у жизни только даль, полная надежд людских дорога...» Даже Капаев смутился, выключил радио.

В лубянском кабинете:

– Выньте все из карманов.

Хватить: в правом кармане патроны калибра 5,45, в левом – 7,62. По двадцать штук в каждом...

Как же так? Ведь все успел, все сделал, все документы попрятал, самиздат сховал, архивами распорядился, машинисток предупредил, домашних подготовил, одежду рваную надел, а про это – забыл!

Этим летом под Севастополем бродили с сыном по стрельбищу, набрал патронов...

В кабинете некая сцена, набежали чекисты: что такое? кого поймали?

Да вот, говорю, давно интересовался разницей в калибрах, у меня в армии был АКМС под 7,62, а сейчас же выпустили 5,45 и будто бы со смещенным центром тяжести. Вот и решил понять, что да как и какой в бою лучше выбор.

Чекист помоложе схватил патрон, повернул, всем показал битый капсюль. Успокоились, зашумели, заспорили разом. Видно, что и сами толком не знают. Один говорит, что слышал, будто каской кочан накрывают, стреляют смещенной этой пулей, и готова тебе шинкованная капуста.

Нет, говорю, вот тут есть пуля, сам разрезал, нет никакого смещения, видите сердечник?

Вплотную к окну подошли, смотрят, прав ли. А Капаева уже совсем не видно.

Старший взял пулю 5,45.

– Правильно он говорит, нет никакого смещения. Просто пуля стала тоньше и неустойчива в полете – как на что наткнется, так и вертится.

Все закивали. Тут Капаев и спохватился:

– Все, все! Хватит, пошли отсюда.

Я тоже пошел было в толпе к выходу.

– Эй! А вы куда? Вот вам чистая бумага для признания, а вот бумага генерала Алидина на арест. Выбирайте.

Накопители

– Гражданин Капаев, почему вменяете мне в вину мои действия аж с 1969-го, о которых уже тогда ваш КГБ знал? На дворе же 1982-й! Почему еще в 69-м не арестовали?

– Ваше преступление относится к специальному разряду «накапливающих»...

– Ага, понятно. Это как если б рассказал 99 антисоветских анекдотов, то сажать еще рано, а вот сотый – он и губит.

– Вы опять за свое... И зачем это вы все записываете за мной, за чем копите?

– Все как и раньше – веду параллельное «дело». Против вас. Чтобы вынести его и вас судить.

– Вынести? Отсюда?! Из Лефортово?!

Накопил и вынес...

Прессовики

Ни сам Капаев, ни его начальник Трофимов, ни помощник их капитан Мелехин не могли сладить с упрямым подследственным.

Но есть в Лефортово способ, как надавить, а самим остаться в стороне. Надо лишь подселить в камеру к подследственным уже осужденных и обученных уголовников.

Вот пробитый ножами бандит Ленька Немец – Леонид Георгиевич Гончаров, а вот валютчик и мошенник Таир – Тахир Муратович Якубов, вот их и подсадить. Пусть давят непослушных, угрожают убить ночью, убеждают подружиться с гебистами. Глядишь, раскаются непослушные.

И уже на зоне оказалось, что это весьма известные штатные «суки», многие от них пострадали.

Старый пират

Весна 1983 года... Генсеки мрут как мухи, в ВС-389/36 чистый воздух. Прекрасная экология в политлагерях!

Первый день на зоне.

Вытолкнули из БУРа-карантина. Ровная аллея, белые бараки, клумбы – никого, все на работе. Навстречу спешит на костыле маленький старичок без левой руки и правой ноги. Оставшейся рукой машет приветственно: здравствуй, племя младое, незнакомое... не бойсь, это только первые десять лет тяжело...

Дядя Володя, бывший директор рязанского ликеро-водочного завода. В войну он «расстреливал стариков, женщин и детей», как утверждали гебисты, подводя его под расстрельную же статью. И хотя он уже отсидел свое за сотрудничество с немцами в шестнадцатилетнем возрасте (рассказывал, что его уже расстреливали и немцы, и наши, но выбирался из-под трупов, выживал и уже привык), его взяли во второй раз, как и многих других «стариков за войну» – основной состав зэков в предперестроечных политлагерях.

В те же лагеря отправляли и настоящих политзэков – антисоветчиков и сверхсоветчиков-марксистов, слишком уж поверивших в коммунизм. Молодые чекисты получали за это награды и повышения, пропагандисты семеновы и боровики – гонорары.

Дядя Володя не хотел выходить на волю, мол, пионеры убьют, да и сын – секретарь парткома. Чекисты же, наоборот, хотели его сактировать, выпустить, чтобы не срамиться. Как и всех, его приходилось сопровождать в снежном поле с овчарками и автоматчиками. А он идти-то сам не может, его на санках другие старики возят. И в воронку втроем грузят... Вся зона смеется.

Он умирал долго, врачи последнюю ногу грозились отрезать, курить не давали. Приносил ему тайком махорки, а он все кусочек масла совал, которое экономил для обмена.

Нацвопрос

Первый вопрос при знакомстве:

– Ты кто?

– Как это «кто»? Ну, москвич, статья 70.

– Ты – кто?

– Я ж сказал, москвич, самиздат, диссидент, если хотите.

– Ты не понял. Тебя спрашивают, кто ты по национальности?

Ничего себе! Приехал... (привезли)... Ну и вопросыки! В Лефортово так не озадачивали...

Да и вообще, какая разница? Вон, год был Рабиновичем, причем вполне добровольно. На тренировках ватерпольных напутали в списке команды, записали почему-то Рабиновичем. Я не Рабинович, говорю, но список уже утвержден, нельзя менять, попросили побыть Рабиновичем. Ну и что? Могу! Целый год ребята кричали: «Рабинович! Давай пас!»

А здесь-то, что такое? Почему такой интерес, расскажите.

Пять лет рассказывали. Люди замечательные, библиотека большая, неспешные прогулки по «аллее свободы»... Академия, не зона! 36-я, пожалуй, единственная, где деревья не вырубил. И споры, споры, споры с энциклопедически образованными друзьями...

– Мы не демократы и не правозащитники. Мы – национально-освободительное движение. Пока вы, русские, не поймете сами себя как нацию, вы будете унижать других.

– Да вы хоть представляете, что будет, если мы начнем себя «осознавать как нация»?!

– Кажется, ты нас понимаешь... Вот и должен быть первым, кто будет делать это цивилизованно...

Увы, выходило по всем статьям, что это мы, русские, во всем виноваты. Не привыкать. Если и есть что в нашем характере неплохого, так вот это признание своей вины за все грехи мира. Где война, где кого обидели, вулкан ли, потоп ли – все мы, ваньки, виноваты. Куда евреям против нас, злодеев: у русских славян мы их имя отняли, назвали украинцами, весь Кавказ завоевали, целые народы выселяли... И все правда! И за революции, и за войны, и за расстрелы-лагеря – за все иван-дурак в ответе.

Но и то сказать, если и вышло все так ужасно, то почему на нашей земле? Почему в прекрасном нашем Кремле вечно сидят уроды? Кто виноват-то? Разве не сами, раззявы лапотные?

Инженер Лубман

Абсолютно свой парень! Жил как все: писал липовую диссертацию, был партийным, каждую субботу ездил с друзьями за город играть в волейбол.

Вдруг рассердился на первого секретаря горкома КПСС тов. Романова, который, по мнению Лубмана, жил не по средствам. Написал какое-то разоблачение.

Из-за границы узнали, прислали эмиссара за рукописью, встретились тайно.

Рукопись конечно же попала в КГБ.

Чекисты Лубмана люто возненавидели – мало что еврей, так еще и на допросах враждебно молчал, антисоветски улыбался, все отрицал. Но тут заграничные друзья диссидентов стали его защищать по радио: «Свободу Лубману, написавшему правду и передававшему ее нашему эмиссару!»

Толстый генерал сказал советскому инженеру перед судом: «Разоружайтесь, Лубман». Леонид засмеялся – он был без ремня и шнурков на ботинках.

Смех этот стоил ему быстрой замены обвинения со статьи «Антисоветская агитация и пропаганда» (до 12 лет) на «Измену Родине» (до расстрела).

В лагере он самый правильный зэк – настоящий *бродяга*. Никогда не стучал. По этапу «шел» (по нему не едут) налегке, с малой авоськой. Лишним барахлом не обзаводился, гебистов и ментов посылал на и дальше. Из ШИЗО не вылезал – много больше года намотал чистых карцеров. Никогда не ошибался в зэчьей жизни. Все мечтал в Америку. Помирает там от тяжелой болезни...

Лошадь

Запрягли старики лошадь в телегу, а их всех позвали куда-то.

– Слышь, москвич, отгони телегу к вахте.

– А лошадь?

– Ясно, что с лошадью.

И ушли.

Ладно. Вот телега. А вот лошадь. До вахты метров сто, дорога вроде ровная, но есть крутой поворот. Надо обойти транспорт, ознако-

миться с устройством. А что тут непонятного? Много каких-то веревок, деревяшек. Надо сесть впереди телеги, но сзади лошади, взять в руки эти, как их, вожжи.

Сел, взял, не едет.

Где ж у нее зажигание? Вспомнил, мужики же всегда так – вожжами надо хлоп по спине, крикнуть громко: «Ну! е..т...м..!» – и...

...лучше б сидел, молчал.

Так понесла, что скатился в телегу, тут же на место, за вожжи: «тпрррру!!!.. е..т..м..!!!» А она еще быстрее. Поворот вот он, уже высыпали зэки, приседают от смеха, по коленям хлопают. Натянул левую вожжу, прошел поворот, ветер в ушах, сердце в пятках. Из окон вахты менты хохочут, лучше б уж повязали и в карцер отвели... Лошадь летит, а ворота-то железные заперты! Уперся из последних сил, вожжи натянул до предела, лошадь морду вверх и... врезалась с грохотом в ворота. Не мордой хоть, а оглоблями.

Кубарем с телеги, присел и шагом гусиным побег прятаться...

Стукачи

Первая лагерная новость: суку на пилораме повесили.

Ничего себе! Весело же слышать новичку такие порядки.

«Сука» по-лагерному и есть стукач, хотя блатная феня на политзоне не поощрялась. Но понятие «сука» шире, чем стукач. Сюда входят и «подстава технически» (передача куму-гебисту информации не напрямую, а через явного стукача), привилегии за счет других зэков, подлое и предательское поведение, от которого страдают другие и вся прочая, по-старолагерному, «вонь».

Оказалось, повесили хоть и за дело, но не за шею и не до смерти. Спасибо, полегчало.

На воле Андропов кого не посадил, тех гоняет. Думал, хоть здесь на зоне посвободней, куда там – ходи-оглядывайся, язык не распускай. Да и что такое политзона перед перестройкой?

Вот расклад по нашей политзоне 36-й, настоящей строгой, в отличие от соседних 35-й, 37-й.

Сто человек на периметре сто на сто метров. Их этих ста половина – «старики-за-войну», немцами и нашими недострелянные. Каково это с ними сидеть бывшему комсомольцу, отличнику БПП? Но старики те, в большинстве своем, ведут себя не просто порядочно, а образцово. Лишь некоторые ходят с ключами от каптерок, шныряют, стучат открыто. И рожи у них почему-то, как одна, мерзкие. Вот эти-то как раз и есть расстрельщики-убийцы. И крепко дружат с ментами да с кураторами-чекистами.

Из пятидесяти других половина по статье 64 – измена Родине. Это якобы шпионы, беженцы из страны и «возвращенцы». Все, как и прочие, жертвы КГБ, которому тоже отчитываться надо, зарабатывать на фальшивых делах погоны и звания. Предельное наказание по 64-й — расстрел. Стоит ли удивляться, что большинство жертв подписывали что угодно, в чем потом даже и признавались.

Остается человек двадцать «настоящих» политзэков, сознательно действовавших, часто даже знавших, что их посадят, и готовившихся к тому. Но не все выдерживали следствие. Кто-то признавал себя преступником, сотрудничал со следствием...

В итоге, как и всегда в коллективах, остается около десяти процентов доверенных лиц. В нашем случае это пять-десять человек, которым худо-бедно можно доверять. А если дружить, так это уже от характеров зависит. Рад был своей семейке, слепку СССР: ксендз Сваринкас, Вахо Дзабирадзе, Вардан Арутюнян, Зорян Попадюк, Леонид Лубман и аз, москаль грешный.

Русские патриоты, предтечи новых фашистов во главе с Огородниковым, злились: «Ты чего с этими? Иди к нам! Ты же рууусский...» Дважды уголовников натравливали, пришлось крепко драться. Спасибо, старики да нацборцы мозги вправили: ты что, ножа хочешь?! держись от них подальше.

Но что же о стукачах? Как их определять?

Ответ опытных зэков-многоходников всегда краток:

– По поведению.

Вот те раз! Как это? Такие же люди, ходят, спят, едят...

Лишь много позже стал кое-как различать.

Корова

Все наши старики – настоящие кондовые крестьяне, руки лопатами. Остап К. – экз-бандеровец. Особый мастер, ас замороженных тракторов, любой движок на уральском морозе запустит. Увидел на зоне случайную корову – за пять лет впервые пустили попасться. Кнап подошел, протянул корове руку. Та понюхала и отвернулась – рука-то в машинном масле!

Старик заплакал.

Чей народ древней

В раздевалке промзоны Ишхан и Зураб спорят: кто старше по истории – армяне или грузины?

Ээки слушают с интересом. Армяне, по слухам, древней, но слишком уж грузин хорошо говорит, убедительно, с шутками, тут задумаешься.

Вошел з/к Лубман с полотенцем на шее.

– О чем спор? Ааа... ну, ну... продолжайте, послушаю.

Спорщики затихли, приуныли.

Все засмеялись.

Мастер Иван

Сварщик он был от Бога, все сделал сам: и аппарат сварочный, и электроды, и кучу инструментов под свою руку, как и положено настоящему мастеру.

Немцы заняли его село зимой без боя. Вошли, расселились, не зверствовали... Как-то собрали всех парней, заставили всех раздеться и загнали в избу на помывку. Ребята вышли, а вся их одежда в костре горит. Немцы смеются, показывают на аккуратно сложенную немецкую форму: мол, одевайся, Иван, не мерзни...

Поставили Ивана мост охранять от партизан, а он в ту же ночь к партизанам и ушел. Хоть и молодой был, несовершеннолетний, но приняли. Потом в регулярные войска попал, воевал отважно.

После войны конечно же отняли ордена и посадили на несколько лет. Соседи в селе помогли – форму же немецкую надевал!

А в 70-х, как и все старики, попал под подлейшую юлиансеменовскую гэбэшную кампанию ловли скрывшихся «полицаев»: Семенову этому – новые гонорары, чекистам – повышения, старикам – новые срока.

Рубаха

Прислали посылку. Редкий случай! Обычно всего лишают – ларька, посылок, свиданий. А тут теплая рубаха нижняя с начесом, длинный рукав – спасение для карцерника... Но з/к Лубман сидит куда дольше, в ШИЗО больше года наматал, ему нужней.

– Лен, возьми рубаху, а?

– Нет. Благодарю.

– Да брось ты. Тебе ж нужней, ты ж сидишь как валенок еще с Мордовии, а я еще пончиками хожу.

Не берет! Всегда опрятен, но всегда во всем казенном, весьма древнем. Месяц убеждал.

– Ну, ладно. Давай сюда рубаху. Благодарю...

Через неделю рубаха та на совсем зачуханном ээке.

А з/к Лубман опять в казенном.

Перекур

Старый Лисовский не уцепит сигарку пальцами-граблями.

– Я тоже был на море... Дриатическом. Нас там, молодых, немцы в бараке гранатами забрасывали. Прямо в толпу и кидали. Но мы их покрошили. Потом в горы ушли к партизанам.

Другие старики слушают, не верят про море.

Спор

Три зэка, латыш, русский и литовец, поспорили: чья нация лучше работает? Ну, например, по столлярному делу. Затеяли соревнование: литовец пусть стол делает, русский – будку для охраны, а латыш – каморку мастера для цеха. Вся зона собралась, а мастера всех отгоняют – не мешайте, не лезьте под руку. Ладно. Оставили их в покое. Даже охрана разрешила остаться после работы, чтобы все закончили.

На следующий день пришла зона смотреть.

Русский сработал крепко – посреди двора будка на славу, грубая, но прочная, сто лет нас охранять будет, а вокруг опилки, стружка горой.

Литовец стол сделал – загляденье! Если б покрасил, от магазинного не отличишь, вот ему бы и победу.

Пошли смотреть работу латыша и... сразу ясно, кто лучший. Даже неинтересно – слишком уж все... как-то и не поймешь сразу, аккуратно, что ли, не по-человечески... Рамы стекольные – ни сучка, все поверхности – прямые и ровные, будто вылизал, да и на полу чисто.

Что тут скажешь – немец!

Бешеная кошка

Петро, белорус-балагур, никогда не унывал.

Немцы его увезли аж в Югославию. Там ребята восстали, ушли к партизанам в горы.

После войны отсидел за это. В 70-х пришли к нему снова арестовать, а он пахал в это время в поле: дайте допахать-то! Ну, ладно, говорят, но осенью приходи, все равно посадим... Пришел.

– Раз форму надел, считай фашист. Так тогда было. А сейчас говорят, что убивал *стариков, женщин и детей*... Всем так говорят. Не признал бы вину, шлепнули бы, как и всех моих друзей.

Вернулся с войны, в деревне одни бабы, мужиков всех побило. Хоть жену любил, но и баб понять надо – я ж один мужик на село. Вот раз поехала моя баба в райцентр, а соседка уже у порога, дай чаю, мол, попить. Попили мы чаю, то да се, она труссы-то свои за печку и бросила. Жена, значит, вернулась, нашла труссы за печкой и ну орать. Я на

двор, а она за мной и трусами меня, трусами. А с крыши на нее кошка-то и прыгнула... Вцепилась бабе в волосы, всю рожу разодрала. Я кошку эту оторвал и вилами. Бабу свою скорей на телегу и в райцентр. Двадцать укулов назначили – кошка та бешеная была...

Любовь

Калмык дядя Жора Эббеев поваром на зоне. Лицо блином, глаза-щелочки, имя-отчество не выговоришь. Бывший гауптман немецких войск, чем как будто гордится. Душа-человек, никто не верит, что он убивал. Да и кому верить – гэбэшникам, кто всех ни за что сажают? Подельника его, Лукьянова, выманили с Запада и расстреляли, а его нет – по слухам, из-за того, что к немцам попал несовершеннолетним.

После войны много лет сидел в Норильске, потом там же шахтерил вольным. Герой соцтруда, дети – комсомольцы, отличники боевой и политической подготовки. Баланду разливает весело: «Ешь вода и пей вода – срать не будешь никогда», «Мы, калмыки, после того как всех сослали, стали народ-уголовник...».

Освободили уже параличного к жене в Пермь. Она, красивая и высокая русская баба, с самой войны по лагерям да тюрьмам за ним ездила, ждала, помогала и сама удивлялась – что в нем нашла в маленьком и коренастом?

А он купил шляпу, чтобы в ней поехать умирать в Калмыкии, но не мог уже ходить.

Жук

В карцере иной раз и хорошо. Пусть места нет, еды, тепла. Но устает же от людей, нужно и одному побыть. Вдруг кого-то в соседний карцер – у ээка слух особый, все детали слышны и понятны. Но кого упекли-то? Надо звонить по телефону. А телефон вот он – параша в углу. Если постучать слабо, для эзковского только уха, не для ментовского, то можно и поговорить: тук-тук (глухо).

– Кто?

И так несколько раз. Наконец отозвался:

– Зураб.

– За что?

– Потом расскажу.

Ну что ж, времени тут достаточно, пусть созреет, успокоится.

Через несколько дней:

– Так за что тебя?

– Да... жук...

– Что?

– Ну, жюк.

– Жук?!

– Да..

– Какой жук? Почему жук?.. Ты в порядке?

– Панимайшь... я жюка нашел... балшого такого, весна же... и стал с ним играть.

– И что? За это?

– Нет... Подошел псих этот, Залепа, и жюка моего раздавил. Ну и я его резцом токарным по голове.

Когда вышли из ШИЗО, увидели Залепу. Он вшил в шапочку круглую фанерку, ходил, не снимал, ждал мести. В это время здоровых уже не сажали в психушки, КГБ решил просто: «Нас обвиняют, что мы здоровых в психбольницы? Так получите!» И всех действительно больных стали сажать в лагеря как здоровых. Все требования к ним, все наказания были как к здоровым.

Кто виноват

1986-й. Горбачев чудит и по телевизору, и в газетах. Опытным эзкам уже давно все ясно – «процесс пошел». И ментов тем дразнят. Лысый пучеглазый литератор пишет в журнале о бедах российских, о недостатках. Да так смело и подробно, что дух захватывает – а нас-то тогда за что же здесь держат? Тут и за полслова такого сидят. И так этот разоблачитель нежданный припекает, и эдак. И все обещает, что вот в конце статьи скажет, кто виноват во всех бедах наших, о которых он тут распинается.

Подошел з/к Лубман:

– Что читаешь?

(Сам он ничего не читал, только Пугачеву смотрел по телевизору.)

– Леня! Ты не представляешь, что сейчас пишут! Свобода пришла, Леня! Вон этот как жарит... да еще и виновных обещает назвать... вот дочитаю, скажу...

– Ну, ну. И кто же у него виноват?

– Щас-щас... вот перелистаю сразу в конец. Ага, вот: «...на вопрос “кто виноват?” мой обещанный ответ: мы все виноваты...»

И осел, руки опустились. З/к Лубман подбодрил:

– Он прав. Они действительно виноваты.

Понятия

Это на уголовке надо жить по понятиям, а на политзоне – по нормальным житейским правилам. По которым на воле, увы, не живут. Люди же на зоне – это главное, они везде главное, а здесь особенно. Вот и надо уметь ладить вместе, чтоб выжить. Если эзки примут за авторитетов уродов, быть зоне уродской. Если правильные люди возьмут авторитет, будет и правильная жизнь – на зоне тоже жизнь.

Вот взять з/к Лубмана. Хоть и «один на льдине», ни с кем особо не корешился, но никогда не ошибался, всегда принимал точные этические решения.

Но правильной 36-я строгая стала лишь с приходом туда Зоряна Попадюка и Вардана Арутюняна. Оба самодостаточные, с невероятной силой воли, ясным умом, доброй душой, с редким умением быстро отличать плохое от хорошего. Не в теориях познаются люди, не в дебатах, и рассуждениях – в быту простом, в обычных человеческих реакциях.

Посчастливилось знать А.Д. Сахарова. Именно этим зэчьим глазом видел его поведение не как физика или общественного деятеля, как человека. И видно было, что действительно – Человек.

Этой меркой и наши лагерные авторитеты были меряны. Никаких советов, указивок и инструкций они не давали, а все к ним прислушивались, с их мнением считались, на них равнялись. Не они бы, сдох бы, ссучился б, как поделщик мой, Ванька, в гордыне своей. Вот настоящая лагерная, да просто – жизненная школа.

Благодарю, братцы.

Балдоха¹

И эзки, и охрана – все устали от долгой зимой.

У жилого барака шурят на солнце з/к Лубман и ДПНК Рак.

Уже почти тепло, все вокруг дышит скорой весной, даже припекает, но снег так чист, что не тает, воздух – хоть на куски режь да ешь.

Нет зла в такое время, и надо бы что-то хорошее, доброе:

– Ну, что, Лубман, пора в ШИЗО?

– Пора, пора гражданин начальник.

Оба улыбаются солнцу.

Под автоматами

Горбачев ляпнул на Запад: у нас нет политических заключенных.

Ничего себе! А мы – есть? Или нас уже нет?

¹ Балдоха – солнце (жаргон).

Чекисты тоже оторопели – что за слова такие? Что теперь делать? Мочить их всех, чтобы генсеку потрафить, или, наоборот, освободить? Но никаких команд из Москвы. Значит, мочить.

Пошел беспредел, режим все жестче и жестче с каждым днем. Раньше менты на Правила (ПВР) напирали, а теперь и на них плюнули, творят что хотят, все делают, чтоб зона взорвалась, взбунтовалась. А зона терпит.

И вдруг вся зона разом заболела — эпидемия, грипп.

Собрали солдат, вывели на зону с автоматами, эзков выстроили в ряд.

Эзки кашляют, шатаются, ждут...

Погибшим друзьям

Китайский шпион Толик Бобыльков

Круглый коротышка, всегда веселый...

А как умел сидеть! В лагере, а особенно в камере – великое искусство.

Надоело Толику в СССР: то учиться не дают, то работы нету, то жилья, а то и вообще посадили ни за что, вот и решил он бежать.

А куда бежать? Ясно, что в Америку, но как?

Поехал он на Дальний Восток, подошел к берегу – океан большой, а Толя маленький, куда теперь?

Посмотрел по карте и понял, надо пробираться через Северную Корею в Южную, которая с Америкой вроде бы дружит.

Кое-как прошел границу, а потом и всю эту Северную, бедно живут там люди.

Подошел ко второй границе, спросил крестьянина, как пройти, и бутылку пообещал.

Крестьянин бутылку вперед затребовал, вместе выпили, потом повторили, очнулся, глядь, нету крестьянина, а вокруг их милиция.

Почти не били, посадили не в тюрьму, а в какую-то хижину.

Спал на циновках, по бокам двое – охрана! Месяц допытывались: кто такой, куда шел и зачем?

Потом у них какой-то праздник настал, и Толя показал, как пляшут русские. Плясал лихо, всем им понравилось. Он давай еще жару и... ногу подвернул, ни встать ни сесть.

Несколько дней страдал, все переживали за него. А он ночью тихо встал, перешагнул через охранников и бегом к рельсам, железная до-

рога рядом (надул он охрану, не так уж и болела у него нога), тут поезд идет медленной, Толя было за поручни, а ему из вагона сапогом в лицо.

Покатился под насыпь, стал ждать другого поезда. Кое-как добрался назад к границе с СССР. Там река, мост и пограничники уже ждут, бегают с собаками.

Туман помог. Толя сразу под мост в камыши, залез в воду, дышит через тростинку, весь замерз, но ждал.

К утру стихло, выбрался и пошел дальше в поле.

Шел целый день, видит поселок, зашел, а там люди какие-то странные, похожи на монголов. Думал, в Монголию попал, а оказалось, в Китай! Тут же их милиция опять прибежала, арестовали, посадили в тюрьму. Два года сидел в холоде-голоде. Жрать давали совсем мало, все требовали работать шпионом, а Толя все отказывался.

Наконец совсем дошел, решил и этих обмануть, согласился.

Месяц его учили шпионить. Потом отправили на первое задание, ночью спрятали в грузовике, чтобы на кладбище, в таком-то уголке что-то заложить-спрятать.

Все сделал, как учили, заложил секретный пакет. Вдруг – вспыхнули прожектора, заорали ему в рупор: «Ни с места! Сдавайся!»

Уж как его били-пытали, вспоминать не хотел, но все вынес, держался молодцом, никого и ничего не выдал. Тогда сказали ему: «Ты молодец! Никакие мы не русские, а самые что ни на есть китайцы, и тебя просто проверяли. А чтоб ты не обижался, мы тебя отправляем на остров в Желтом море, отдыхай, поправляй здоровье».

На острове том такое было... Толя в жизни не видел, чтоб такая еда и уважение. Даже массаж делала такая красивая китаянка... да и не только массаж.

За заслуги эти Толю переправили в СССР уже всерьез, с надежными документами и заданием ждать. А он сразу же в КГБ – так, мол, и так, обманул я китайцев, они там пачками наших дураков, вроде меня, хватают и засылают сюда к нам на вылежку – авось когда-то понадобится, а вот и фамилии...

Поблагодарили его чекисты и дали на всякий случай 10 лет строгого режима в Мордовии. Их тоже можно понять – а вдруг опять сбежит, обманет.

Но Толя всерьез обиделся и решил бежать уже из наших лагерей.

Долго готовился. Продукты собирал, в штаны внизу зашил махорки и дырочку оставил, чтобы, когда бежать махорка сыпалась, собакам нух сбивала.

Одно не продумал – как из лагеря-то вылезти. Дождался, когда стрелок на вышке отвернется, полез днем через проволоку да застрял. Солдат давай орать-стрелять, но не убил, сбежалась вся охрана. Били смертным боем, чтобы раз и навсегда никто уже не бежал, а видели все пример, что с такими делают. Но Толя и здесь схитрил – орал истошно, чтобы зэки услышали, чтобы зона помогла. Теперь уже и охрана испугалась, увидели сколько народу бежит, утащили Толю добивать в ШИЗО. А бить умеют – спереди по животу и сзади по почкам. На зону больше не выпускали, из карцера в карцер на разных зонах перевозили, пока в Чистопольской тюрьме не оставили умирать – уже ссал Толя кровью.

Он знал, что умрет, но всегда был веселым, простым и добрым сокамерником.

Умер перед самым нашим освобождением в 1987-м.

Князь-Ишхан

Из армянской деревни был этот маленький поджарый мальчишка. Весь черный, живой, а глаза такие, что сразу видно – абсолютно честный и чистый человек! Все его любили, помогали чем могли.

Сел за то, что писали они с друзьями на дорогах краской «Свободу Армении!», называли себя «Союз молодых армян».

Про армянские взрывы в московском метро в 70-х слышал, но своих соплеменников не одобрял.

Имя его было Князь. В Армении еще и не такие имена дают. Чего стоит, например, Вова! Не Володя даже, а именно Вова. Мы давно это пережили, всех этих Карленов и Сталинов, а армяне еще нет. Вот и назвали парня красиво. На зоне его быстро перевели на армянский и стали называть как положено – Ишхан. Тюрьма не воля, там уважают национальность.

Не видел еще такого патриота в лучшем смысле. Полгода нос к носу в БУРе – и весь человек как на ладони. Даже языку армянскому учил. А уж как рассказывал о красотах своих мест! До сих пор все перед глазами, хотя вокруг были лишь серые стены в цементной шубе.

И понятно было его стремление к свободе своей страны – разве лучше жить в коммуналке? Пусть Армения живет своей жизнью, так всегда ощущалось после его рассказов. И ясно было, что не один он такой в своей Армении, каждый там думает так же, только не все говорят.

Весь он такой живой, не усидит, хотя болен был уже смертно.

Не усидел он и в знаменитой зверствами Ростовской пересылке – примкнул к целой команде беглецов, выбрались из такой тюрьмы, откуда еще никто не бежал, забрались в лесок, где их и повязали. Затол-

кали в крохотную камеру, чтоб впритык стояли – ни сесть, ни лечь, а жара была, лето.

Выводили каждый день в коридор и били, били, били... Так били, что Ишхан «даже маму свою забыл» – так у них говорят, когда совсем уже плохо.

24 апреля у армян День горя – тогда их турки страшно убивали.

В этот день в карцере и нашли его в петле.

Михаил Денисович Фурасов

Ни у кого не было таких потухших глаз. Как будто у рыбы снулой. Что-то сделали с ним в ужасной этой Лукьяновской тюрьме в Киеве.

Сделали такое, что лучше было и не подходить к нему сзади, не окликать – сразу сжимался, приседал и голову закрывал руками.

Тихий инженер, кандидат наук, он писал Брежневу и в ЦК КПСС свои предложения по улучшению нашего общества. Но не подписывался! Аноним!

Долго его искали и очень были злы, когда нашли, – у чекистов же тоже планы-сроки по поимке.

Что было с ним на следствии и что писал он властям советским – никто не знал. Он боялся всего, даже своего же собственного дела.

Но при всей его ушибленности всегда оставался вежливейшим человеком.

– Вы замечательный специалист, но тут вокруг – враги власти, только нас с вами ошибочно посадили... давайте дружить.

– Да как вам не стыдно, Михаил Денисович! Тут большинство сидит ни за что, да и много замечательных людей!

А он снова приседает, голову закрывает, семенит в сторону не просто испуганный – жалкий...

Рассказывал, как ему в служебной командировке на спину прикрепили записку: «Ищу жену», и моргал подслеповато.

– Послушайте, Михаил Денисович. Я вас очень прошу: следите за собой, не падайте духом сами, и других не смущайте, тут и так тяжело... И не ешьте снег от живота! Идите в санчасть!

Но и в санчасть он боялся, хоть и болел. Всего боялся.

Зона ворчала, менты это чувствовали, отвезли на операцию.

Там и умер.

Саша

Из письма: «...Будешь в Саратове – найди Сашу Р., последнего политэзка саратовского...»

Приехал.

Накупил Саше разносолов... Еле нашел его среди каких-то складов под мостом, поразил обилием диковинной еды.

Только глядя на него, выучившего древнееврейский, чтоб читать Библию в подлиннике, изгнанного из университета, а теперь суетливо бегущего открывать ворота склада, где он сторожем, только тогда вдруг понимаешь, куда мы заехали, что и кого потеряли...

Обнялись. Помолчали... А чего говорить-то? Он близкий лагерный друг моего близкого лагерного друга – полное доверие и понимание.

Заварили чифирку.

Вышел ненадолго, а когда вернулся, Саша переложил всю еду в стол, в ящики – семья-то большая!..

Он подарил кольцо, которое выточил из грецкого ореха, сказал, что приторговывает ими на рынке.

Выгреб почти все деньги, какие были, и, покуда он очумело ахал, что это его зарплата за полгода, поспешил распрощаться.

Энциклопедически образованный, высочайшей культуры и порядочности человек, он вдруг согнулся и быстро побежал открывать ворота – там сигналил большой черный джип...

Пешком к вокзалу по странным улицам Саратова. Окна вровень с мостовой, все кривое и покосившееся. Наверное, и там живут люди.

Александр Сидоров

Планета чудес

Золотая лихорадка

В гимне колымских эзков «Я помню тот Ванинский порт» безвестный автор (к сожалению, ни одна из версий авторства этой знаменитой песни не выдерживает критики) обрушивается на далекий российский край:

Будь проклята ты, Колыма,
Что названа чудной планетой!
Сойдешь поневоле с ума,
Возврата отсюда уж нету...

Почему же проклята, если названа «чудной»? Да потому, что прозвали ее так заключенные в горькой арестантской частушке:

Колыма, Колыма,
Чудная планета:
Двенадцать месяцев зима,
Остальное – лето!

Колыма, Колыма... А что это за земля такая – Колыма? Без краткого экскурса бессмысленно и начинать наш рассказ. Ну, так и начнем с очерка по колымскому «планетоведению». Прежде чем проклинать Колыму, попробуем разобраться, что это за земля такая. Ведь на карте России никогда не существовало административной единицы с названием Колыма (равно как и Колымский край). Ученые называют Колымский край «исторической областью». Что-то типа «Урал», «Сибирь», «русский Север»... Вроде бы даже границы можно очертить – но только географически приближительные, а не административно-территориальные.

Условно Колымский край совпадает с территорией Магаданской области, восточных районов Якутии и частично – севера Камчатки. Термин «Колыма» происходит от названия реки Колымы, которая берет начало на Охотско-Колымском нагорье, пересекает Магаданскую область, Якутию и впадает в Колымский залив Восточно-Сибирского моря. По версии краеведа Егора Тельнова, слово «Колыма» происходит от финно-угорского «кола» – рыба (юкагиров, которые являются старожилами Колымы, ученые относят к уральской языковой семье, в которую входит и финно-угорская группа). То есть Колыма – «рыбное место, рыбная река».

Но для нас важнее узнать, почему при советской власти именно Колымский край стал самым «привлекательным» регионом для создания огромного количества лагерей – и в то же самое время самым гиблым местом для заключенных, «Освенцимом без печей», как назвал Колыму бывший лагерник Георгий Демидов.

Привлекательность Колымы для Страны Советов объясняется просто: это – золотиносный край. Догадки по поводу нового Эльдorado высказывались еще в середине XIX века, однако до серьезных изысканий дело не доходило: слишком суров и безлюден был таежный край. Впервые золотиносные жилы здесь обнаружил в 1908 году приказчик дальневосточного промышленника и купца Шустова Юрий Розенфельд. Однако настоящий успех выпал в 1915 году на долю старателя-одиночки – татарина Бари Шафигуллина по прозвищу Бориска. Именно он в долине реки Среднекан нашел первое золото Колымы. Татарин был настолько удачлив, что людская молва подозревала его в сговоре с нечистой силой. Но в сентябре 1916 года удачливого Борисуку якуты нашли мертвым неподалеку от реки Кулу с мешочком золота в руке. Горный инженер Эдуард Анерт определил запасы в Охотско-Колымском крае примерно в 3,8 тысячи тонн золота.

Новой власти Советов этот металл нужен был как воздух – особенно в условиях, когда царский золотой запас растаял в небытии. Но северо-восток России в географическом и геологическом отношении по-прежнему представлял собой «белое пятно». По словам известного советского геолога Сергея Обручева, он оставался столь же таинственным, как верховья реки Конго в начале XIX века. И все же необходимость в валютных поступлениях заставила советское правительство форсировать исследование этих территорий. Речь шла не только о золоте, но также о платине и других полезных ископаемых.

В 1927 году создаются акционерные общества «Союззолото» и «АКО» (Акционерное Камчатское общество). Эти две организации кон-

тролировали всю золотодобычу в Охотско-Колымском крае – в том числе деятельность старательских артелей и золотоискателей-одиночек. В начале 1928 года на ключе Безымянном – притоке реки Среднекан, была открыта богатая россыпь золота. Артель из восьми человек во главе с Филиппом Поликарповым намыла за летние месяцы больше двух пудов золота – результат фантастический, если учесть, что всего с октября 1928-го по октябрь 1929 года на приисках АКО было добыто 55, 234 килограмма химически чистого золота.

Тут же через Охотск на Колыму хлынули вольные старатели – их было намного больше, чем во времена легендарного «Бориски». Началась Колымская «золотая лихорадка», когда искатели сокровищ рвались в тайгу на Среднекан даже без продовольствия и средств передвижения. Охотский райисполком вынужден был запретить выезд из Охотска частным лицам без продовольствия, иначе последствия оказались бы непредсказуемыми. Ведь даже централизованные государственные поставки продовольствия, инструментов и материалов в конце концов оказались недостаточными. Так, Юрий Билибин, руководитель первой «золотой» колымской экспедиции, высадившейся на берегу Охотского моря в сентябре 1928 года, вспоминал: *«С конца ноября наступил продовольственный голод. На Среднекане оставшиеся лошади были убиты и мясо раздали рабочим, но этого мяса было недостаточно. Люди повели полуголодное существование. Разысканы были все внутренности лошадей, организовали поход за павшими лошадьми, съедены были две собаки, добрались до конских шкур»*. В таких условиях, конечно, много золота не добудешь... Но Сталину глубоко запала в душу другая фраза Билибина – о том, что Колыма к 1938 году даст в четыре раза больше золота, чем добывалось по всей стране в 1930 году.

Реальность, увы, шла наперекор планам вождя. На первую пятилетку Москва спустила для Колымы план добычи золота: 1931 год – 2 тонны, 1932-й – 10 тонн, 1933-й – 25 тонн. Однако в 1931 году силами вольных колымских старателей было добыто всего 272,5 килограмма драгоценного металла. Из-за неразберихи и перебоев в снабжении на приисках начались цинга и голод, у многих золотоискателей были отморожены руки и ноги, началось массовое бегство рабочих с приисков. Местное население было доведено до крайности мерами по «раскулачиванию». Обстановка в регионе оказалась на грани социального взрыва и гражданской войны.

А золото стране было необходимо. И Великий Вождь, как всегда, нашел выход...

Архипелаг «Дальстрой»

«Старательская вольница» показала свою полную несостоятельность. И тогда руководство страны решило пойти другим путем: использовать огромную дармовую силу заключенных. Ради справедливости заметим, что это касалось не только Колымы. Совет народных комиссаров СССР еще 11 июля 1929 года принял Постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», где прямо было заявлено о необходимости «расширить существующие и организовать новые концентрационные лагеря (на территории Ухты и других отдаленных районов)» в целях колонизации отдаленных районов и «эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы». Согласно постановлению, в эти лагеря должны были направляться все лица, осужденные к лишению свободы на сроки от трех лет и выше.

В рамках этой важной задачи отлично вписывалась и колонизация Колымского края. Поэтому 11 ноября 1931 года ЦК ВКП(б) принял решение о комплексном промышленном освоении и эксплуатации необжитых территорий северо-востока СССР, для чего был организован Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы – «Дальстрой». Его директором назначили чекиста Эдуарда Берзина. Основная задача треста – добыча полезных ископаемых и в первую очередь золота. По мере выполнения этой задачи «Дальстрой» расширялся и рос. Сначала он охватывал район Верхней Колымы площадью 450 тыс. кв. км. К марту 1941 года территория расширилась до 2,3 млн км², а к 1951 году – до 3 млн км². Весь этот регион, подконтрольный «Дальстрою», и принято ассоциировать с лагерной Колымой.

Руководство треста прибыло на Колыму, а именно – в бухту Нагаева 4 февраля 1932 года пароходом «Сахалин». Вместе с Берзиным и его окружением пароход привез не меньше сотни заключенных, которым предстояло осваивать суровые края. Однако еще осенью 1931 года, когда Берзин прибыл из Москвы во Владивосток, он направил в Нагаево на пароходе «Сучан» свыше двухсот «сидельцев» из дальневосточного лагеря. Рейс выдался тяжелый, пароход едва не застрял во льдах, три четверти заключенных умерли от холода и болезней. Но оба первых этапа – «сучанский» и «сахалинский» – успели к началу навигации 1932-го построить изолированную зону для своих собратьев по несчастью, и уже в мае в бухту Нагаево стали прибывать заключенные из других лагерей страны. На Колыме к концу 1932 года работали свыше 11 тысяч заключенных.

Почти одновременно с трестом «Дальстрой» создается Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь ОГПУ – Севвостлаг, СВИТЛ. В составе треста «Дальстрой» работали и вольнонаемные сотрудники, и заключенные – примерно 50% на 50%. СВИТЛ (позже УСВИТЛ – Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей) был организован для того, чтобы обеспечивать ударный труд зэков, четкую работу колымской лагерной системы. Он подчинялся напрямую руководству НКВД.

Любопытная подробность: фактически Севвостлаг **не входил в систему ГУЛАГа НКВД СССР!** То есть, говоря об «архипелаге ГУЛАГ», мы не должны включать в него Колыму. Здесь существовал свой отдельный «архипелаг Дальстрой». Все северо-восточные лагеря подчинялись непосредственно руководству «Дальстрою». Правда, 30 апреля 1938 года трест перешел из ведения СНК СССР в ведение НКВД СССР, а Севвосттрудлагерь был отнесен к ГУЛАГу НКВД СССР – с подчинением начальнику Главного управления Строительства Дальнего Севера НКВД СССР Карпу Павлову. С 1938 по 1940 год, таким образом, СВИТЛ имел двойное подчинение – «Дальстрою» (по всем вопросам строительства) и ГУЛАГу (по вопросам режима и содержания заключенных). «Дальстрой» и ГУЛАГ входили в состав НКВД как самостоятельные главки. Но позже лагеря НКВД на Колыме замкнули на трест «Дальстрой» по всем направлениям деятельности. Даже в сводных статистиках ГУЛАГа уточнялось – *«все ИТЛ, включая Севвостлаг»*.

СВИТЛ обслуживал Северное, Южное, Юго-Западное, Западное, Тенькинское, Чай-Уринское и Индигирское горнопромышленные управления, разрабатывал несколько десятков приисков и рудников, строил и обеспечивал рабсилой обогатительные и золотоизвлекательные фабрики, проводил поисковые и разведочные работы и так далее.

В то же время не соответствуют действительности домыслы о том, что через Колыму прошли «десятки миллионов» заключенных. К сожалению, такая «статистика» встречается даже у Варлама Шаламова. На самом деле, по данным исследователей, с 1932 по 1953 год в лагеря Колымы было завезено всего 740 434 человека, а общее количество осужденных к дате упразднения «Дальстрою» (1957 год) не превысило 800 тысяч человек. Из них умерших 120–130 тысяч, расстрелянных – около 10 тысяч человек. Колыма со всеми приисками, рудниками и лагерями просто не способна была принять и трудоустроить большее число зэков. Так, в 1940 году УСВИТЛ насчитывало 354 лагерных подразделений, разбросанных на огромной территории. Сюда входило множество мелких подкомандировок из нескольких десятков человек. На всех точ-

ках лагерной Колымы к концу 1940 года работало 176 685 заключенных. Даже для «урожайных» послевоенных лет эта численность оставалась предельной.

Между тем «Дальстрой» уже к 1948 году становится суперорганизацией: его бюджет занимает третье место в стране – после РСФСР и Украины! Что неудивительно, учитывая показатели гостреста по добыче золота. Если в 1932 году на Колыме было добыто 511 килограммов химически чистого золота, то уже в 1940 году – свыше 80 тонн. Для сравнения: царская Россия, занимавшая в 1913 году по добыче золота первое место в Европе и четвертое – в мире, «отметилась» 60,7 тонны... Радостный Сталин даже поставил грандиозную задачу: догнать и перегнать Трансвааль – мирового лидера, который выдавал до 400 тонн чистого золота в год. Этим заявлением великий вождь перепугал западные страны – однако показатели 1940 года не удалось более повторить никогда...

Но какой ценой достигались эти показатели?

Сто тонн человеческого мяса

С приходом лагерников в прежде безлюдные места Колымский край преобразился. Еще до начала Великой Отечественной войны заключенные и вольнонаемные построили порт Нагаево, город Магадан, около ста поселков на Колыме, Чукотке и в Якутии. Было проложено свыше трех тысяч километров дорог, линий электропередач, введены в строй электростанции, автобазы, аэродромы, организованы десятки колхозов, совхозов, несколько рыбпромхозов и больше 300 подсобных хозяйств.

Однако это осуществлялось за счет чудовищной эксплуатации бесправных лагерных «сидельцев». Смертность на Колыме была выше, чем в других лагерях страны. Заключенных рассматривали как рабов. Прямо с парохода арестанты попадали на «невольничий рынок»: *«В такие дни город превращался в огромный пчелиный улей. К бухте Нагаева со всей Колымы спешили свободные грузовики ЗиС-5... Возле пирса № 5, куда причаливали пароходы “с человеческим грузом”, заключенных выстраивали в колонну – по пять человек в шеренге и под конвоем по проспекту Ленина через весь город гнали в санпропускник... То, что происходило дальше, ничем не отличалось от древнего невольничьего рынка. Прибывшие начальники, не спеша, обходили свежий этап и отбирали людей для собственных нужд. В конце концов, одних зэков оставляли на месте, других ЗиСы развозили по колымским лагерям...*

Случались и многодневные пешие этапы... По самым труднодоступным лагерным пунктам эзков развозили даже на самолетах "Дуглас"» (Иван Джуха. «Стоял позади Парфенон, лежал впереди Магадан»). Рынок рабов определял дальнейшую судьбу заключенного. От того, куда эзк попадал, зависело, сколько он протянет.

Самое страшное – золотые прииски и рудники, где было сосредоточено 90% лагерного населения Колымы. На Колыме было несколько исполинских горнопромышленных управлений (Северное, Южное, Юго-Западное, Западное, Тенькинское, Чай-Убинское и т. д.), где были золотые прииски, оловянные рудники и таинственные места разработки «малого металла». «На золоте» рабочий день был летом четырнадцать часов... Летом не было никаких выходных дней, состав забойных бригад порою менялся в течение золотого сезона несколько раз. Многие уходили в больницу, в инвалидные лагеря, в могилу. Промышленная добыча золота на Колыме сопряжена с особой сложностью и требует огромных усилий. Золотосодержащие пески порой залегают на глубине до десяти-двадцати метров – и это в условиях вечной мерзлоты, где даже летом на глубинах свыше метра «песок» – такая же твердая порода, как и гранит. В малоизвестном куплете «Ванинского порта» пелось:

Сто тонн золотишка за год
 Дает криминальная трасса.
 А в год там пускают в расход
 Сто тонн человеческого мяса...

Конечно, ста тонн золота в год Колыма не давала никогда, да и с человеческим мясом явное преувеличение. Но сам принцип – не жалеть лагерников для выполнения постоянно растущих планов – отражен верно.

Разумеется, не все эзки попадали на золотые рудники и прииски. Были дорожное, угольное, речное управления, управление автохозяйства со своими мастерскими, автобазами, геологоразведочные командировки, где жили расконвоированные эзки с «сухим пайком». Или даже управления совхозов, где заключенные жили сравнительно сытно, питаюсь зернами пшеницы, свеклой, картофелем, капустой, сюда же входили и рыбацьи совхозы на Охотском побережье. Да всего не перечислить так сразу.

Но ни один из сидельцев даже на самом «теплом» местечке не мог почувствовать себя в безопасности – всегда перед ним маячила жуткая

перспектива попасть «на золото», где самый благополучный прииск был страшнее штрафной зоны любого другого управления.

Так что выражение «золотые деньки» на Колыме пахло смертью...

«Чудная планета»: от Геродота до Берзина

Но вернемся к частушке о Колыме. Как справедливо замечают Джекобсоны в своем исследовании песенного фольклора ГУЛАГа, она стала одной из популярных в лагерях, поскольку заключенные могли легко изменить место (Норильлаг, Усольлаг и т. д.) и количество зимних месяцев – с девяти до двенадцати. Например, в романе Екатерины Матвеевой «История одной зечки» одна из героинь замечает: « Там, подрузя, "Воркута – новая планета, двенадцать месяцев зима, остальное лето" ». Но самое популярное место – все-таки Колыма. Отсюда исследователи делают вывод, что поговорка родилась именно здесь.

Нашелся даже претендент на авторство – народный поэт Калмыцкой АССР Константин Эрендженев, который сам 20 лет отбыл на Колыме в качестве заключенного. О своем авторстве народный поэт рассказал американцу Х.Э. Гафту во время Всесоюзной конференции МВД СССР по проблемам перевоспитания правонарушителей в г. Харькове в ноябре 1981 года. Позднее Эрендженев активно распространял версию в расширенном варианте: якобы четверостишие написано им на калмыцком языке, а перевел частушку зэк Алексей Баталин, бывший ленинградский преподаватель. С Баталиным калмык действительно отбывал срок. Правда, совершенно непонятно, зачем надо было перекладывать четверостишие на русский язык, если сам Эрендженев прекрасно говорил и сочинял по-русски. Учился он в Саратовском университете, и даже с легкой руки народного поэта Пушкин зазвучал по-калмыцки.

Впрочем, Эрендженев придумал калмыцкую припевку о колымской погоде или кто-то другой, сама по себе она далеко не оригинальна. Но суть не в этом. Эрендженев придумал калмыцкую припевку о колымской погоде или кто-то другой, следует заметить, что сама по себе она далеко не оригинальна. Еще древнегреческий историк Геродот Галикарнасский (484–425 гг. до н.э.), описывая земли севернее реки Танаис, рассказывал: *«Во всех названных странах зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа... Море здесь и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы... выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли синдов. Такие холода продолжаютя в тех странах сплошь восемь месяцев, да и остальные четыре месяца не тепло»*. Это определение холода, судя по всему, в Греции стало крылатым выражением, и

даже в 200 году нашей эры древнегреческий ритор и грамматик Афиней в восьмой книге своего сочинения «Пир мудрецов» замечал об одном из фракийских городов: *«В Эносе стоит восемь месяцев мороз и четыре стужа»*.

Не знаем, разошлась ли эта шутка по миру, однако до России она дошла точно – причем сначала не до далекой Колымы, а до более близкого Санкт-Петербурга. Здесь существовали как минимум с XIX века язвительные сентенции: *«В Петербурге три месяца зима, остальное – осень»*, *«В Петербурге восемь месяцев зима, остальное – дурная погода»* (Наум Синдаловский. «Петербург в фольклоре»).

Да что там Петербург; вспомним поэму Николая Некрасова «Русские женщины», где иркутский губернатор отговаривает княгиню Трубецкую от поездки к опальному мужу-декабристу:

Но хорошо ль известно вам,
 Что ожидает вас?
 Бесплодна наша сторона,
 А та – еще бедней,
 Короче нашей там весна,
 Зима – еще длинней.
 Да-с, восемь месяцев зима
 Там – знаете ли вы?
 Там люди редки без клейма,
 И те душой черствы;
 На воле рыскают кругом
 Там только варнаки;
 Ужасен там тюремный дом,
 Глубоки рудники...

Итак, восьмимесячная зима по отношению к русскому северо-востоку была вполне обычным представлением, равно как и утверждение о том, что остальное время – не лучше. Правда, колымская поговорка ближе к природе именно этого края, поскольку чудовищные холода здесь действительно сменяются довольно жарким коротким летом. Поэтому, даже указывая на явные источники ее возникновения, мы не можем отказать ей в оригинальности.

Многие исследователи склонны относить рождение колымской частушки к 30-м годам прошлого века. Основания для этого имеются. С началом грандиозного освоения Колымского края и организации треста «Дальстрой» вкупе со СВИТЛом пропаганда активно стала продви-

гать образ Колымы как «страны обетованной». Граждан призывали срочно заселять это «крайское место», убеждая, что здешние места отличаются прекрасным климатом. Эдуард Берзин в очерке «Колыма», размещенном в журнале для заключенных Дмитлага «На штурм трассы» (февраль 1936), писал: «...У многих создалось мнение, что Колыма – это край мрачной, угрюмой природы и нездорового климата. Неверно! Мы еще не имеем ни одного факта, который хотя бы в малейшей степени подтвердил неблагоприятное влияние колымского климата на организм. Что касается здешней природы, то если бы ее знали туристы зимой или в лучшие летние месяцы – август, сентябрь, – наш край превратился бы в серьезного конкурента югу.. А сухие зимние морозы, хотя и достигают порой 70 градусов, переносятся сравнительно легко и не могут служить препятствием для заселения края, для развития промышленности и сельского хозяйства...»

Не то чтобы Берзин совсем уж врал... Но сильно приукрашивал. Колымский зэк Валерий Бронштейн пишет о «лучших летних месяцах» несколько иначе: «Чему я здесь еще удивился, то это колымскойлетней жаре. Почему-то вспомнился куплет известной колымской песни: "...Колыма, Колыма, чудная планета, двенадцать месяцев зима, остальное – лето..."», и поэтому ожидал, раз лето очень короткое, то должно быть и холодным, но оказалось очень жарким и душным. Все это усугублялось необходимостью ходить в кирзовых сапогах, толстой рабочей куртке и накомарнике, надетом на шляпу лучше всего с большими полями, так как мириады комаров набрасывались на тебя в тайге, пытаясь укусить даже через швы на сапогах. Они набивались в рот при сильном вздохе или еде и не давали спать в палатке. В середине августа к комариному кошмару прибавлялся еще и гнус, который держался до первых ночных заморозков в сентябре».

Что касается колымской зимы, исчерпывающую характеристику и ее влияния на лагерников дает Иван Джуха: «Это, конечно, преувеличение, что зима на Колыме длится 12 месяцев. Температуры ниже нуля устойчиво держатся здесь "всего" восемь месяцев: с октября по май... При температурах ниже пятидесяти градусов заключенных на работу не должны были выводить, а эти дни засчитывать как отработанные (т.е. активировались). В действительности активировали, в 1938 году, только при морозе ниже 55 градусов».

Но берзинская пропаганда приносила плоды. Белорусский прозаик Сымон Барановых, осужденный в октябре 1937 года за участие в создании антисоветской националистической организации на 10 лет лишения свободы, писал жене: «На Колыму повезут исключительно

здоровых, упитанных. Меня могут забраковать по зубам. Я постараюсь скрыть, что зубы больные. Пусть везут на Колыму. О Колыме говорят заключенные, как когда-то говорили об Америке». В ноябре 42-го года он умер на лагпункте «Чекист» от воспаления легких и паралича сердечной деятельности... Актер Георгий Жженов вспоминал, что, когда ему в 1938 году объявили приговор – пять лет Колымы, тюремный доктор ободряла: *«Вот видишь... Не горюй, поэт! Там апельсины растут! Все будет хорошо...»* Михаил Миндлин в мемуарах «Анфас и профиль» сообщает: *«Много всего услышали мы про колымские лагеря – и кормят там хорошо, и заработки большие, так как добывают на приисках золото, и обращение с заключенными человеческое. В общем, рай земной для обездоленных заключенных. Я в это не верил, так как почти год тому назад в Бутырках узнал от Завьялова, какой “рай” на Колыме для “врагов народа”. Еще тогда запомнилась песня:*

Колыма, Колыма,
Дивная планета:
Десять месяцев зима,
Остальное – лето».

И все же надо отдать должное Берзину: на ранних этапах освоения Колымского края пламенный чекист старался обеспечить лагерникам сносные условия существования. Правда, сопровождая это чудовищным враньем о райской жизни советских старателей: *«Золотодобыча в условиях капитализма поглощала и поглощает немало человеческих жизней. Аляска, Клондайк, Колорадо и золотоносные районы капиталистической России погубили десятки тысяч людей... В этом отношении Колыма, добывающая золото для социалистической страны, прямая противоположность... Ни один человек за эти годы не погиб из-за золота, и этим мы вправе гордиться, как величайшим достижением».* Все это, разумеется, было ложью. И все же первые этапы арестантов верили в то, что таежные прииски – лучше, чем домзак или политизолятор, а чекист Берзин представлялся им «либералом» и «гуманистом». И ведь действительно: при нем рабочий день летом составлял десять часов. В зимние месяцы рабочий день сокращался до четырех часов в январе, шести-семи в феврале – марте и восьми – в апреле.

Николай Билетов в мемуарном очерке «С 32-го на Колыме» тоже рисует достаточно терпимую обстановку в ранние колымские годы. Кормили хорошо, даже выдавали перед обедом спирт (считалось, что он предохраняет от цинги), у входа в столовую стояли две бочки, одна

с селедкой, другая – с красной икрой. Правда, вскоре спирт заменили на хвойный отвар, а икра была горько-соленая и слежавшаяся, поэтому на нее находилось не много охотников.

К тому же прав Шаламов, утверждая, что эта «благость» была мнимой: *«Берзин также убивал по приказу свыше в 1936 году. Газета “Советская Колыма” полна извещений, статей о процессах, полна призывов к бдительности, покаянных речей, призывов к жестокости и беспощадности. В течение тридцать шестого года и тридцать седьмого с этими речами выступал сам Берзин – постоянно, старательно, боясь что-нибудь упустить, недосмотреть. Расстрелы врагов народа на Колыме шли и в тридцать шестом году... Легенду о Берзине развеять нетрудно, стоит только просмотреть колымские газеты того времени».*

Но все познается в сравнении. В этом можно убедиться на примере судьбы актера и музыканта заключенного Сергея Лохвицкого. Он был осужден коллегией ОГПУ 27 апреля 1933 года по «политической» статье 58-11 на десять лет и уже 15 июля прибыл в бухту Нагаево. При Берзине к «контрику» Лохвицкому приехала на Колыму любимая женщина, здесь у него родилась дочь... Поэтому вполне искренним можно считать написанный Сергеем Лохвицким марш «Так держать!», посвященный «пионеру Колымы Э. П. Берзину»:

– Так держать!
Тебе, Отчизна, –
Пламя сердца и ума;
Расцветай счастливой жизнью,
Край суровый – Колыма!

Марш победил на конкурсе газеты «Советская Колыма» в марте 1936 года, а первые строки песни секретарь Берзина Эсфирь Лейзерова даже записала на обороте фотографии своего шефа. Увы, автора это не спасло. После Берзина «лафа» закончилась: «контриков» вместе с ворами и бытовиками всех скопом погнали на тяжелый труд. Через десять лет Колыма превратила Лохвицкого в искалеченный труп, который невозможно было даже идентифицировать – обмороженные пальцы не оставляли четких отпечатков.

Итак, есть основания считать, что частушка о «чудной планете» могла родиться именно при первом начальнике «Дальстроя» Эдуарде Берзине, то есть до декабря 1937 года, когда он был арестован как руководитель «Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-

террористической, вредительской организации» (1 августа 1938 года приговорен к высшей мере уголовного наказания и расстрелян).

«Чудная» или «дальняя»?

Но не будем торопиться с выводами. Попробуем разобраться, почему Колыма названа «планетой». Забудем на время об эпитете: далеко не во всех вариантах «Ванинского порта» используется определение «чудная». Вместо него пели «дивная», «райская», «черная», «страшная», «дальняя»...

Стоп! Пожалуй, есть смысл остановиться на последней характеристике. Ее рождение прямо связано с трестом «Дальстрой». Именно «Дальстрой» называли поначалу «Дальней планетой». Об этом (как о само собой разумеющемся факте) упоминает, например, Евгения Гинзбург в мемуарах «Крутой маршрут»: *«Я давно слышала, что между начальником Дальстроя Митраковым, сменившим уволенного в отставку Никишова¹, и начальником политуправления Шевченко – нелады. Не знаю, было ли там что-нибудь принципиальное или просто шла борьба за власть в пределах “Дальней планеты”»*. Та же Гинзбург приводит вариант частушки:

Колыма ты, Колыма, дальняя планета,
двенадцать месяцев – зима, остальное – лето...

И все же – почему «планета»? Да потому, что именно это определение более всего подходило для Колымы. Колымский край был совершенно другим миром, как бы инопланетной цивилизацией. В том же «Ванинском порте» поется:

«Прощай навсегда, материк!» –
Ревел пароход, надрывался.

Но ведь Колыма находится на том же самом материке, с которым почему-то прощается пароход! Однако зэки с самого начала отделяли материковую часть России (даже соседний Дальний Восток) от Колымы, подчеркивая ее полную изолированность от мира. Колымский край называли даже «Особый остров». Александр Бирюков в «Белом ма-

¹ Гинзбург ошибается: начальника «Дальстроя» Ивана Никишова в декабре 1948 г. сменил Иван Петренко, и лишь затем на место Петренко в октябре 1950 г. пришел Иван Митраков.

монте» дает ему убийственную характеристику: «...Дальстрояевская Колыма сама, устами своих обитателей, заключенных и вольнонаемных, заявила о своем островном статусе, определив, что все то, что не она, – материк... Особый остров представлял военно-хозяйственную диктатуру во главе с полновластным, воплощавшим в своем лице единство военной, хозяйственной и общественной власти, начальником Дальстроя... Эта система была столь стройна, самодостаточно и по-своему совершенна, что... ей в принципе было безразлично, что и из чего производить. И исчезни здесь золото и другие полезные ископаемые, она великолепно существовала бы, сосредоточив свои основные усилия на проходке облицованного мрамором гигантского тоннеля к центру Земли или строительстве не менее гигантской плотины в Беринговом проливе. Вся эта простая и предельно надежная машина могла бы с таким же успехом работать над проектами производства высококачественной ваты из густых охотских туманов или строительства из стойких колымских лиственниц лестницы на небо».

Итак, образ особой планеты возник именно в связи с «Дальстроем», подчеркивая отдаленность и изолированность Колымской земли.

«Страна чудес»

А откуда появилось определение «чудная планета»? Понятно, что оно пропитано издевкой и сарказмом. Причем именно эпитет «чудная» оказался наиболее стойким! Схожие с ним «райская», «дивная» – достаточно редкие варианты. Случайно ли? Нет.

В рассказе «Джелгала. Драбкин» Варлам Шаламов пишет: «По своим моим юридической натуры, моего личного опыта, бесчисленных постоянных примеров, что Колыма – страна чудес, по известной поговорке лагерников-блатарей, я как-то не волновался этой юридической формальностью, нарушением ее». Ага, оказывается, у блатарей существовала поговорка о Колыме – «стране чудес»! Шаламов, однако, не приводит поговорку полностью. А звучит она так: «Колыма – страна чудес: сюда попал и тут исчез!» Вместо Колымы также подставляли Магадан. И сегодня эта поговорка гуляет по стране. Вместо Колымы часто подставляют другие географические названия. Достаточно заглянуть в Интернет: здесь и Буранчи (село в Оренбургской области), и Гольяново (район Москвы), и Иркутск, и Россия в целом, и даже... сам Интернет! Но несомненное первенство все-таки за Колымой.

Снова обратимся к истории. Оказывается, выражение «Колыма – страна чудес» придумали вовсе не блатари и вообще не заключенные.

Впервые фраза отмечена в серии статей П. Загорского, которые опубликовала газета «Известия» в 1944 году. По степени фантастичности эти опусы оставили далеко позади даже «сказки дядюшки Берзина». Статьи появились неспроста. Как раз в 1944 году произошло знаменательное событие. О нем повествует английский писатель Роберт Конквест в статье «Клоунский фарс». Колымский край с краткосрочным визитом посетили вице-президент США Генри Уоллес и профессор Оуэн Латтимор, который представлял службу военной информации Соединенных Штатов. И вовсе не затем, чтобы «развеесть мифы» о жестоком обращении с советскими заключенными. От политиков не требовалось ничего опровергать, поскольку сведения о невольничьем труде в колымских лагерях до Запада в то время не доходили. Просто Колыма была удобным местом для трехдневной остановки союзников во время перелета из США в Китай.

После посещения Колымского края Уоллес и Латтимор опубликовали восторженные отчеты. В книге «Миссия в Советскую Азию» Уоллес писал, что золотоискатели на Колыме – это «рослые крепкие парни, которые приехали на Дальний Север из европейской части России», они являются «пионерами нового технического века, строителями городов». Конквест подробно описывает детали большого обмана: «Деревянные вышки, тянущиеся вдоль всей дороги в Магадан, были снесены. В течение трехдневного визита никого из заключенных, выполнявших городские работы, не выпускали из лагерей. Более того, когда гости проезжали мимо лагерей, заключенным не разрешалось покидать бараки. Их запирали там и крутили фильмы...»

Уоллес писал: «В сравнении с золотоискателями царской России люди в комбинезонах на Колыме могли тратить на свои нужды денег намного больше, чем тогда». Красочно описывает вице-президент и посещение поселка Берелех: «Мы летели на север над колымской дорогой в Берелех, где было два прииска. Предприятие, расположенное там, выглядело впечатляюще. Производство там развивалось быстрее, чем в Фейербенке (США), хотя условия в Берелехе были более тяжелыми».

Профессор Латтимор написал о визите специальную статью с фотографиями для «National Geographic Magazine», которая была опубликована в декабре 1944 года. «Жестоким царским временам» автор противопоставил эпоху «Дальстроя», опять-таки «макнув» комбинат в Фейербенке, который, по мнению Латтимора, уступает советскому тресту в эффективности управления. Далее автор статьи сравнил колымскую действительность и американские времена «золотой лихорад-

ки» – с их «грехами, джином и скандалами». На Колыме вместо этого – оранжереи, которые снабжают рабочих помидорами, огурцами и даже дынями – *«чтобы быть уверенными в том, что золотодобытчики получают достаточное количество витаминов»*. Одна из фотоиллюстраций к статье запечатлела группу храбрых парней. Подпись гласила: *«Они должны быть крепкими, чтобы выносить лютые морозы»...*

Отзывы высоких гостей были широко разрекламированы в советской прессе. Именно тогда и появилась издевательская поговорка, которая придала бодрой фразе Загорского зловещий смысл: «Колыма – страна чудес: сюда попал – и здесь исчез». Связь событий 1944 года с возникновением присловья очевидна. Но тогда есть серьезные основания полагать, что и определение Колымы как «чудной планеты» тоже относится именно к середине 1940-х годов. Произошло нередкое для фольклора явление: контаминация фразеологических единиц, то есть смешение двух словосочетаний – «дальняя планета» и «страна чудес», а в результате образовалась «чудная планета» (существует и вариант «чудесная планета»).

К слову сказать... Возможно, колымчане действительно считают свой край чудным. Об этом лучше спросить у них. Как говорил герой известной комедии: «Будете у нас на Колыме...»

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 20.12.2012 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная